

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ГЛАСНОСТЬ ВТОРОЙ СВЕЖЕСТИ
- КОММЕНТАРИИ К КОММЕНТАРИЯМ
- МЕНЮ СЪЕЗДА
- ПЕВЦЫ ДИКТАТУРЫ
- СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ ИНТУРИСТА
- ОСКОРБЛЕНИЕ ЦЕНОЙ В 413 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ
- КАК ЛЕГКО МЫ ПРОЩАЛИ ДОЛГИ
- НА САМЫХ ДАЛЬНИХ НАШИХ ОСТРОВАХ
- ООН В СПЕЦХРАНЕ
- СПОРЫ О ПОЛЬШЕ
- ГОРОДУ И МИРУ
- КОММУНИСТ АНАТОЛЬ ФРАНС
- РЕПИН И АХРР
- ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Я.Руссакис (Афины), Б.Шрагин (Нью-Йорк), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 100 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 110 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 6 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

ISSN 0178-5036

СОДЕРЖАНИЕ

Политический дневник	1
<i>Р.Бахтатов.</i> Партийная организация и партийная литература	13
Дым Отечества	28
Вести из СССР	31
<i>М.Дейч.</i> Слово и дело	37
Из газет: 40 лет назад	43
Меню	44
Спор о Польше	45
<i>А.Валицкий.</i> Польские парадоксы	45
<i>Я.Карпинский, В.Кучинский, Л. Колаковский,</i> <i>К.Помян, Я.Ю.Липский, Е.Сурдуковский,</i> <i>Е.Гольцер, С.Киселевский.</i> Реплики в споре	57
Dominum et vivificantem. Энциклика папы римского <i>Иоанна-Павла II.</i> Продолжение	67
<i>Э.Орловский.</i> Где найти документы ООН?	80
<i>Е.Юнг.</i> На поклон в страну социализма	84
<i>Е.Эткнд.</i> От Анатоля Франса до Эври Шацмана	88
Из газет: 60 лет назад	90
<i>Е.Гессен.</i> Во имя четвертого времени	91

Das Land und die Welt e.V., Sendlinger Str. 37, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany
Tel. (089) 2605046/ 2605047; telex 5218017 unbt d.
Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)
Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Это было слишком прекрасно для того, чтобы продолжаться слишком долго. Целых 1058 дней в демократической Италии существовало прочное правительство. К началу лета с этим ненормальным положением было покончено. В результате тайного голосования по вопросу, не имеющему особого значения и тотчас же забытому, правительство оказалось в меньшинстве. Его предала сама господствующая партия. Ни у кого не было ни малейших иллюзий относительно истинной подоплеку правительственного кризиса: "Поцарствовал — и хватит; дай другим". Но можно было, по крайней мере, надеяться на формирование "купального", как выражаются в Риме, правительства — на время летнего сезона, с тем чтобы осенью политический мир, отдохнув и загорев на пляжах, смог заняться созданием чего-либо более солидного.

Почему в Италии существует такая странная система? Уже давно сложилась ситуация, при которой ни одна из конкурирующих партий не может притязать на единоличное правление. Приходится создавать недолговечные коалиции, члены которых всякий раз надеются придвинуться поближе к пирогу. В этой игре активное участие принимают министры, втайне надеясь, что очередное крушение очередного правительства позволит им занять в следующем правительстве местечко на пять сантиметров повыше. Механизм прост: в нужный момент "своему" правительству отказывают в доверии.

Речь идет — по крайней мере, в нынешнем случае — отнюдь не о подлинном политическом кризисе. В правительстве, рухнувшем 27 июня, было представлено пять партий: христианские демократы, получившие на последних выборах 33%

голосов, социалистическая партия, собравшая 11%, за ними республиканцы, либералы, социал-демократы.

Вот уже три года как влияние партии христианских демократов, прочно державшей первенство, пошатнулось из-за серии скандалов, в которых были замешаны видные люди вплоть до президента республики. Партия попыталась реабилитировать себя, переложив ответственность на лидера социалистов, которому был уступлен пост премьерера. В ожидании лучших времен она сумела сохранить за собой некоторые ключевые посты, в том числе кресло министра иностранных дел. Христианские демократы ожидали, что период относительного упадка продлится недолго. Тем не менее Беттино Кракси побил (в роли главы правительства) все рекорды долговечности и сумел приобрести репутацию человека, который "наконец-то умеет руководить".

Приближается дата очередных выборов. Христианские демократы надеются взять реванш. Их кандидат на пост премьер-министра Андреотти, вот уже 40 лет подвизающийся на политической сцене, — министр иностранных дел в кабинете Кракси. Собственно, для того, чтобы его продвинуть, и был устроен кризис 27 июня. Но участники "заговора" просчитались. Неожиданно премьер-министру Кракси срок его полномочий был продлен на семь месяцев. После этого он уйдет в отставку и предполагает целиком посвятить себя делам своей партии. Что будет дальше, никто не знает.

Несколько по-иному выглядит положение правительства в Токио. Есть ли основания жаловаться у нынешнего главы японского кабинета? Все вроде бы идет отлично. На досрочных выбо-

рах 6 июля его либерально-демократическая партия получила 54% голосов и соответственно 312 мест из 500 в парламенте: всего три года назад она собрала лишь 47% голосов и располагала в парламенте 250 местами. Партия находится у власти в стране с 1955 года.

Кто может угрожать ее первенству? Разве что социалисты. Но за них голосовала лишь пятая часть избирателей — меньше, чем три года назад. Буддийская партия Кокейто собрала 10%; социал-демократы, а также коммунисты, хотя последние и провозгласили свою независимость от Москвы и от Пекина, и вовсе плетутся в хвосте. Тем не менее нынешний политический пейзаж обманчив. Дело в том, что внутри самой правящей партии наметились и даже признаны официально соперничающие группы, или кланы. Нынешний премьер-министр Накасоне, судя по всему, был связан с кланом, во главе которого стоит один из сильных людей Японии, Танака. После происшедшей несколько лет назад неприятной истории со взятками, которые Танака получил от компании Локхид, ему пришлось уйти. Это побудило Накасоне отмежеваться от людей, способствовавших его карьере. Он возглавил собственный клан, насчитывающий примерно 60 человек; в клане Танака числится 120. Есть и несколько других кланов. Согласно закону правящей партии, премьер-министр, выдвинутый ею, должен уйти со своего поста по истечении четырех лет. Для Накасоне колокол прозвонит в 1987 году. Однако он надеется продлить свое правление, и некоторые шансы на это ему дает победа, одержанная 6 июля. Но есть обстоятельства поважнее партийных комбинаций: главе правительства предстоит сразиться с более серьезным соперником, имя которому, как ни странно, — процветание Японии.

Глобальная мощь японской экономики общеизвестна. Ограничимся двумя цифрами. С 1970 по 1985 гг. часть национального продукта, экспортируемая за пределы страны, удвоилась; стоимость японской иены по отношению к американскому доллару за последние десять месяцев повысилась почти на 50%.

Рост курса японской валюты повлек за собой обычные в таких случаях последствия: придется снижать сбытовые цены, чтобы сохранить высокую конкурентную способность японских товаров на международных рынках, одна-

ко, большинство средних предприятий в стране не могут себе этого позволить. На внешнем рынке японская конкуренция вызывает ответные меры со стороны главного экономического соперника — Соединенных Штатов, которые вынуждены сократить закупки японских товаров. До последнего времени в Японии существовал приоритет экспорта. Отныне, чтобы поддержать высокую конъюнктуру и компенсировать неизбежное снижение внешнеторговых цен, экономика страны вынуждена повернуться лицом к внутреннему рынку. Производство для собственного потребителя неизбежно меняет экономические связи, сложившиеся внутри страны. Вдобавок правительство стоит перед задачей преодолеть бюджетный дефицит, который стал прямо-таки невыносимым. Доходы государства на три четверти состоят из прямых налогов. Увеличить их уже невозможно. По-видимому, придется прибегнуть к повышению налога с оборота, а это, без сомнения, повредит тому, что принято называть японским мифом.

Свои проблемы существуют и у другого экономического гиганта — Федеративной республики Германии. После Чернобыля различные "альтернативные" движения в ФРГ получили новый импульс и усилили свое влияние на политическую жизнь; в первую очередь, это, конечно, относится к экологической партии, так называемым "зеленым". Но и одна из ведущих немецких политических партий, социал-демократическая, которая в настоящее время находится в оппозиции и рассчитывает взять реванш на всеобщих выборах весной будущего года, ищет возможности расширить свое влияние и опереться на дополнительные политические силы. О коммунистах, престиж которых в стране крайне низок, а влияние ничтожно, не может быть и речи. Партия либералов, прежних союзников социал-демократической партии, ныне связала свою судьбу с правящей партией ХДС—ХСС. Кто же остается? Остаются "зеленые". Сказать, что это удобные и приятные союзники, нельзя. Ведь эта партия, оформившаяся как таковая совсем недавно, хотя и участвует — и очень активно — в политической жизни, по существу, отказывается играть в традиционную политическую игру. Позиция социал-демократов по отношению к "зеленым" противоречива. На левом фланге социал-демократов выдвинулась в последние годы такая фигура, как нынешний премьер-ми-

нистр земли Саар Оскар Лафонтен, воинствующий пацифист, противник использования атомной энергии, один из тех, кто требует выхода Германии из западного оборонительного союза и т. д.; его программа, в сущности, совпадает с требованиями "зеленых".

Но кроме пацифизма, есть и подлинные проблемы мира и мирного урегулирования. Об этом все чаще и чаще говорят на Ближнем Востоке. Помирятся ли когда-нибудь евреи и арабы? Будет ли способствовать этому последняя ближневосточная сенсация — встреча израильского премьер-министра Шимона Переса с "повелителем Дальнего Запада", как официально именуется король Марокко Хасан II, состоявшаяся во дворце Ифране, поблизости от Касабланки, 22 и 23 июля? Уже сам факт встречи израильского лидера с арабским монархом имеет большое значение. Все помнят об инициативе Садата, который пошел за нее жизнью. Можно упомянуть и о его предшественнике, трансйорданском короле Абдалле, дедушке нынешнего короля Иордании Хусейна. Абдалла был убит за "измену" исламу — попытку найти общий язык с новорожденным государством Израиль.

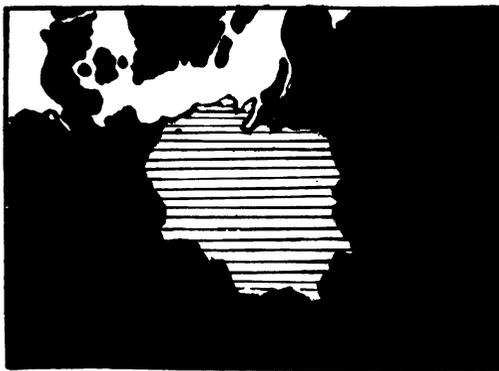
Что заставило Хасана II встретиться с израильским лидером? Марокканский король руководствуется простым, но отнюдь не бесспорным в арабском мире правилом: хочешь мира, договаривайся с врагом. Нечего удивляться тому, что его поступок вызвал возмущение в среде тех, кто не соглашается признать за Израилем право на существование.

Напомним, что Хасан II принимал у себя в сентябре 1982 г. представителей арабской лиги во время их последней встречи в верхах в городе Фес. Эта конференция выработала программу из шести пунктов, представляющую собой умеренный вариант традиционной политики арабского мира по отношению к еврейскому государству. Например: Израиль должен уйти со всех территорий, занятых после войны 1967 г., в том числе из арабской части Иерусалима. Или: ООП — "единственный законный представитель палестинского народа". Но одновременно говорилось и о том, что Совет безопасности ООН должен дать гарантии всем государствам ближневосточного региона, включая — мы цитируем — "независимое палестинское государство". Отсюда следует, что государству Израиль тоже уступают право существовать на этом свете, хотя

и с серьезной оговоркой, — случай, не имевший прецедента на арабских верхах.

С тех пор прошло четыре года. Что же заставило марокканского суверена вернуться к старому плану? Очевидно, он счел безотлагательным именно теперь начать переговоры, даже если они поначалу и не обещают прогресса. Нынешнюю правительственную коалицию в Израиле возглавляет лидер партии труда, который уже не раз проявлял готовность сделать умеренные уступки арабам. В октябре, однако, Перес должен будет уступить место Шамиру, который известен своей более непримиримой позицией. Движение Ликуд, которое он возглавляет, выдвигает программу Большого Израйля и отказывается от каких бы то ни было переговоров с террористами. Впрочем, в Ифране Перес не сказал ничего такого, что могло бы вызвать гнев у соперников в Ликуде, не говоря уже о сторонниках в собственной партии. Если судить по официальным текстам, встреча не привела к конкретным результатам. Но мы знаем, что за официальными кулисами подчас скрывается нечто такое, что может быть важнее и интереснее самого спектакля. ●

Г. Ферон

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

Двумя важнейшими событиями последних недель в Польше были X съезд ПОРП, состоявшийся в начале июля, и закон об амнистии, который сейм приурочил к 22 июля — официальному празднику провозглашения ПНР.

Хотелось бы, однако, начать с рассказа о двух менее известных событиях. Первое — это дело полковника Генерального штаба Владислава Куклиньского, о котором представитель прави-

тельства по связям с прессой Ежи Урбан сообщил почти сразу же после ареста Збигнева Буяка. Урбан не сообщил, впрочем, что В. Куклинский был в генштабе старшим офицером по связям с командованием Варшавского пакта. Он участвовал со стороны армии в подготовке военного переворота и поэтому знал о многих деталях предполагаемой военно-полицейской акции. Ему не была известна точная дата военного переворота, однако он знал, что переворот произойдет не позднее 15 декабря 1981 г. После этой даты должны были увольняться в резерв солдаты срочной службы, призванные еще до августа 1980 г. В период легального существования "Солидарности" солдатам этого призыва был запрещен выход из казарм, чтобы их не коснулось "разложение". После 15 декабря в армию должен был прийти новый набор солдат, которому ни власти, ни военное командование полностью довериться не могли, особенно в таком деле, как ликвидация "Солидарности".

В начале ноября 1981 г. Куклинский передал эту первостепенной важности государственную тайну американской разведке, а 7 или 8 ноября разведка помогла ему и его семье бежать из Польши. Однако американцы не сообщили о полученной информации ни печати, ни руководству "Солидарности". Объяснение представителя госдепартамента, что Куклинский не знал точной даты переворота (позднее стало известным, что решение было принято всего за 24 часа), выглядит не убедительным. Причина была, вероятно, иной.

Молчание американцев в период событий пятилетней давности власти решили использовать для пропагандистского наступления на оппозицию, начатого после ареста Буяка и его близких сотрудников – Конрада Белинского и Эвы Кулик. По-видимому, они переоценили свои возможности, полагая, что оппозиционное движение рассыплется после их ареста как карточный домик и что дело Куклинского поможет ускорить процесс распада. Власти хотели внушить оппозиции и всем полякам: вам не на кого надеяться, кроме как на "народную власть".

Людям подполья Урбан как бы сообщал: если бы американцы сообщили о планах властей, то от них пришлось бы отказаться. Значит, американцы помогли нам прикончить вас. А вы по-прежнему смотрите на них как на светоч Свободы. Полякам, которые не связаны с оппозицией,

но ненавидят режим, Урбан хотел внушить другую мысль. Американцы, дескать, не сообщили о перевороте потому, что боялись "здорового течения" в "Солидарности", которое удержит "экстремистов" от столкновения с властями и приведет к нормализации положения: ведь если бы в Польше дело дошло до кровавых столкновений, Советский Союз решился бы на вооруженную интервенцию, а это подорвало бы его моральные и политические позиции в глазах мирового общественного мнения.

Дело Куклинского сейчас уже утихло и больше не занимает мировую и польскую печать. Надежды властей, что оно поможет психологически сломить подполье, оказались иллюзорными. Место Буяка во Временной координационной комиссии (ВКК) "Солидарности" занял, как уже сообщалось, Виктор Кулерский (Мазовше). Кроме него известны по именам еще двое членов ВКК, находящиеся в подполье: Марек Мушинский – от Нижней Силезии и Ян Анджей Гурны – от Силезско-Домбровского района. Имена пяти других членов ВКК, очевидно, находящихся на легальном положении, не сообщаются. Это представители Гданьска и регионов: Малопольши, Торунь – Быдгощ, Великопольши и Лодзи.

* * *

В июле-августе исполнились годовщины двух важнейших событий в послевоенной истории Польши: восстания рабочих в Познани 1956 г. и рабочих волнений в Радоме и на варшавском тракторном заводе "Урсус" в 1976 г. Вспомнить о них стоит не только для того, чтобы польстить нашей польской склонности к юбилеям и чтобы еще раз поговорить о наших мучениках. Оба выступления рабочих нельзя расценивать как победы: они были потоплены в крови. В ходе Познанского восстания было убито 75 рабочих, 575 ранено и 746 арестовано. Власти назвали его выступлением уголовников, спровоцированных империалистами. Но уже пришедший в октябре 1956 г. к власти Гомулка признал требования познанских рабочих справедливыми, и все арестованные были освобождены еще до конца 1956 г. С Познанским восстанием начался новый период послевоенной истории страны – период либерализации, роспуска колхозов и прекращения преследований Церкви. И выступления в Радоме и на "Урсусе" были зверски подавлены. Однако с них берет начало Комитет защиты рабочих – Комитет общественной самозащиты

(КОР-КОС), движение неподцензурной печати, "свободных университетов" и все польское оппозиционное движение наших дней.

В честь этих событий были проведены собрания и торжественные молебны на местах событий. Мессу в Познани с участием 30 тысяч собравшихся вел Примас Польши кардинал Ю. Глемп. К многочисленным венкам у памятника погибшим рабочим добавились скромные венки от ЦК ПОРП и официального Польского движения за национальное возрождение.

* * *

К съезду ПОРП были опубликованы некоторые данные о польской компартии. Она насчитывает сейчас 2125 тыс. членов и кандидатов. Среди них 38% рабочих, 9% крестьян, а остальные — то, что партийная статистика называет интеллигенцией. Главное место среди "интеллигенции" занимают работники государственного и партийного аппарата, а также офицеры армии и полиции и учителя средней школы. Если вычтуть из общего числа пенсионеров, то процент рабочих окажется значительно ниже, а "интеллигенции" выше, в особенности по сравнению с 1980—81 гг. В конце 1980 г. ПОРП насчитывала 3092 тыс. членов и кандидатов, и по официальным сведениям, лишь в конце 1985 г. удалось приостановить падение числа активных (то есть, не достигших пенсионного возраста) членов партии. Это было расценено как еще один признак "нормализации". Горбачев сравнил польский партийный съезд с XXVII съездом КПСС, и думается, напрасно. Съезд был отрежиссирован более тщательно, чем предыдущий, а речи делегатов подверглись более суровой цензуре. В устав партии внесены изменения, явно противоречащие линии на демократизацию внутривнутрипартийной жизни. Вновь подчеркивается принцип так называемого демократического централизма, то есть диктатуры аппарата. Исключены из устава принцип смены руководящих кадров и правило о выборе первого секретаря непосредственно съездом из числа нескольких кандидатов. В новый состав ЦК не вошли несколько человек, ставших известными в период "Солидарности" либо как крайне левые, либо как крайне правые. Не вошел в него также и предшественник Ярузельского на посту первого секретаря Станислав Каян, который, по мнению многих поляков, пытался найти какой-то компромисс с оппозицией. Еще одним сигналом,

долженствующим доказать прогресс "нормализации", было включение в состав политбюро Альфреда Медовича, председателя официально-профсоюзного объединения.

С начала до конца съезд контролировала группа Ярузельского. В ходе съезда не было слышно ни звука, свидетельствующего о какой-либо оппозиции, ни одной либеральной и антидогматической нотки. Это еще раз показывает на беспочвенность фантазий о либерализме Ярузельского, находящегося якобы под давлением некоей группы твердолобых (такие слухи подкидывает обществу и официальная пропаганда). Опровергает эти фантазии и наличие в составе политбюро четырех генералов — свыше четверти всех его членов. Присутствие на съезде Горбачева было для Ярузельского важным козырем, и он использовал его на сто процентов. Горбачеву был оказан самый подобострастный прием, иногда доходивший до комического. Так, одна из делегатов заявила в радиоинтервью: "Горбачеву так дорог мир, что он, похоже, готов бороться за него когтями и зубами". Кукушка тоже не пожалела похвал петуху: "политическая эрудиция, дальновидность и проницательность" Ярузельского были особо отмечены в речи Горбачева.

* * *

Недавно объявленная в Польше амнистия касается 11 статей Уголовного кодекса и может охватить примерно 20 тысяч из общего числа 120 тысяч арестованных и осужденных по политическим и уголовным делам. Это, пожалуй, самая большая амнистия в постсталинскую эпоху. Что касается политзаключенных, то можно ожидать, что будет облегчена участь тех, кто обвинялся по делам, связанным с неподцензурной печатью (печатники, перевозчики, распространители). Дела же тех, кто обвинен в "заговоре" и связях с "иностранными агентами", будут рассматриваться на уровне политической власти. К таким заключенным относятся Мочульский, Фрасынюк, Буяк и другие. Пока из этой группы вышли на свободу только Богдан Лис и Адам Михник. В целом амнистия не отвечает ожиданиям оппозиции, о чем и заявил в своем обращении к сейму Марек Эдельман — известный врач-кардиолог и деятель "Солидарности", последний из оставшихся в живых в Польше участников восстания в Варшавском гетто. ●

В. Кучинский

ПРОБЛЕМЫ ТИБЕТА

В нынешнем году исполняется 35 лет с тех пор, как Тибет был аннексирован Китайской народной республикой. Через 14 лет после аннексии, в 1965 г., Тибет стал автономным районом КНР.

Годы, прошедшие после присоединения к КНР, принесли немало страданий народу этой древней страны. Тибетцы – народ небольшой: в автономном районе проживает всего около 1,8 млн. человек. Однако существуют значительные концентрации тибетцев в соседних провинциях Китая, в Непале, в горных королевствах и протекторатах Индии – Бутане и Сиккиме, а также в индийском штате Кашмир. Общая численность тибетцев оценивается в 4,5 млн. человек. В миллиардном населении Китая тибетцы – малозаметное меньшинство. При этом, однако, территория Тибетского автономного района (1228 тыс. кв. км) составляет почти 13% площади КНР.

Несмотря на трудности доступа к Тибетскому нагорью (средняя высота над уровнем моря 4200 м), слабую изученность территории и скудность природных ресурсов, Тибет играл важную роль в политических событиях в Центральной Азии. Это объясняется географическим положением страны, расположенной между двумя самыми населенными государствами мира – Индией и Китаем. Из Западного Китая и Монголии через Тибет шли кратчайшие пути в Бирму и иные страны Юго-Восточной Азии. Другим важным обстоятельством было то, что Тибет и его столица Лхаса являются центром одной из важнейших религий мира – ламаитского буддизма. Ламаизм тибетского толка и его основная секта Гэлуг-ба (“желтые шапки”) – лишь небольшая часть последователей буддизма, об-

щая численность которых оценивается в 358 млн. человек. Его приверженцы живут на огромной территории – от Бурятии на северо-востоке Калмыкии на западе, а также во многих районах Индии, Непала, Бирмы и Шри Ланки (Шейлона).

Изолированное положение Тибета, наличие такого мощного интегрирующего фактора, как религия, позволили местным племенам, несмотря на внутренние раздоры и агрессивные устремления соседей с севера и юга, уже в XIV веке создать собственное национальное формирование. В XIV веке страна становится теократической монархией, в которой светская и духовная власть сосредоточены в руках далай-ламы (“лама, являющий собой море мудрости”). Поскольку далай-лама выбирается в детском возрасте (по сложному ритуалу, содержащему элементы шаманизма и астрологии), большую роль в руководстве государством всегда играл регентский совет из представителей высшего духовенства. В XVII веке создан институт второго иерарха тибетского ламаизма – панчен-ламы, который является заместителем и помощником далай-ламы и правит страной в период между-властия. Несмотря на высокий уровень неграмотности и бедность страны, тибетское общество всегда отличалось серьезными духовными устремлениями, мирным характером, трудолюбием и честностью, развитым чувством человеческого достоинства, тесно связанными с эгалитарными принципами тибетского буддизма.

В XVIII веке китайские императоры провозгласили сюзеренитет над Тибетом, но не решились изменить основы местной власти. Трудности сообщения и слабость пекинского двора обратили китайский протекторат в чисто номинальную власть. В 1913 г., после свержения императорской власти в Китае и отражения атак войск первого китайского президента Юань Шикая, была провозглашена независимость Тибета. Однако китайские власти продолжали претендовать на контроль над этим районом.

Великобритания, нейтрализовавшая в свое время попытки России проникнуть в Тибет, в 1904 г., после военной экспедиции Ф. Янгхасбенда стала единственной европейской державой, получившей торговые и политические привилегии в Тибете. Однако, не желая раздражать Россию, британский парламент возложил ответственность за ведение дел с Тибетом на британскую администрацию Индии. Это сыграло роко-

вую роль в 1949 г., когда коммунисты сразу же после захвата власти в Китае пригласили тибетское руководство к переговорам о "мирном освобождении" Тибета.

Попытки Запада помешать аннексии Тибета Китаем были заблокированы с двух сторон. С одной стороны, эти попытки встретили сопротивление индийского правительства, ставшего правопреемником Великобритании в делах Тибета и переживавшего период пламенной дружбы с Китаем. Другим препятствием, как ни странно, оказалось тайваньское правительство, которое заявило, что тибетский вопрос — внутренне дело Китая (в то время правительство Чан Кайши представляло Китай в ООН и, будучи постоянным членом Совета Безопасности, могло налагать вето на его решения).

Под грохот войны в Корее китайские войска начали продвигаться в Тибет и к началу 1951 г. вступили в Лхасу. Возможностей для сопротивления у тибетцев не было, и 23 мая 1951 г. в Пекине был подписан акт, фактически означавший присоединение Тибета к Китаю.

Как и двумя веками ранее, пекинское правительство временно сохранило многие элементы местной власти. Но уроки из прошлого были извлечены, и китайские завоеватели приступили к обширной программе строительства дорог из Китая в Тибет. У Пекина не было средств ни на приобретение нужной техники, ни на отправку в горы китайских рабочих и специалистов. На работы было принудительно мобилизовано местное население. Трудности горно-дорожного строительства, недостатки в технике и организации работ, произвол китайских военных властей привели к гибели десятков тысяч человек. В стране началось антикитайское восстание.

Подавление восстания затянулось, хотя численное превосходство было на стороне китайской армии (которая по сей день называется Народно-освободительной). Китайские власти, желая действовать не только силой, но и хитростью, предложили 14-му далай-ламе Лозон-дантэнджамцонгвангу (род. в 1935 г., интронизирован в 1940 г.) прибыть 10 марта 1959 г. в китайский военный лагерь для переговоров. Население, не без основания полагая, что далай-лама будет взят в качестве заложника, окружило его резиденцию — знаменитый дворец-крепость Потала. Китайцы открыли огонь по дворцу, но на-

селение не желало расходиться. 17 марта 1959 г. далай-лама удалился в изгнание. По предложению правительства Индии, которое к тому времени уже излечилось от приверженности к Китаю, он учредил свою резиденцию в городке Дхармсала в Кашмире. Вскоре к нему присоединились более ста тысяч тибетских беженцев из "автономного" района. Еще сто тысяч пали во время восстания и последующих репрессий.

В Тибете был введен режим военно-контрольных комитетов; проводились массовые убийства и переселения тибетцев. Панчен-лама Лобсан Принлэлхунтруп Чхокигьэци (род. в 1938 г., возведен в сан в 1949 г.) был принужден осудить далай-ламу и согласился стать марионеткой власти. Но это не спасло его от репрессий: в канун "культурной революции" он был публично изгнан из дворца и избит на улице, после чего он исчез на много лет.

В битвах "культурной революции" погибли ценнейшие предметы тибетской культуры и искусства. По оценке далай-ламы, из 2700 монастырей уцелело лишь тридцать. Настоящие сражения разыгрались между присланными "из центра" красногвардейцами-хунвейбинами и местным китайским гарнизоном во главе с генералом Чжан Гохуа, сидевшем здесь с 1950 г. (за что хунвейбины обозвали его "красным императором"). Красный император одолел красногвардейцев и сидел в своем наместничестве почти до конца "революции". Лишь перед смертью Мао его удалось под видом перевода с повышением выманить из Тибета, после чего следы генерала исчезли навсегда.

С начала 80-х гг. политика обновления, проводимая Дэн Сяопином и его окружением, коснулась и Тибета. Стало подчеркиваться уважение к национальному языку и культуре. Китайским чиновникам вменено в обязанность исполнять гимн КНР на тибетском языке, который они ранее не давали себе труда изучить. Тибет открылся для иностранного туризма: в 1980 г. туда прибыло 1500 туристов из-за рубежа, а в нынешнем году ожидается прибытие 15 тысяч.

К 1990 г. намечается привлечь сто тысяч туристов. К такой операции давно следовало бы начать готовиться, но на месте пока никаких сдвигов нет. Бедная страна (годовой доход на душу населения оценивается примерно в сто долларов) принуждена кормить армию китайских чиновников численностью в 50 тысяч и

двухсоттысячный армейский гарнизон. Пекинские власти уверяют, что ассигнования на развитие Тибета составили 2,3 млрд. долларов, построены 55 школ, многие промышленные предприятия и электростанции. Однако нищета населения по-прежнему ужасает, даже по китайским меркам. Тибетцы живут в глинобитных домах, отапливаемых только навозом яков. Як дает тибетцу все: мясо, молоко, шерсть. Но основная пища населения – болтушка из ячменной муки и плиточный чай, заправленный маслом и солью. Большинство тибетцев, в отличие от китайцев, неграмотны, как и прежде. Однако теперь монастырям разрешено обучать население.

Флирт с местными жителями начался с возвращения панчен-ламы из небытия прямо на его депутатское место во Всекитайском собрании народных представителей в Пекине. Однако ему не дали вернуться в Лхасу, к его народу. Неофициально ведутся и переговоры о возвращении в Китай далай-ламы, но они пока не привели ни к каким результатам. Попытки привлечь тибетцев к сотрудничеству терпят неудачу. Они оказывают пассивное, но упорное сопротивление ассимиляции. Даже те, кто получил образование, предпочитают физический труд коллаборационизму.

Возможно, впрочем, что сопротивление тибетцев не так уж пассивно. Тибетский конгресс молодежи, одна из организаций изгнанников в Индии, сообщил недавно об аресте в мае прошлого года сотен молодых тибетцев, устроивших шествие по улицам Лхасы. Видимо, оно было приурочено к 20-летию "автономии".

Китайцев по-прежнему считают оккупантами. Да они и сами чувствуют себя тут чужаками. Китайцы, работающие в Тибете, получают доплату за трудность условий, их рабочий день продолжается лишь пять часов, каждые полтора года им дается оплаченный отпуск на родину. Чиновник в Пекине, составляя маршрут для иностранного туриста, советует ему: "Поезжайте в Тибет... Это все равно, что другая страна". ●

ОСТРОВА БЕЗ СОКРОВИЩ

В октябре этого года исполняется 30 лет с того дня, как совместной декларацией двух правительств было прекращено состояние войны между СССР и Японией. Хотя такая декла-

рация и не равнозначна мирному договору – многие вопросы, порожденные войной, остались при этом неурегулированными, – она все же укрепила надежду на то, что последствия трагедии, разыгравшейся на востоке и юго-востоке Азии в 1937–1945 гг., будут со временем ликвидированы.

За пять лет до того СССР отказался подписать мирный договор с Японией, выработанный на конференции в Сан-Франциско и подписанный Великобританией и США. Причиной советского отказа явилось то, что мирная конференция отказалась обсуждать советские поправки. Все эти поправки были направлены на то, чтобы СССР и тогдашний его союзник и протекже КНР получили дополнительные политические и стратегические преимущества.

Советское руководство и без того извлекло максимальные выгоды из поражения Японии во Второй мировой войне. На несколько лет был установлен полный советский контроль в Маньчжурии, ставшей хорошей базой для обеспечения победы коммунистов во всем Китае в 1949 г. Под контролем СССР оказалась и Северная Корея, откуда в 1950–1953 гг. была осуществлена агрессия против Южной Кореи. Была возвращена южная часть острова Сахалин, потерянная Россией после русско-японской войны 1904–1905 гг.

Важным военным трофеем для СССР стал и Курильский архипелаг – 56 островов и скал, протянувшихся на 1200 км от южной оконечности Камчатского полуострова – мыса Лопатка – до залива Немура на северо-западном побережье японского острова Хоккайдо. Эти острова были обещаны Советскому Союзу западными участниками антигитлеровской коалиции по секретным соглашениям в Тегеране и Ялте в обмен на вступление СССР в войну с Японией.

Западным союзникам, которые несли тяжелые потери в военных действиях против Японии, было крайне важно добиться помощи СССР в разгроме Японии. Задача казалась нелегкой. Многие годы СССР проводил в отношении Японии политику уступок и примирения. Японские войска контролировали Владивосток до октября 1922 г., а Северный Сахалин – до 1925 г. В 1931 г. советское руководство ничего, кроме словесных демаршей, не предприняло против оккупации Японией Северного Китая и создания на его территории марионеточного государства Маньчжоу-Го. В 1935 г. СССР продал за бесценок правите-

льству Маньчжоу-Го старую российскую собственность – Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В 1938 г. японцы попытались присоединить к оккупированной ими Корее часть советской территории у озера Хасан, а в 1939 г. – “исправить” маньчжурскую границу за счет монгольской территории в районе Халхин-Гол. Отражение обеих этих атак потребовало от СССР больших жертв: только потери под Халхин-Голом, по советским данным, составили свыше 18 тысяч человек. Несмотря на эти инциденты, в 1939–1941 гг., вплоть до печального дня 22 июня, через советскую территорию исправно шли японское сырье и материалы для нацистской Германии, занятой покорением Европы. Эти поставки были жизненно важны для Германии, так как ее побережье было практически блокировано британским флотом. В апреле 1941 г. Советский Союз и Япония заключили договор о нейтралитете.

Советский Союз соблюдал этот договор до окончания войны с Германией и даже дольше: война Японии была объявлена через два дня после атомной бомбардировки Хиросимы, когда стало ясно, что дни императорской армии сочтены. 14 августа император объявил о капитуляции, и дальнейшие действия советских войск против Квантунской армии (при двойном превосходстве советских войск) шли по существу за захват возможно большей территории. Оккупация Курильских островов началась 18 августа, после завершения операций против Квантунской армии, и прошла, по советским сведениям, практически без сопротивления вплоть до острова Уруп. Видимо, более крепким орешком оказалась южная часть архипелага: с ней советским десантникам пришлось справляться восемь дней.

Курильские острова имеют для СССР большое стратегическое значение – они обеспечивают свободный выход из Японского и Охотского морей в Тихий океан: другие выходы могут в случае военного конфликта быть перекрыты Японией и Южной Кореей.

Хозяйственное значение Курил ничтожно: здесь нет полезных ископаемых, климат трудный, высок уровень вулканической активности. Попытки создать здесь рыбо- и крабконсервную промышленность кончились трагически: в 1952 г. крупные предприятия, построенные на островах, были уничтожены цунами – волнами, возникающими при подводных землетрясениях. Погиб-

ли сотни, а то и тысячи людей, большинство из них молодые женщины – основная рабочая сила на консервных заводах.

Долгое время после этого на островах работали лишь сезонники: весной заводы открывали, на зиму оставалось несколько специалистов. Сейчас положение постепенно меняется. Поселки растут: только на Шикотане ежегодно появляется около 200 детей, не говоря уже о приезжающих. Но жизнь трудна. Нет жилья – тысячи людей стоят в очередях на квартиры, и нет надежды скоро получить их. Снабжение из рук вон плохо – даже овощей население не видит годами, ибо связь с материком слаба: порты находятся в плачевном состоянии. Не хватает мест в больницах. В райцентре Южно-Курильск в больнице всего 50 мест. Детский сад – несбыточная мечта. На том же Шикотане с его бурной рождаемостью – всего два детских сада.

Курильские острова входили в состав Японии еще со времен власти сегунов – с 1644 г. Лишь в 1855–1875 гг. Япония временно уступила России северную и центральную части архипелага, но затем получила их обратно в обмен на Южный Сахалин. Южная же часть архипелага всегда – до 1945 г. – составляла неотъемлемую часть Японии.

Южная часть Курил включает острова Итуруп (Эторофу), Кунашир (Кунасири) и Малую Курильскую гряду: остров Шикотан (Сикотан) и группу островков Зеленый (Хабомай). От Хабомай до японского побережья – считанные километры. Японцы обоснованно считают эти так называемые “северные территории” своей исконной землей, включают их в качестве отдельных четырех префектур в свои карты и статистические справочники, ежегодно в феврале проводят День северных территорий.

До советской оккупации тут жило 16 тысяч японцев. Все они были выселены. На островах до сих пор остались могилы предков тех, кто сейчас живет в изгнании – на Хоккайдо, Хонсю и других японских островах. Японцы, пожалуй, более других народов мира почитают предков. Оставить их могилы, не имея возможности посетить – для японца непереносимая боль. В 1964–1975 г. японцам разрешалось посещать могилы без виз и паспортов, но в 1976 г. посещения были прекращены. 2 июля этого года, в результате обмена нотами между Японией и СССР, японцы вновь получили доступ к могилам предков на Хабомай и Шикотане (но не на Иту-

рупе и Кунашире – там находятся советские военные базы). Посещения начнутся с конца августа.

Стороннему наблюдателю нелегко представить себе, что произошло в 1945 г. с Японией и ее народом, имеющим обостренное чувство истории. Это была первая проигранная война и первая иностранная оккупация за тысячелетнюю историю страны. Японцы глубоко осознали свою вину за агрессию и злодеяния, совершенные против других народов, и много сделали, чтобы эту вину загладить. Говорят, что даже психический склад японцев смягчился. Военная и полицейская служба перестали считаться престижными занятиями, японцы обратили свою энергию в производство, науку, торговлю и спорт. Для этого народа потерянные территории – вопрос национального достоинства. Японцы чувствуют себя глубоко задетыми. Американцы хорошо это поняли и постепенно возвратили Японии оккупированные ими территории (последним был возвращен в 1972 г. остров Окинава, где находится одна из крупнейших военных баз США).

Уже задолго до эпохи современной военной техники было ясно, что южная часть островов не имеет для России оборонительного значения. Зато это отличный плацдарм для нападения на Японию. Советское руководство само признает, что для него эти земли – лишь карта в политической игре. В 1956 г. СССР изъявил согласие вернуть Японии острова Хабомаи и Шикотан, "с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора". Это благое намерение было подтверждено после 1972 г., когда и Китай, по примеру западных союзников, заключил с Японией мир. Однако и сегодня мирный договор Советского Союза с Японией не виден даже в дальней перспективе, хотя заключению его сейчас мешают лишь несколько клочков суши, возвратительные которые СССР категорически отказывается. Недавно, во время посещения Японии советский министр иностранных дел Э.Шеварднадзе вновь подтвердил этот отказ.

Советский Союз мог бы немало выиграть от добрососедских отношений с Японией. Япония проявляет большой интерес к советскому рынку и предоставила СССР почти на три миллиарда долларов долгосрочных кредитов. Однако советское руководство отталкивает протянутую ру-

ку, поддерживая в советско-японских отношениях бессмысленную и опасную напряженность. ●

СЕНАТ НА ЭКРАНЕ

"Сегодня, несомненно, во многих отношениях исторический день, – сказал лидер республиканского большинства в американском сенате Боб Долл. – Сегодня мы догнали XX век". В этот день, 2-го июня, работа сената впервые транслировалась по телевидению. Зал заседаний теперь оборудован телекамерами. Американским гражданам обеспечена возможность следить за тем, что происходит в верхней палате Конгресса США. Решение о начале телевизионной трансляции заседаний сената было поддержано и республиканцами, и демократами – и партией большинства, и оппозицией – случай в американской политической жизни редкий.

Почему же так важно, чтобы заседания сената показывали по телевидению?

Как известно, каждый из пятидесяти штатов избирает в сенат по два представителя сроком на шесть лет. Поскольку сейчас в североамериканскую федерацию входит 50 штатов, то сенаторов всегда ровно 100. В отличие от президентов страны, которые могут быть избраны не больше, чем дважды, каждый раз на четырехлетний срок, – то есть, максимум на восемь лет, – сенаторов можно переизбирать неограниченно долго. Таким образом, сенаторы, как правило, становятся весьма опытными политическими деятелями. Укреплению их авторитета содействует и то, что Конституцией Соединенных Штатов предусмотрено, что американский гражданин может баллотироваться в сенат не раньше, чем он достигнет тридцатилетнего возраста.

Сенат, наряду с нижней палатой Конгресса — палатой представителей, — разрабатывает и принимает законы. Однако у сената есть функции, которые он не делит ни с какими другими институтами американского государства. Например, он проводит проверку и утверждение всех высших представителей исполнительной власти, назначаемых президентом. Утверждает он также и федеральных судей, что особенно важно, поскольку судебские должности, согласно Конституции, пожизненны. Если судья рекомендован президентом, а затем утвержден сенатом, его после этого практически невозможно сменить. Этим гарантируется независимость суда. Но именно по этой причине совсем недавно юридический комитет сената отклонил кандидатуру Джефферсона Сессионса, который был рекомендован президентом Рональдом Рейганом на пост федерального судьи штата Алабама. Как выяснилось в ходе обсуждения, этот кандидат в судьи высказывался в прошлом недостаточно корректно по расовой проблеме. Международные договоры США вступают в силу лишь после того, как они ратифицируются двумя третями голосов сенаторов. Утверждает сенат и всех послов Соединенных Штатов. Таким образом, влияние сената весьма чувствительно сказывается на внешней политике страны.

И вот все эти функции, как и многие другие, американский сенат теперь должен будет осуществлять на глазах у миллионов рядовых американцев. Конечно, и прежде жителей Вашингтона, как и посетителям столицы, было очень просто получить пропуск, чтобы побывать в сенате. Но телевидение — это все-таки совсем другое дело.

В древних Афинах, в этой колыбели демократии, решающее слово в государственных делах принадлежало всем полноправным гражданам, их общему собранию. Но это было практически возможно лишь благодаря тому, что Афины были "городом-государством", и все его граждане могли уместиться на одной городской площади. Пример Афин воодушевлял творцов демократии нового времени, — в том числе и "отцов-основателей" американского государства. Однако современные демократические страны слишком обширны и многолюдны. Собираться всем гражданам вместе для обсуждения общих дел нет никакой возможности. Поэтому, хоть древние Афины и оставались идеалом, "прямая" демо-

кратия уступила место "представительной". Между идеей демократии как "власти народа" и ее практическим осуществлением в виде "представительной" формы правления до сих пор существовало известное противоречие.

И вот, революция в области средств информации, которая совершается на наших глазах, значительно расширяет возможности демократии, приближает ее к идеалу. Контакт между народом, избирателями, с одной стороны, и их полномочными представителями — с другой, становится гораздо более тесным, регулярным, будничным. Именно поэтому допущение телевидения в американский сенат справедливо считают событием историческим.

Камеры телевидения были допущены в палату представителей еще в 1979 г., и теперь ее заседания могут наблюдать через специальную сеть кабельной трансляции приблизительно 25 миллионов американцев. Кроме того, заседания записываются на видеопленку. Тележурналисты получили возможность выбирать для программы новостей или других передач на политические темы нужные им отрывки.

Теперь столь же открытой для общественности становится и работа сената.

"Странная вещь телевидение, — пишет публицист Джеймс Рестон. — В отличие от газет, оно обладает даром придавать слову и лицу, и голос. Оно не только информирует, но и убеждает". Это почувствовали в первую очередь сами сенаторы. Им предоставлено право каждый день подавать заявки для выступлений по любому интересующему их вопросу до того, как начнется обсуждение утвержденной заранее повестки дня. Обычно таких заявок бывает четыре или пять. Но уже 2 июня эта цифра подскочила до 24. Благодаря телевидению, сенаторы получили новые средства и возможности для работы.

Под воздействием телевидения стиль работы сената, который до сих пор бережно хранил свои старинные традиции, неизбежно во многом изменится. Американская общественность сможет гораздо основательнее судить о том, кто из сенаторов лучше умеет обосновать свою позицию по тому или иному вопросу, кто из них действительно блестящий политический оратор, а кто уныло зачитывает по бумажке тексты, составленные для него помощниками. Испытание, надо сказать, не для всех сенаторов приятное.

Присутствие телекамер, несомненно, отразится и на процедуре сенатской работы. Например, по традиции длительность выступлений сенаторов неограничена. Им предоставлено право говорить как угодно долго. Иногда они пользуются этим, чтобы по тем или иным политическим соображениям затянуть принятие решения по какому-либо вопросу. Такой прием, который иногда оказывался успешным, называют "обструкцией". Теперь это стало делом более трудным: как будет восприниматься речь сенатора, если она намеренно затянута, набита пустословием и произносится перед пустым залом?

Так или иначе, решительный шаг сделан. Это еще одно свидетельство того, что демократия только выигрывает от научно-технического прогресса. ●

Б. Шрагин

ДЕЛО О КЛЕВЕТЕ

В октябре 1984 г. газета "Известия" назвала скромного американского бизнесмена Рафаэла Григоряна "шпионом". Как раз в это время в США были разоблачены советские агенты и выступление газеты явилось своего рода "ответной мерой" — типа "сам дурак". Р. Григорян — уроженец Советской Армении, покинувший родину социализма и натурализовавшийся в 1970 г. в США. Здесь он занялся скромным по американским понятиям (годовой оборот 10 млн. долларов), но почтенным делом — экспортом и импортом медицинского и лабораторного оборудования. В курортном городке Пало-Альто в штате Калифорния он создал фирму California International Trade Corporation. Среди его клиентов были и советские организации. Вероятно вдохновители статьи в газете полагали, что бывший свой, да еще ведущий дела с ними, проглотит обвинение. Однако для Р. Григоряна советское обвинение — это не просто газетный плевок. Во-первых, фирме не заплатили 163 с лишним тысячи долларов за оборудование, уже поступившее в СССР. Во-вторых, отказались торговать с ней дальше, что означало потерю доходов. Но самое главное — была задета честь фирмы.

В СССР призывы поддержать честь заводской марки способствуют лишь пополнению сокровищницы советского фольклора. Не то в свободной экономике. Prestиж фирмы определяет доверие к ней со стороны деловых партнеров. Р. Григорян подал в суд. Логично обратиться в

суд по месту жительства ответчика. Но можно полагать, что народный суд Советского р-на г. Москвы, куда должен был бы обратиться Р. Григорян (редакция "Известий" находится на Пушкинской площади), дела к рассмотрению не принял бы. Как говорят юристы, прецеденты имеются. Поэтому Р. Григорян обратился в калифорнийский суд.

Адвокату Р. Григоряна Джеральду Кроллю трудно было убедить окружной суд Лос-Анджелеса в справедливости претензий своего клиента.

Правда, окружной судья Дэвид В. Кеньон счел сумму возмещения, которую требовал Р. Григорян (320 млн. долларов), несколько завышенной, но все же он решил, что потерпевший имеет право на компенсацию в размере 413 тысяч долларов: кроме возмещения задолженности в 163 тысячи, должен быть компенсирован ущерб престижу фирмы в размере 250 тысяч долларов. Потерпевший в какой-то мере удовлетворен, хотя он считает, что на самом деле его убытки были более значительными. Адвокат Д. Кролл заявил, что он будет требовать немедленной выплаты присужденной суммы, тем более, что из-за неявки ответчика на суд без уважительной причины решение окончательное и обжалованию не подлежит. Если же советская сторона откажется платить, адвокат будет просить судью наложить арест на соответствующую часть советской собственности в США. Амторг — советская внешнеторговая фирма — стоит первым в списке кандидатов на отчуждение имущества. Адвокат после выигрыша дела имеет право на опись имущества ответчика. Он уже заказал список советских активов и имуществ в США, в составлении которого советская сторона обязана будет сотрудничать. Одно это уже представляет огромный интерес и для изучения советских операций за рубежом, и для американского налогового ведомства.

Но не менее важно и другое. Американское, как и породившее его английское право основано на прецедентах. Теперь есть законное основание для того, чтобы преследовать в судебном порядке за клевету любые советские пропагандные органы. Теперь ее организаторов можно бить по самому больному месту — по карману с твердой иностранной валютой. Может быть, научившись уважать правила капиталистического общежития, проигравшая сторона захочет научиться еще чему-нибудь полезному, например, соблюдению собственных законов. ●

Камлентирует *Г. Басманов*

Рисунки Т. Кофьян

Два съезда. — Как посмотреть. — Границы заповедника. — Зло, оснащенное широкими связями. — Буква как квинтэссенция мысли. — Беспроволочный писательский телеграф. — Вагон и маленькая тележка. — Кто вы, Михаил Сергеевич? — Методом проб и ошибок. — Чему учит мать-история. — Эксперимент. — Такая, значит, была атмосфера. — Факт фундаментального значения.

Восьмой съезд писателей СССР, несомненно, войдет в историю. В историю литературы? Не знаю. Как раз во всем, что относится к ведомству изящной словесности, съезд явил собой жалкое зрелище. Унылая жвачка основного доклада: "прозаики А., Б., В. изобразили", "поэты Г., Д., Е. воспели", "критики Ж., З., И. недоучли". Доходы, расходы, текущие крыши в докладе председателя ревизионной комиссии. Выступления делегатов: "Плохого Задрипкина печатают, хорошего меня — нет".

Все так, и все это ровно ничего не доказывает. Понятно, урожай зависит от того, что посеешь. Но он зависит еще и от того, на какой земле. Добрых пятьдесят лет власти обкатывали почву тяжелыми катками, добиваясь, чтобы на ней всходили одни лишь кактусы социалистического реализма. Разрыхлить такую землю, сделать ее пригодной для обычных культур — разве не это сейчас главная забота земледельца?

Однако, говоря об истории, я действительно имею в виду не историю литературы, а нечто более существенное — историю государства российского, историю общественной мысли.

Участник всех писательских съездов Ираклий Абашидзе написал в "Литературной газете", что нынешний съезд напомнил ему первый. Чем же? Прямо об этом не говорится, но догадаться легко: свободой высказываний.

Даже если это и верно, сходство здесь чисто внешнее, тогда как различия глубоки и принципиальны. Социально-политический опыт участников первого съезда был ничтожен: они не пережили 37 год, не прорабатывали постановления ЦК о журналах "Звезда" и "Ленинград", не боролись с театральными критиками, не исключали из своих рядов Михаила Зощенко, Бориса Пастернака, Александра Солженицына. И, что не менее важно, они были просто писателями, а не членами Союза писателей — организации особой, уникальной, не имеющей себе подобных в долгой человеческой истории.

Я уже однажды писал ("Страна и мир", № 4, 1986 г.), что по отношению к советскому гражданину государство выполняет множественную роль: няньки, опекуна, наставника, командира, тюремщика, арбитра. Те же (и даже еще более широкие) функции выполняет Союз писателей по отношению к своим членам. Писатель живет в доме Союза, лечится в поликлинике Союза, отдыхает в доме творчества, ездит за границу в группе Союза и по его рекомендации. Он может сколько угодно иронизировать по поводу Союза и своих с ним отношений. Но если завтра СП исчезнет, писатель почувствует себя обездоленным.

И, знаете ли, будет по-своему прав. Во-первых, потому, что привык к опеке. Во-вторых, потому, что Союз обеспечивает своим лояльным членам довольно высокий социальный и жизненный статус. Жилье, поликлинику без очередей, отдых, прикрепление к магазину (система "заказов"), возможность печататься.

Много это или мало? Как посмотреть. Писатель имеет, конечно, меньше льгот и преимуществ, чем партийный деятель его уровня, но в табели о рангах он неизмеримо выше простого советского человека — того, кто десятилетиями ждет квариры, ездит на курорты "дикарем", часами выстаивает в приемных.

В общем, Союз создает своим членам обычные человеческие условия. Тут не было бы ничего особенного, если бы эти условия были нормой. Однако в сравнении с тем, что имеет рядовой человек, эти условия — верх мечтаний. Писатель, оказавшийся вне Союза (или вне его покровительства), чувствует себя примерно так же, как болонка, попавшая в джунгли.

Среди членов СП есть разные люди: смелые и не очень. Но даже самый смелый не раз и не два подумает, прежде чем пересечь границу, очерченную хозяином заповедника, партией. Конечно, мы знаем такие примеры — их, пожалуй, даже больше чем следовало бы в при данных условиях ожидать. И все-таки очевидно, что это явление по самой своей природе не может быть массовым, что бунт на этом корабле невозможен.

Однако то, что происходило на съезде, как раз и напоминало бунт. И возник он как будто на пустом месте. А ведь сначала все шло нормально. Отжевал привычную отчетную жвачку глава Союза. Балладу о ржавой крыше исполнил председатель ревизионной комиссии. Зачитал демографическую элегию председатель мандатной комиссии. И вдруг, как по другому поводу сказал поэт: "Потолок пошел на нас снижаться вороном".

На трибуне Даниил Гранин. Недавно один из его коллег преподнес Гранину комплимент сомнительного свойства. Вот, дескать, природа поспешила на талант, и если человек чего-то достиг, то это исключительно его собственная заслуга.

Если и так, ничего худого тут, по-моему, нет. Секрет популярности Гранина прост и, если хотите, даже благороден. Он старался не лгать, писал на пределе дозволенного и даже чуть больше. Это "чуть" и привлекало к нему читателя. В жанре "городской повести" диапазон дозволенного невелик, а островок смелости заметен не всякому. Опытный читатель (тот самый, который "без труда разберется") ценит эти свойства, хотя и не обольщался. Он понимал: Даниил Гранин — человек порядочный, однако вполне законопослушный.

И вот он на трибуне. Цитирую почти наугад. *"За последние полтора года зло приоткрылось, оснащенное широкими связями, правами, наглостью, я бы сказал, временами бесстрашное. Обнаружились его масштабы, которых мы себе не представляли... Многие в наших книгах кажется теперь робким, мелким, сглаженным. Кто в этом виноват? Наше соглашательство? Давление полуправды? Обстановка в Союзе писателей? Причин много, но оправданий мало... Я знаю несколько талантливых романов, написанных во имя непреложных требований совести и боли. Кто должен был заинтересоваться их многолетними мытарствами, помочь обсудить, разобраться? Кто? Думаю, что Союз писателей. Иначе для чего он? Союз этого не делал. Уклонялся".*

И дальше: *"На производстве ОТК призван обеспечить качество продукции. Наш ОТК сплошь и рядом понижает, ухудшает качество продукции. Природа болеет от экологического невежества. Но литература тоже страдает и болеет от грубого конъюнктурного вмешательства редакторов, издателей. Хорошо бы заняться охраной рукописи, охраной прав писателя, его индивидуальности, непохожести"*.

Что случилось с Граниным? Так он никогда не писал, а если и говорил, то лишь в узком кругу. Накипело? Конечно, наkipело. И у него, и у многих других. Но как объяснить, что вылилось это одновременно почти у всех выступавших на съезде. Как случилось, что все они — и смелые, и осторожные — вдруг перешли границы дозволенного?

Секрет вроде бы прост. Это не они перешли, это границы отодвинулись.

Впрочем, стоит задуматься, и ты понимаешь, что простота тут кажущаяся. Да, Михаил Сергеевич Горбачев призвал нас называть вещи их собственными именами. Но не все вещи, и не всякими именами — это ясно. Писатели — народ слишком опытный, чтобы на сей счет заблуждаться. До писательского съезда критическая площадка была ограничена рамками экономики; партийное руководство литературой, деятельность Главлита, социалистический

реализм как метод изображения желаемого в виде действительного — все это явно было вне сферы критики.

Ну, ладно, допустим, что с некоторого момента сфера критики расширена. Но и в этом случае возникает ряд вопросов. Первый из них — в порядке детского любопытства: каким образом приехавшие из разных концов страны писатели мгновенно усекли, что критическая площадка расширена? И второй вопрос, серьезнее: зачем М.С. Горбачеву понадобилась эта операция? Критика хозяйственной жизни — это понятно, экономикку надо вытаскивать из тулика. Но идеология?..

Ответ на первый вопрос нашелся сравнительно легко. Съезд начался 24 июня, а за пять дней до того, 19 июня, генеральный секретарь ЦК КПСС встретился с писателями, депутатами Верховного Совета СССР. Состоялся, как водится, обмен мнениями. В ходе обмена М.С. Горбачев обратил внимание на то, что *"демократизация жизни требует перестройки, преодоления застойных явлений и во всех общественных организациях, в том числе в творческих союзах. Здесь тоже не должно быть места инерции, самодовольству, бюрократизму"*.

В этом абзаце есть кое-что интересное, но главная идея, квинтэссенция всего — союз "и". Эта непритязательная буква содержит в себе богатейший подтекст. Она означает, что перестройка отныне распространяется и на те сферы жизни, которые еще недавно числились в неприкасаемых.

Правда, в беседе участвовали не столько писатели, сколько начальники над литературой. Им, надо думать, этакая "демократизация" не очень понравилась. Но скрыть прямое указание генсека никак невозможно. Да и в сфере самих избранных тоже, полагаю, не было единомыслия. Бесспорно, нашлись такие, кому новая установка пришлась по душе. Остальное, как говорят шахматисты, было делом техники: беспроволочный писательский телеграф работает со скоростью света.

Гораздо сложнее ответить на второй вопрос, — зачем. Читая разного рода литературу (благо библиотека в Багдаде хорошая), я обнаружил две полярных оценки Горбачева. Первая сводится к тому, что у нас наконец-то на советской политической арене появился лидер, не связанный с эпохой Сталина и потому способный вернуть страну на ленинский путь, на путь истинного социализма. Вторая версия исходит из допущения, что нынешний генеральный секретарь намерен продолжать линию Ю.В. Андропова на ресталинизацию: ужесточение режима, затягивание всяческих гаек, укрепление дисциплины.

Разумеется, для каждой из этих версий можно подобрать вагон и маленькую тележку фактов. Вводится семейный подряд? Вводится. Усиливается преследование ина-

комыслящих? О, да. Ведется борьба с коррупцией власть имущих, наказываются зажимщики критики, смелее стали газеты? Несомненно. Говорил Горбачев о Сталине с придыханием, восславлял коллективизацию, пытался оживить мумию стахановского движения, держит в плену академика А.Д.Сахарова? Да, да и еще раз да. А теперь вот речи писателей, за которые еще не столь давно была прямая дорога на Колыму. Так кто же вы, Михаил Сергеевич, реформатор и скрытый либерал или ресталинист и мракобес?

Думаю, что не только я, но и сам М.С.Горбачев этого пока не знает. С высоты, на которую он вознесен, видны язвы всей системы, во главе которой он поставлен, язвы, угрожающие самому существованию организма. Но ни с какой высоты — ни с моей, ни с его — не видно, как эти язвы устранить и можно ли это сделать вообще, не ломая устоев системы. Поэтому единственное, что ему остается, — пробовать. Пробовать и так, и этак. Используя старый метод проб и ошибок. Метод, конечно, далеко не идеальный, даже плохой. Но другого нет.

Поняв это, мы перестанем удивляться зигзагам горбачевской политики; бесконечным разговорам о перестройке, которой нет; о новом стиле, который неизвестно чем отличается от старого; шараханью от осторожных похвал Иосифу Виссарионовичу к осторожным намекам на демократизацию. Я думаю, что генеральный секретарь выберет ту программу (левую или правую, национальную или интернациональную, направленную на централизацию или децентрализацию экономики), которая докажет свою способность вывести страну из тупика. Разумеется, при условии, что эта программа не будет угрожать основам строя и его собственной власти.

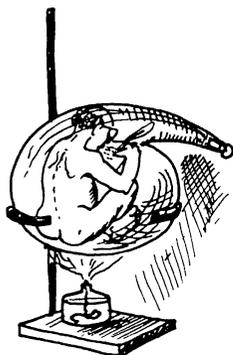
Может ли он ошибиться, недоучесть последствий, не услышать злорадный хохот джинна, выпущенного из бутылки? В конце концов, генеральный секретарь такой же человек, как все. Пусть не умнее, но уж и никак не глупее нас с вами. По крайней мере, опыт Н.С.Хрущева он учел. Никита Сергеевич крепко поссорился с творческой интеллигенцией. И хотя в Стране Советов интеллигенция вроде бы ничего не решает, ссора обошлась ему дорого.

И все-таки какая же связь между экономикой, зашедшей в тупик, и свободой слова? *"Развитие у нас демократии, — сказал на съезде Е.Евтушенко, — это путь не только к духовному, но и к материальному расцвету, ибо, как показала мать-история, начиная еще с древнейших времен, антидемократический способ непродуктивен"*. Если это ясно поэту, то какие у нас основания думать, что этого не понимает генсек?

Впрочем, может, все проще. Почему не допустить, что Михаилу Сергеевичу (как и мне) было по-человечески интересно узнать результаты эксперимента. Уникального эксперимента, цель которого состояла в том, чтобы вывести новый сорт писателя. Писателя, способного художественными средствами изображать действительность не такой, какой она ему видится, а такой, какой ей надлежит быть по мнению экспериментаторов. Затрудняюсь сказать, когда был начат опыт (в 1921 году — с расстрела Николая Гумилева, в начале 30-х — с создания Союза писателей или, может быть, много раньше — с исторической работы В.И.Ленина "Партийная организация и партийная литература"), но, бесспорно, что длился он десятилетиями. Вспомним, например, что уже в послесталинскую эпоху Иосиф Бродский был осужден не за то, что писал против, а за то, что вообще писал. Такого рода деятельность, не санкционированная властями, была справедливо квалифицирована как тунеядство.

Разве не любопытно было откупорить лабораторную колбу и посмотреть, что из всего этого вышло. Риск в конечном счете был невелик. Во-первых, смешно было ожидать, что писатель нового типа взбежит на трибуну с криком "Долой Советскую власть!" или "Дашь свободу слова!" Во-вторых, если бы ненароком кто-то чего-то и ляпнул, "ляп" легко было устранить при редактировании, благо речи печатаются в сокращении.

Что же обнаружилось? А это как считать. Можно долго и нудно перечислять проблемы, о которых писатели не сказали, и другие, затронутые по касательной, и третьи — о них говорить надо глухо, как сквозь подушку или вату. Однако речи и книги надо судить не по тому, чего в них нет, а по тому, что в них есть.

О чем полагалось бы говорить писателям нового, выведенного в СССР сорта? О перестройке, об ускорении, о новом стиле. И еще, пожалуй, о протекающих крышах. Конечно, об этом говорили. Но как-то вяло, без энтузиазма, без наигранной уверенности в том, что положение изменилось или изменится в близком будущем. А главное место едва ли не во всех выступлениях неожиданно заняла тема свободы. Свободы слова, печати, творчества. О свободе говорили (напоминая о врагах и недоброжелателях) даже те, кому свобода совсем без надобности и кому она просто вредна. Такая, значит, была атмосфера.

Похоже, что великий эксперимент провалился. Трудно сказать, почему. То ли стремление к свободе заложено в генах. То ли такова специфика писательской профессии. А может, есть нечто, до чего наука пока не дошла. В любом случае это факт, имеющий фундаментальное значение для психологии, а Бог даст, и для истории. И еще один факт: "Литгазета", судя по всему, речи не препарировала. Зачем это все понадобилось начальнику? Не знаю, а строить догадки не хочется.

II.

О танках по-новому. — Тень от кривой палки. — В дебрях многолетнего пустословия. — Свобода слова в Москве и в Казахстане. — Пунктиры истории. — Ваш корреспондент на трибуне съезда. — На пыльных тропинках далеких планет. — "Собор" через 18 лет. — Только что он может, читатель? — Алиби Николая Гумилева.

О свободе слова на съезде наговорено и набормотано столько, что поди разбери. Беру почти случайно. *"Представьте себе, товарищи, что вас послали в разведку. Выполните задание, вы возвращаетесь и докладываете, что насчитали сто танков противника. 'Э-э, нет, — говорят вам. — Это слишком много. Доложите, что не больше двадцати'."*

Сравнение, прямо скажем, не очень впечатляющее. Писатель (в данном случае снова Д.Гранин) мог бы подобрать что-нибудь поярче и поколоритней. Но когда нечего есть, люди думают не о пирожных, а о черном хлебе.

А вот Расул Гамзатов. Казалось бы, наш человек, восточный, — а туда же. *"Говорят, что от кривой палки прямой тени не бывает, но по кривому, тернистому, темному девятнадцатому веку, как по тоннелю с лампой шахтеры, шли отчаянные гении и освещали своими размышлениями все стороны жизни. Представьте только — "Былое и думы", "Война и мир", "Преступление и наказание", "Отцы и дети"!.. Я думаю, нет более важных тем и проблем и сегодня для каждого человека и всего человечества. Послушайте: "Кто виноват?", "Что делать?", "Кому на Руси жить хорошо?""*

Да это же вопросы, прямо подпадающие под ст.70 Уголовного кодекса РСФСР! И это еще текст. А в подтексте: в темном девятнадцатом веке книги выходили, вопросы ставились. А в светлом двадцатом...

Вячеслав Шугаев: *"Основа этого нестихающего благодущия, его питательная среда — хладнокровный, умышленно-благонамеренный реализм, — назовем так удивительный творческий метод, возникший в последние годы. Отличительная черта — задвинуть на какие-нибудь задворки, замаскировать страдающее человеческое сердце бетоном производственного романа, всеми иными страстями политического романа, "подноготными" повестями житейских неурядиц. Сердце нашего современника заблудилось в дебрях многолетнего пустословия и обмана, разбухло от долгой невозможности сказать правду, тревожную, сыновнюю правду о неладах экономических, социальных, в области духа наконец"*.

"Правда все еще не одна, — вздыхает Олжас Сулейменов, — их еще много — правд. Есть народная, есть государственная, есть художественная, которая почему-то отличается от правды жизни. Москвичи жалуются на строгость рамок. Но столичным режиссерам и писателям все же дается чуть большие прав на приоритетную тему. Может, норма увеличена соответственно степени дарования?"

Теперь Андрей Вознесенский. "Почему читатели отвергаются от некоторых книг? Причин много. Но главная — народ хочет гласности. Он знает правду о чудовищной силе зла, беззакония, коррупции, лихоимства, фальши, двуличия... Увы, лишь отдельные, немногие из нас забили тревогу о чудовищности преступлений".

Значит, виноваты писатели, те, что не забили? Конечно, даже Вознесенский так не думает, но таковы правила игры. "Полнота правды, — напомнил Гранин, — относится не только к нынешней пятилетке. Она — и о ближайшем прошлом, о послевоенных годах и о войне. И о русской истории". Сулейменов выразился еще откровеннее: "Полная правда включает в свой объем и современность, и историю. Когда-то ведь придется заполнить пунктирные пропуски в недавнем прошлом и объяснить читателям, почему мы не пишем откровенно о 30-х годах, о коллективизации, например. Целое поколение литераторов, переживших, испытавших на себе то время, прошло молча мимо этого периода, без понимания коего мы многого и в современности не уясним".

Не уясним — это ясно. Вопрос в другом: надо ли нам эту правду уяснить? Ведь у нас свои, советские понятия и о правде, и о свободе слова. А поскольку эти понятия заметно отличаются от общепринятых, нам понадобилась целая система организаций-фильтров, занятых превращением "правды факта" в "правду жизни".

Если подумать, что-то тут даже странно. Ладно, писатель — личность творческая, с взбрыками и завихреньями. Но к чему столько фильтров: Союз писателей, издательства, комитеты (не только по печати), цензоры, ЦК? Похоже, что все эти надписательские органы не доверяют не только писателям, но и друг другу: очень уж тонкая и хрупкая эта штука — правда. Известно, что обычно дает система многослойных фильтров на выходе: дистиллированную воду. И хоть наши советские читатели бесконечно верят нашим советским писателям, какой-то жизненный опыт у читателей все-таки есть. Ведь они-то пьют обычную воду, из кранов.

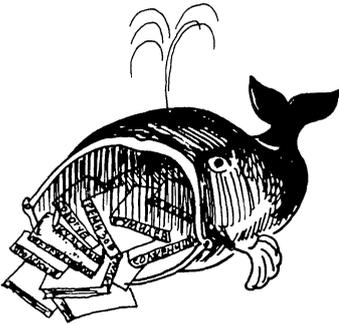
Впрочем, особой пронизательности тут и не требуется. К примеру, есть у меня на полке два романа. Один напечатан в ленинградском журнале, другой — в московском издательстве. Поскольку название одинаковое, я пробовал сравнивать. Конечно, сходство есть, но сколько различий! В журнале не хватает большой главы, так что о событиях, которые в это время происходили, читатель может только догадываться. В книге глава сохранилась, но зато в главный текст внесено свыше 500 (пятисот) изменений.

Представим себе, что книга стала классикой, вошла в золотой фонд русской, а то и мировой литературы. Что за раздолье для комментаторов, какой простор для догадок, гипотез, ученых диссертаций! Зачем выкинута глава в журнале? Зачем удачное слово заменено неудачным? Воистину велика тайна творчества. А тайны никакой нет. Просто в первом случае над текстом трудились одни цензоры, во втором — другие, еще более усердные и пронизательные. Книга же, между прочим, не о тридцать седьмом годе, а вообще об иной планете. Оказывается, и на той планете сохранилось трагическое противоречие между высокой правдой жизни и низменной — факта.

Положим, ваш корреспондент появился на трибуне съезда и рассказал об этом замечательном случае. Какой была бы реакция зала? Вполне определенной: смех. Смеялись бы не по поводу авторов и соавторов книги, а на мой счет — вот наивняка! Книга-то все-таки вышла, а сколько книг не вышло вообще...

Вряд ли нужно доказывать, что покойный Олесь Гончар — писатель вполне советский и более чем благонамеренный. И пробивной мощи ему хватало, ведь он был одним из руководителей Союза, лауреатом, депутатом и прочее. И его роман "Собор" был даже опубликован — на Украине. А вот центральные фильтрующие организации сочли роман не подпадающим под конституционные гарантии (я имею в виду статью конституции, гарантирующую гражданам полную свободу слова). К счастью, социальная справедливость восторжествовала. Прошло всего 18 лет с того памятного дня, как журнал "Дружба народов" начал борьбу за его публикацию, и вот уже... Нет, "Собор" еще не вышел, но скоро-скоро выйдет...

О чем же этот роман? Делегат Борис Олейник перечислил: *"о проблемах охраны природы, языковой среды и памяти, суровой подотчетности выдвиженцев перед выдвигающими их"*. Вам страшно? Мне, в моем далеком Багдаде, тоже.

Если уж правда О.Гончара подозрительна, то можно ли говорить о правде таких писателей, как Пастернак, Ахматова, Андрей Белый? Оказывается, да. Только делать это надо деликатно, соблюдая все те же правила игры. Сначала, как бы мимоходом, об этих писателях упомянули Вознесенский и Евтушенко. А уже затем — с позиций подчеркнуто академических — выступил академик Дмитрий Лихачев.

"Ахматова издается в общем мало, маленькими тиражами и бессистемно... Алексей Ремизов умер советским гражданином... Нет полного издания Пастернака... Ждет своего научного издания наследие Корнея Чуковского... Можно подумать о том, чтобы издать Мережковского, ограничиваясь только историческими романами." Только. Но и это, знаете ли, многого стоит.

Особенно замечательна история с Гумилевым. С тех пор, как несколько его стихотворений напечатал "Огонек", табу с этого имени как будто снято. И все-таки... *"Долго сомневались: издавать ли Гумилева — такое начнется!"* — сообщил А.Вознесенский. — *Читатель созрел у нас, чтобы читать все."*

Читатель — наверно. Только что он может, читатель? А те, от кого сие зависит, еще отнюдь не созрели. Вот и вынужден уважаемый академик Д.Лихачев объяснять и оправдываться: *"Я хочу обратить ваше внимание на то, что у Гумилева нет ни одной строки антисоветской"*; что *"Россия в огне"* Алексея Ремизова была написана до Октябрьской революции; что *"об Андрее Белом Блок писал, что надо его издавать"*.

Все это происходит в XX веке при генеральном секретаре, у которого, говорят, два высших образования, включая юридическое. И никого это не удивляет, как не удивляет и предложение Алеся Адамовича: создать при Союзе писателей *"некий неказенный совет из авторитетнейших художников слова, с оценкой, с заключением которого нельзя не считаться любым организациям и институтам"*.

Однако же времена меняются. Кто мог представить еще вчера, что выплывет из небытия такое понятие, как честь писателя, что член СП с высокой трибуны призовет к ревизии основополагающих документов партии? А ведь это произошло. *"Кому, как не Союзу писателей, — спросил А.Вознесенский, — защищать честь писателей? Сейчас широко печатаются и Ахматова, и Зощенко. Это классики. Думаю, что известные необъективные оценки по отношению к ним должны быть сняты..."*

Я не знаю, будут ли они сняты. И вообще не останется ли восьмой съезд писателей курьезом, странным феноменом в истории отечественной литературы. Курьезом, который нам быстро помогут забыть. Все это отнюдь не исключено. Не зря многоопытный Виктор Розов предупредил, что с правдой надо быть осторожным, иначе *"можно попасть в положение карася-идеалиста. Когда карась сказал щуке: а знаешь ли ты, что такое добродетель? — то щука разинула рот и проглотила его"*. *"Не бойтесь, — добавил Розов не слишком уверенно, — нынче, может быть, щуке зубы немного укоротят!"*

III.

По системе невозвратного клапана. — Где горят обшивки космоланов. — Не только мобилизует, но и слегка устрашает. — Список длинный и вызывающий. — А где она есть? — Не опасаясь ОБХСС. — Минлитпром и его производственная база. — На пятьдесят лет вперед. — Комитет по делам крамолы. — Пушкин не видел тут ничего худого.

Не очень громко, но все же отчетливо прозвучала на съезде мысль о том, что стоило бы пересмотреть устав Союза писателей. Если это случится, то пункт первый, по-моему, должен быть сформулирован так: "Член Союза обязан строго соблюдать правила игры".

Не думаю, что пункт этот вызовет споры или от меня потребуют разъяснений. Что это за правила, знает каждый член СП. Скажем, в официальных выступлениях надлежит делать вид, что Союз писателей — организация добровольная, созданная самими писателями на первом (учредительном) съезде. При этом все, конечно, понимают, что о добровольном объединении не могло быть и речи, потому что обзриуты или "Серрапионовы братья" нервно вздрагивали при одном упоминании "Пролеткульта". Но партийные вожди не намерены были утруждать себя тонкостями. Им нужна была одна литература и одна организация, которой (и через которую) удобно руководить. Последовала команда — и писателей согнали в союз, как овец сгоняют в стадо.

Разумеется, никто не принимает всерьез и идею выборности. Всем ясно, что руководители Союза — и главной конторы, и ее филиалов — назначаются ЦК и обкомами партии и входят в соответствующую номенклатуру. А уже руководство Союза решает все прочие вопросы: назначает народных писателей и поэтов, лауреатов и героев социалистического труда, депутатов всяких советов и делегатов съезда.

Все это общеизвестно, я постеснялся бы объяснить эти вещи читателю, если бы не одно любопытное обстоятельство: на VIII съезде — кажется, впервые за 55 лет — писатели позволили себе нарушить правила игры. Начал Вячеслав Шугаев, обративший внимание на то, что *"в нашей критике за последние десять лет не встречалось ни одного критического замечания в адрес произведений С.В.Михалкова и А.Б.Чайковского"*. Почему из всего руководства Союза оратор выбрал именно их — сказать трудно; с тем же успехом можно было назвать Г.Маркова, Р.Рождественского и всех прочих. И напрасно Шугаев имитировал недоумение. Кто же не знает, что в СП, как и в любом советском ведомстве, критика работает по системе невозвратного клапана: сверху вниз — да, снизу вверх — нет.

Однако настоящие удары по принятым правилам игры нанесли другие. Прежде всего, украинский писатель Борис Олейник. Оговорившись, что не будет *"углубляться в плотные слои атмосферы, где горят обшивки самых современных космоланов"*, он предложил избирать руководство Союза не больше, чем на три года. Далее последовал совсем уже неприличный пассаж: *"За первое двухлетие человек просто не успеет обрасти спутниками, а уже с начала третьего года он должен готовиться к отчету. Это, между прочим, не только мобилизует, но и слегка устрашает"*.

Не станем додумывать за оратора и толковать его предложение расширительно — спутниками обрастают не только секретари СП. Но даже в рамках писательской организации фраза звучит крамольно. Это что же: оратор призывает заменить самые демократические в мире выборы лживыми буржуазными? И с чего это вдруг секретарь Союза начнет бояться отчета перед коллегами, будто назначение зависит от них, а не от соответствующего партийного комитета?

Еще глубже вошел в плотные слои атмосферы А.Вознесенский. Для начала он поименно перечислил тех, кого почему-то нет на съезде. Список получился длинный (потом его еще дополнили) и вызывающий: Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Юрий Черниченко, Вячеслав Кондратьев, Давид Самойлов, Арсений Тарковский, братья Стругацкие, сатирики Арканов, Горин, Жванецкий, драматург Рошин, прозаик Руслан

Киреев... Тут что ни имя, то вызов. К примеру, Булат Окуджава — почти инакомыслящий; А. и Б.Стругацким после известных скандалов только недавно снова позволили печататься; а у Арсения Гарковского есть зловредный сын-кинорежиссер.

Но и этого мало. Похоже, что перечисление понадобилось оратору для того, чтобы поставить совсем уж провокационный вопрос: *"была ли истинная выборность в Московской писательской организации?"* Ясно, что не было. Позволительно, однако, спросить: а где она есть?

Нарушения правил нарастали, как в футбольном матче Западная Германия — Уругвай. *"Нас, драматургов, да и не только драматургов, — пожаловался В.Розов, — мучают организационные вопросы, поскольку у нас все кого-то назначают, кого-то выбирают. У драматургов маленькое объединение... Мы бы и сами управлялись, кого нам назначать, кого нам выбирать. Мы это знаем лучше других"*.

О великой роли советской литературы написаны тома. Но вот поднимается на трибуну Майя Ганина и объявляет: *"Литература — это игра. Непыльная и прибыльная, умей только быть 'хорошим парнем', нравиться друзьям и влиятельным, уже достигшим теплых мест писателям и сам тихой сапой пробиться к посту в издательстве либо в Союзе писателей. Будут исправно выходить книги, которые ничьему уму и сердцу ничего не скажут, однако позволят тебе жить безбедно и не опасаясь ОБХСС"*.

Люди, даже если они писатели, ко всему привыкают. Привыкли и к тому, что СП построен, в общем, по той же системе, что и любая советская контора. *"Мы превратились в ведомственное учреждение... Союз лишился творческого духа"*, — сетует Ганина. *"Не министерство мы, а творческий союз"*, — объясняет Бакланов. *"Сейчас даже министерства должны работать как творческие союзы, а уж наш творческий союз и по-прежнему не имеет права походить на министерство по починке крыш"*, — закликает Евтушенко. *"Угольная промышленность не раз (я навел справки) выполняла планы, только скорректированные для нее в конце пятилетки, а заслуженный шахтер утверждает, что в долгу литература"*, — возмущается Ваншенкин.

Все это странно. Ежу ясно, что Союз писателей был задуман как министерство литературной промышленности, и, право же, Минлитпром звучит ничуть не хуже, чем Минлегпром. Не случайно все, кто предлагал как-то реформировать Союз писателей, мыслили перестройку в одном плане: замены плохих руководителей хорошими. Тот же Евтушенко, к примеру, высказался вполне категорично: *"На ведущие посты в секретариат надо выбирать только ведущих писателей"*. С тем же основанием можно было бы сказать, что во главе министерства нефтяной промышленности должен стоять ведущий инженер-нефтяник, а руководство министерством здравоохранения целесообразно возложить на хорошего врача.

Неловко объяснять писателям разницу между литературой и станкостроением. А ведь разница, кажется, есть. Нужно обладать воистину союзписательским воображением, чтобы представить себе во главе писательского комбината Пушкина, Достоевского, Льва Толстого, Фолкнера или Оскара Уайльда. Но, возражат мне, писательские союзы существуют давно, председателями петербургского Союза поэтов были, если не ошибаюсь, Блок и Гумилев.

Верно. Да только это был совсем другой союз — и в самом деле добровольный, никого ни к чему не обязывающий, лишенный всякой административной власти, — скорее клуб, чем союз. Ситуация, при которой Блок (кстати, не очень любивший Гумилева) запрещает или разрешает публикацию его стихов и объявляет акмеизм антикаким-то направлением, настолько нелепа и противоестественна, что даже не смешна.

Впрочем, в одном отношении Минлитпром существенно отличается от Минлегпрома или какого-нибудь Минводхоза: его производственная база невелика. Конечно, есть газеты, журналы, издательство "Советский писатель". Но основная производственная база (издательства и типографии) проходит по другому ведомству, Госкомиздата СССР.

Этот самый Госкомиздат, надо вам сказать, — организация уникальная. Никто, собственно, не знает, что она должна делать. Выполнять роль цензора? Но цензоров и без нее хватает. Руководить издательствами и типографиями? Но они в руководстве не нуждаются. На практике деятельность этого почтенного органа сводится к двум функциям. Во-первых, Госкомиздат планирует издание книг: на год, на пять, на пятьдесят лет вперед. Во-вторых, осуществляет цензуру уже выпущенных книг, с микроскопом выискивая в них крамолу. Обе функции — как раз и есть результат того, что кому-то нечего делать, и он изо всех сил пытается изобразить БурДе, бурную деятельность.

Говорят, что новый председатель Госкомиздата М.Ф. Ненашев — человек современный и что-то такое понимает. Может быть. Но вот его речь на съезде: *”За пять лет издано 11 млрд. экземпляров книг и брошюр. Это почти на 19% больше, чем в предыдущее пятилетие”*. Человеку, как-то причастному к литературе, все-таки полагалось бы вспомнить творческий отчет, ставший анекдотом: *”До Октябрьской революции у нас в Тульской области был всего один писатель (Л.Толстой). Ныне у нас 13 писателей, рост на 1200 процентов”*.

Да и не в личности начальника дело. Дело в том, что литературе противопоказаны начальники: писательские, издательские, партийные. Писатель сам себе начальник, и единственный, с кем он должен (но тоже не обязан) считаться, это читатель. Потому что читатель может купить книгу, а может и не купить, — это его право. А издательство? Издательству полагалось бы руководствоваться теми же соображениями, что и любому предприятию: купят продукцию или нет, принесет книга прибыль или убытки.

Голое торгашество, диктатура рынка? Почему же. Пушкин, например, не видел тут ничего худого: *”Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать”*. И в советской истории был период (двадцатые годы), когда существовали разные издательства: и государственные, и частные. Частным мы обязаны множеством книг, и совсем неплохих книг, — которые нынче не вышли бы.

IV.

Ловля пескарей в Грузии. — Сергей Михалков и Архимед. — Деликатная сфера. — На чем спекулируют наши враги. — Загадка политической девственности. — Опять пескари. — Страшный пример. — Зачем мне такое будущее? — Среднеарифметический образ. — По следам наших выступлений. — Огонь, а не пепел. — В одной коммунальной квартире.

VIII съезд писателей замечателен во многих отношениях. Но может быть, самое крупное его открытие — национальный вопрос. До съезда мы считали, что такого вопроса в Советском Союзе нет, а теперь...

Состоялось даже нечто вроде дискуссии по сему вопросу. Странная дискуссия, где каждый произносит свой, отдельный монолог, и только слушатель, знакомый с театром абсурда, способен связать эту разноголосицу в общий и очень напряженный сюжет.

Выступает Сергей Михалков. Говорит солидно, уверенно, как и подобает руководителю его ранга. Объясняет членам СП, что профессия писателя — профессия интеллигентная; что от наших писательских союзов ждут реальных дел; о вреде либеральничания. И вдруг. *”Пусть меня не осудит замечательный русский прозаик Владимир Астафьев, если я скажу, что его рассказ ”Ловля пескарей в Грузии”, опубликованный в журнале ”Наш современник”, обидно и бестактно задевает национальные чувства братского народа”*.

Волнующий момент. В аналогичном случае древний грек Архимед выскочил из ванны и голый помчался по городу с криком *”Эврика!”* Михалков никуда не помчался и даже не соскочил с трибуны (выдержка!), но сделанное им открытие никак не меньше архимедова. Оказалось, что хотя национальный вопрос у нас ликвидирован, но национальные чувства сохранились.

Сразу, будто речь предыдущего оратора была сигналом, о вновь открытых чувствах заговорил Борис Олейник. Нет, не о досадном эпизоде с ловлей пескарей в Грузии. Украинский писатель Олейник рассказал о том, кто и что задевает чувства другого братского народа, украинского. Обнаружилось, что украинских писателей тревожат проб-

лемы родного языка. Не только потому, что слово — строительный материал писателя. Но что-то такое происходит с родным языком в школах, театрах, детских садах. И это уже вопрос национальной политики, тут нарушение ленинских принципов ранит особенно остро. Знаете, почему? Да потому, что на *"малейшем сбое в этой деликатной сфере спекулируют наши враги..."*

А в этой сфере не все благополучно, ох, не все. Скажем, где-то уменьшилось число школ с преподаванием на родном (украинском) языке. Понятно, идеологические диверсанты усмотрят здесь *"руку Москвы"*. Между тем, заверил Олейник, все это — *"перекосы, содеянные преимущественно местными, родными, доморощенными ревнителями нашей политической девственности, унаследовавшими, очевидно, лакейскую психологию от тех, кто за исковерканный русский получал от царя наделы своей же родной земли"*.

Я не все тут понимаю — например, насчет политической девственности. Но основной смысл мне как будто ясен. Значит, школы на украинском языке закрывают не русские люди (они об этом ни сном, ни духом), а это местные стараются, выслуживаются. Пусть так. Однако возникает унылый вопрос: почему их услужливость развивается именно в этом направлении? Почему бы им, напротив, не выслуживаться, увеличивая число школ на родном языке? Рискуя прослыть идеологическим диверсантом, осмелюсь предположить, что такова тенденция. Или, если воспользоваться советским термином, установка. Известно ведь, что спрос рождает предложение. А уж кто этот спрос удовлетворяет — русские или украинцы, — вопрос второй, не главный.

Кстати, о лакейской психологии. Сказано хлестко, а звучит сомнительно. С чего бы это украинцам лакействовать перед Москвой в надежде что-то получить. Разве они не хозяева своей земли?

Олейнику никто не ответил. Я было подумал, что костер погас, не успев разгореться. Ан нет. Поленья в огонь подбросил Георгий Цицишвили. *"Советские писатели, сказал он, должны быть верными стражами интернационализма. Но тем не менее некоторые писатели и руководители литературных печатных органов допускают в этом вопросе грубые ошибки. В майском номере журнала "Наш современник" за этот год... мы с горечью и досадой прочли рассказ писателя Виктора Астафьева, в котором автор, прибегнув к неопозволенным обобщениям, грубо, бестактно пишет о нравах, обычаях грузинского народа, в превратном свете представляя национальные особенности"*.

Опять эти чертовы пескари! Обязать бы Астафьева ловить пескарей в другом месте, и дело с концом. Но уже пошло-поехало. Хоть и деликатно, самым краешком, а все-таки затронул проклятую тему Янис Петерс. В Латвии напряженная демографическая ситуация с угрожающей тенденцией уменьшения населения коренной национальности, плохо с престижем родного языка, вопрос, кого издавать и кого не издавать в Латвии, решается почему-то в Москве.

Подумаешь, новость. Однако за текстом легко угадывается подтекст. У того, что сейчас происходит в Латвии, есть истоки. Вторжение советских войск в 1940 г., превращение независимого и процветающего государства в колонию, уничтожение латышской интеллигенции, а с ней и наиболее активной части населения, откровенно русификаторская политика. В истории не так уж часто случалось, чтобы отчаяние охватило целый народ. Латвия и Эстония дают страшный пример национального отчаяния, того, что эстонский писатель Владимир Бээкман назвал синдромом социальной усталости.

Я не поклонник творчества писателя Василия Белова, но надо отдать ему справедливость: народные боли и беды он ощущает чутко. Смысл того, что имел в виду Петерс, он, конечно же, понял сразу. И ответил: *"Меня, русского человека, отнюдь не радует, допустим, перспектива медленного, постепенного исчезновения одного народа, его полного слияния с другими народами. Какая тоска пришла бы на Землю, какая скука нахлынула бы, если бы остался всего один язык, похожий на эсперанто! Зачем мне такое будущее, если люди будут есть одинаковую еду, носить одинаковую одежду, строить одинаковые жилища? Позвольте сказать, что демографическая ситуация неблагоприятна не только в Прибалтике. Она неблагоприятна у меня на родине, в так называемом Нечерноземье. Я хорошо знаю,*

что и Витаутасу Бубнису, и Василию Быкову больно за мою родную деревню Тимониху, в которой вот уже много лет не звучат детские голоса. Не звучат они и в соседних деревнях. Целые сельсоветы, целые регионы Госпланом объявлены неперспективными... В чем тут дело?"

Прерву цитату. Не только из-за недостатка места, но и потому, что ссылки на Госплан, на неких абстрактных "перебросчиков рек" не кажутся мне убедительными. Боюсь, что это тот самый стрелочник, которого легче всего обвинить в аварии. А в остальном правильно. Не будем судить, какому народу хуже: латышам, украинцам или русским. Плохо всем.

А что же, тот сюжет с пескарями исчерпан? Оказывается, нет. Армянский писатель Вардгес Петросян открыто обвиняет кино: *"Если на экране появляется представитель Средней Азии и Закавказья – это, как правило, глубокий провинциал, говорящий с ужасным акцентом, в папаше или старомодной нелепой кепке, и чаще всего он человек из сферы торговли. В одной, с позволения сказать, юмореске автор уважаемой "Литературной газеты" попытался создать среднеарифметический образ среднеазиата-закавказца"*.

Комментировать я не буду. Наш журнал (1984 г., № 3) писал и об этой тенденции, и о том, кому выгодно, чтобы вина за все российские беды легла на "иностранцев": грузин, армян, узбеков.

"Нас не может не тревожить, – продолжал Петросян, – то, что кое-кто из писателей республик, особенно в произведениях исторического жанра, занимается "косметикой" истории собственного народа, как правило, за счет соседей. При этом порой проявляя неуважение к национальным святыням братских народов. Надо осторожно обращаться с наследием прошлого. Из него надо брать огонь, а не пепел, я уж не говорю о саже".

Это уже камень в огород соседей-азербайджанцев. Объяснять, что имеет в виду Петросян (кто из соседей что написал и кто в Армении что ответил), долго и сложно. Да и не в этом суть. И даже не в том, что в Советском Союзе национальные конфликты существуют – где их нет? – а в том, что эти противоречия загонялись в подполье. Обиды накапливались, давление росло. Не дай Бог, если полыхнет взрыв и стихия вырвется на поверхность.

А пока ощутимы лишь глухие подземные толчки. Послушаем Валентина Распутина. *"И уж совсем младенцем я оказался в национальном вопросе. Я касаюсь деликатной и, похоже, запретной для русского человека темы, но я не могу не сказать об этом"*.

О чем же? Да все о той же ловле пескарей в Грузии. Распутин защищает Астафьева и не видит в его рассказе ничего оскорбительного для грузин. Любопытна его аргументация. Мы, дескать, не оскорбляемся, когда на Украине или в Молдавии говорят о пьянстве как о русской национальной черте. Так чего же грузины обижаются, если мы говорим о них нечто не слишком лестное. Ведь мы живем в общем доме, в одной коммунальной квартире.

Боюсь, что образ неточен. Конечно, в коммунальной квартире плохо всем. Но особенно плохо тому, кого лишили собственного дома и насильно впихнули в эту квартиру. Может, умом он понимает, что и другим жильцам от этого соседства одни неприятности, а обида все равно сильна. Вот если у народа будет возможность отселиться, а он останется, тогда разговор будет другой. Хорошо, что в Союзе писателей сохранились люди, которые это понимают. Именно так прозвучали извинения, которые от имени журнала принес грузинам Гавриил Троепольский.

V.

Целая таблица Менделеева. – Неужели мы сами хотим? – Накал страстей, какого не было со времен революции. – Власть и народ. – Это устаревшее слово. – Идеальный случай. – Вполне патристический разговор. – Сорок сороков церквей. – Осетрина второй свежести. – К вопросу о классификации социальных типов. – Главное свойство интеллигенции.

Среди великого множества тайн одна из самых великих, самых охраняемых – ущерб, наносимый природе. Не знаю, как в этом году, но до последнего времени на публикацию любых материалов такого рода требовалось личное разрешение начальника Глав-

лита. Если правило продолжает действовать, то Верховному Визирю Тайн пришлось изрядно потрудиться над стенограммой съезда, ибо писатели говорили на эту тему так много и горячо, что человек неискушенный мог подумать, будто попал на Первый все-союзный съезд экологов. Приведу несколько примеров.

"О людях, проложивших Туркменский канал, написаны книги. Но по данным нашей печати, в ближайшие семь лет от излишнего засоления выйдут из строя тысячи квадратных километров поливных земель, тяготеющих к Туркменскому каналу" (Г.Бакланов).

"Недавно я получил из Госплана проект нового положения или закона по Байкалу. Вместо решительных и необходимых мер, которые позднее уже не помогут, в проекте все то же: усилить, потребовать, принять во внимание и т.д. Самое страшное для Байкала — целлюлозные комбинаты, приносящие к тому же вред и экономике нашей, — предполагается не трогать" (В.Распутин).

"Что мы знаем о Ладожском озере, расположенном в самом густонаселенном районе страны, хранящем самый большой запас пресной воды в Европе и обеспечивающем питьевой водой во много раз большее число населения, нежели Байкал? А ведь Ладожское озеро сейчас действительно находится на грани биологического омертвения, на грани необратимого" (П.Проскурин).

"Ежегодно в наших многострадальных лесах вырубается миллионы кубометров древесины, из которых больше половины пропадает впустую. Воумайтесь! Половина гигантской отрасли действует только затем, чтобы приносить ущерб, вред своей земле и народу" (К.Скворцов).

"Мы должны испытывать не чувство тревоги, а наступающей опасности, видя и зная, что происходит с "покоренной" восемь раз Волгой (с ее водой, берегами, рыбой), с измененной флорой Днепра, которому угрожает химическое отравление, целая таблица Менделеева, если он соединится с Дунаем; что происходит с обезрыбленным Доном, с рекой Урал (был кислым, стал щелочным), с Кременчугским и Цимлянским морем, со знаменитым Ладожским озером, угрожающе перенасыщенным фосфором, с загрязненным, недавно кристально чистым Онежским озером, с некогда прекрасным Валдайским озером, из которого пить теперь нельзя, с озером Севан, уровень которого естественно изменился, с тысячами других водоемов и малых рек?" (Ю.Бондарев).

Но, бесспорно, главная экологическая проблема, которая волновала съезд, — последствия поворота северных рек. Об этой проблеме говорили и С.Зальгин, и Бондарев, и Распутин, и Белов. И как говорили! Ю.Бондарев: *"Неужели мы сами хотим гибели своих черноземов, плодородных русско-европейских, украинских, среднеазиатских земель, неужели мы хотим через несколько лет лишиться чистой пресной воды... и посадить наших детей и внуков на полуголодный паек, на конвейер вымирания?"* В.Распутин: *"Осуществление первой очереди... а тем более второй... преступно и скажется на земле и культуре Севера и центра России трагическим образом. Сначала на земле России, потом и на земле Чингиза Айтматова, Олжаса Сулейменова, Гранта Матвеевича и так далее"*.

Двух мнений быть не может: дело чрезвычайно серьезное, опасность действительно велика. И тем не менее впечатление такое, что за проблемой поворота северных рек, проблемой экологической, просматривается нечто иное — проблема социальная. Она-то, я думаю, и вызвала такой накал страстей, равного которому не было, может быть, со времен революции. Эта проблема: власть и народ.

История с проектом в самом деле возмутительна. Первоначально главной его целью было объявлено спасение мелеющего Каспия. Пока шло обсуждение, эта цель отпала: уровень воды в Каспийском море почему-то стал сам собой повышаться. Сомнительными оказались и все другие доводы. Зато тяжелейшие (если не катастрофические) последствия, с которыми связан проект, вполне очевидны. Три отделения Академии Наук СССР, ученые, инженеры, агрономы, журналисты, писатели, просто граждане высказались против проекта. И что же? А ничего. Уже строятся подьезды, причалы, завезена техника. Не сегодня — завтра работы начнутся.

Не так уж важно, какие силы стоят за проектом. Кажется, не слишком могучие: проектный институт, Министерство водного хозяйства, президент Академии Наук — отнюдь не корифей в данной области. Гораздо важнее, что проекту никто не противо-

стоит, ибо все эти ученые, специалисты, писатели, граждане, обозначаемые устаревшим словом **о б щ е с т в е н н о с т ь**, — вообще не сила. То есть, конечно, по нынешним временам им позволяется и даже рекомендуется участвовать в обсуждении. Это хорошо, полезно — активизирует "человеческий фактор". Но никакого отношения к реальному делу они не имеют. Потому что серьезные вопросы решаются у нас не на собраниях и не газетами, а в кабинетах. В каких кабинетах, кем именно и по какому принципу — не всегда и поймешь, все совершается где-то там, за закрытыми дверями. А разговоры? Отчего же не поговорить, если нынче у нас мода на гласность. Так что, будем откровенны, во всей этой истории с проектом нет ничего оригинального. Типовая история. Рутинная.

И чего это писатели вдруг возмутились? А потому, что случай уж больно удачный, прямо-таки идеальный случай. Известно, что команда идет не с самого верха, более того, наверху как раз колеблется. И проблема, с одной стороны, не слишком острая (это тебе не война в Афганистане и не строительство атомных электростанций), а с другой — достаточно важная, затрагивающая интересы всего народа. И разговор идет не о власти, не о роли общественности и прочих сомнительных материях, а о реках, земле, древних памятниках. Вполне патристический разговор.

Я хочу, чтобы меня поняли правильно. Я абсолютно уверен, что боль писателей искренна, что в их заботах о судьбе страны и народа нет и тени демагогии. Не их вина, а их беда, что далеко не по всякой проблеме, вызывающей естественное возмущение, им позволяют высказываться. Простейший пример — коллективизация. Многие литераторы в своих выступлениях наталкивались на эту стену. И отскакивали или скользили вдоль нее. Тяжелое зрелище.

Это не значит, что по общим вопросам на съезде не было сказано ничего действительно важного, — говорить так было бы нечестно и несправедливо. В ряде случаев делегаты доходили до предела возможного, а иногда и перешагивали этот невидимый, но ясно обозначенный барьер.

"Наше время — действительно переломное, — сказал Евтушенко, — но народ не хочет, чтобы оно превратилось в костоломное". По-моему, ясно. *"Но до Октября в одной Москве было сорок сороков церквей. И это тоже были своего рода воспитательные центры"*, — напомнил Дмитрий Лихачев. *"Чернобыль заставил нас многое переосмыслить, — это Борис Олейник. — И то, что расхожая метафора "мирный атом" — всего лишь метафора, поскольку он мирный лишь в естественных соединениях. Чернобыль призывает нас убедить ученых в том, что они уверены иногда до самоуверенности, будто знают все, но в действительности далеко не все"*. Наверно, убедить ученых можно. Только ведь не они решают. А как убедить тех, кто не знает ничего и тем не менее решает?..

Или вот Петр Проскурин. *"Итак, главное — нормальный круговорот веществ, и незачем нам здесь делать вид, что мы не понимаем, отчего падает престиж нашей литературы в народе. Да только оттого, что она многие годы была лишена возможности создавать полную, объективную картину состояния общества. Наша литература еще просто гениальна, ибо вопреки всему... сумела сохранить достаточно высокий авторитет в народе. И дай ей бог сибирского здоровья — ей предстоят и дальше нелегкие кровопролитные бои за высшие идеалы совести и справедливости... Гласность не может быть регламентирована "от" и "до", гласность или есть или ее вообще нет. И пока не будет такой гласности, нормального оборота веществ тоже не будет"*.

М-да, это как у Булгакова с осетриной второй свежести... Мне хочется еще и еще цитировать, ибо съезд показал, что даже такие одиночные личности, как певец афганской войны Александр Проханов, тоже что-то видят и понимают. Чего стоит хотя бы его классификация социальных типов. Первый. "Тип пораженца, уже сдавшийся сильному, удачливому противнику, не верящий в стойкость нашей социальной системы, в способность отечественных инженеров конструировать хорошие машины, в способность отечественных врачей хорошо лечить, а отечественных писателей писать хорошие книги". Тип второй. "Еще вчера социально сонный, он сегодня проснулся. Его раздражили и возмутили. Его раздражили чужие боевые корабли у берегов Крыма, радиоголоса, ликую-

щие по поводу наших недородов и обилия взяточников. Возмутили сами эти бесконечные недороды и несчетные взяточники". Тип третий — "чувствующий беду, но бегущий от нее — в пустыки, в разглагольствования, в секс, в пьянство, в религию, в непрерывные развлечения". Наконец, четвертый, "самый драгоценный для общества характер, ищущий выхода из катастрофы не через конфликт, не в изнурительной конфронтации, не в завинчивании гаек и ударах дубины, а в сверхусилии новых идей и подходов... Ибо времени совсем не осталось. Сегодня нашим социальным и государственным организациям так не хватает идей. Не людей, а идей. В экономике. В социологии. В культуре. Идеи — вот что сейчас драгоценно".

Тут есть с чем спорить. Я, например, сомневаюсь, будто тип первый такой уж примитивный дурак, что не верит в способности отечественных инженеров, врачей, писателей. Убежден, что он не верит в другое: в потенциальную систему, в готовность ее бесчисленных вождей дать инженерам конструировать, врачам — лечить, писателям — писать (и печатать) хорошие книги. И еще — воспринимать идеи, отличающиеся от их собственных. В любой области.

А о том, чего стоят их идеи и что они принесли народу, неплохо сказал Сергей Залыгин. *"Давайте согласимся с тем, что социализм несовершенен, что он в своей краткой истории допустил подчас трагические и крупные ошибки, но существа своего он не потерял — он не потерял своего миролюбия и не затевал мировых войн..."*

Давайте согласимся и с тем, что капитализм за это время достиг многих высот в организации производства и быта, пусть будет так, не будем спорить, но бесспорно другое: он не приобрел миролюбия".

Мне тоже не хочется спорить. Я лишь спрошу: кто начал войну с Финляндией, захватил Литву, Латвию, Эстонию, Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию и Северную Буковину, кто подавил народные движения в ГДР, Венгрии и Чехословакии, кто воюет сейчас в Афганистане? Да, мировых войн старого типа социализм, допустим, не начинал, но не потому ли, что обстоятельства этому не благоприятствовали? В том-то и дело, что для войны нужны высоты. А высот, которых достиг капитализм, социализм не достиг. Отчасти потому, что вел мировую войну нового типа — со своим народом.

Наконец, последнее. *"Мы, интеллигенция, — мы мозг страны..."* — патетически воскликнул Виктор Розов. Мысль явно антиленинская — ведь вождь мирового пролетариата высказался в свое время об интеллигенции совсем в ином духе: "это не мозг нации, а г..." Кроме того, все это явно из области благих пожеланий. Чего нет, того нет. Тех, кто узурпировал функции мозгового центра страны, трудно заподозрить в интеллигентности. И не потому, что у них мало дипломов; дипломов, званий и прочего им как раз хватает, а потому, что главный отличительный признак интеллигентности — терпимость. Способность выслушивать, воспринимать, а иногда даже и принимать чужую точку зрения. ●

ПРОЛЕТАРНИ ВСЕХ СТРАН, СОДИНЯЙТЕСЯ ПРОЛЕТАРИ ВСЕХ КРАЙОУ, СЪДИНЯЙТЕСЯ ПРАКТИКАЛО ВСЕХ КРАЙОУ, ВЪНАРЯЩЕТЕ БУДУЩЕ ДУШЕ ПРОЛЕТАРАРСКИ, ВЪРАЩЕШИТЕКИ
 БАРАМЕ БАДЛАРИ ПРОЛЕТАРАРСКИ, ВЪРТИДИТЕ ИМЪРЪМАРЪ ЗАРЕСЪ АЗЪСЪОУ, ТЪСАЧЕРОСИ БУДУЩЕ ВЪДАДЪРИНИ ПРОЛЕТАРАРСКИ, ВЪРАЖИТЕ ИЩЕ БАЛУ ПРОЛЕТАРАРСКИ, ВЪНУЧЕТИТЕ
 ПРОЛЕТАРНИ ДИНИ ПОДАТЕ ЕЖИМАДЕ, ТЪЩИКИТЕ ИЩЕ ЕБАЛУ ПРОЛЕТАРАРСКИ, ЗАВЪРОУЧИТЕСЯ БАДЛАРИ ФАКЪВАРАТИ ПРОЛЕТАРАРСКИ, ИМЪРЪМАРЪ ПРОЛЕТАРКОМ
 ДАМАКЪ МАМАДАКЪТО БЕ ШАВЕДИ "КЪРЕНЪМАРЪ" ПЪРЪТЪ ИЩЕ ИЩЕ ФЪЛАКЪ БЪРАСАРИНИ ПРОЛЕТАРАРСКИ, ВЪРАЩЕШИ КОСИ МАДЕ ПРОЛЕТАРАРСКИ, ДУНИЧКИ

ИЗВЕСТИЯ

Газета выходит с марта 1917 года

СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Цена 4 коп.

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ

Этот очерк подписчики газеты "Известия" прочли, вероятно, с большим удовольствием. Ну, еще бы — на видном месте, с фотографиями, схемой... Одни заголовки чего стоят: "Встреча осенью не состоится", "Провал разведчика из Пентагона"!. А хватка известинского журналиста? Ведь с какими подробностями все описал...

Достаточно долго проработав в советской журналистике, я хорошо представляю себе историю появления этого очерка. Некий довольно высокий чин КГБ (что-нибудь вроде генерала) позвонил по *специальному* аппарату не менее высокому чину газеты "Известия" и сказал примерно следующее: "Послушай, тут мои ребята американского дипломата за шпионским делом поймали. Надо пропечатать. В назидание. Так ты подошли кого-нибудь из своих".

Ну, в редакции небольшой переполох: для такой темы не просто *достойный* нужен (в советской редакции все достойные), а еще и *проверенный*, обязательно с *допуском*. Но нашли, конечно, отправили. А там — чай с печеньем и разговор задушевный. И в результате того чаепития — статья, тем самым генералом завизированная и напечатанная в "Известиях" 24 июня.

Вспомним ее суть: 7 мая в Москве во время конспиративной встречи с агентом, гражданином СССР, был задержан помощник атташе по вопросам обороны при посольстве США Эрик Сайтс. Он был объявлен персоной нон грата, а в отношении его советского собеседника "ведется следствие" и "нет сомнения, что ему будет воздано по заслугам".

Но это, так сказать, голая схема. Корреспонденту же необходимо было убедить читателя в своем присутствии — разумеется, не за чайным столом в вышеозначенном заведении, а в самой что ни на есть "операции". И потому описание ее изобилует деталями, присущими отечественному детективу эпохи социалистического реализма.

"Стремительно сгущаются сумерки", — этим оригинальным приемом погружения читателя в мрачную атмосферу происходящего начинается очерк. Чуть ниже мрачность усиливается: "Над Москвой еще больше густеют сумерки". Ну да, ведь шпионские дела всегда вершатся под покровом темноты...

А вот описание главных героев. Естественно, отрицательных. Жена Эрика Сайтса, Урсула, в ожидании мужа с "уловом" "пугливо озирается по сторонам". И сам Сайтс, которого "не отличишь от москвича: на нем джинсы, курточка на молнии, купленная в московском магазине кепка". Мысль корреспондента "Известий" ясна тут не до конца. То ли намек на плохое материальное обеспечение американских разведчиков, вынужденных одеваться столь вызывающе бедно, то ли указание на причину демаскировки, повлекшей разоблачение шпиона: иностранец в нашем представлении, да еще американец — непременно во фраке и ботинках из крокодиловой кожи. А оденется он как москвич, — так сразу провал. Обличье-то под одеждой все равно не наше, сразу видно.

“Задержанный с поличным Сайтс стоит мертвенно бледный, точно оглушенный громом. Он еще долго будет пребывать в таком состоянии”.

Ну, тут даже наш читатель, воспитанный на макулатуре Юлиана Семенова, засомневается. Что же это за “профессиональный разведчик”, так плохо собой владеющий? Или — очередной штамп из литературы того же сорта: сохранять выдержку в любых ситуациях способен лишь сотрудник наших доблестных органов?.. Кстати, из фотографии, согласно подписи, сделанной “после задержания” и опубликованной “Известиями”, Сайтс отнюдь не выглядит “оглушенным громом”. Он совершенно спокоен, а выражение его лица скорее ироничное, чем испуганное.

А потом Эрик Сайтс “с тоской наблюдает за тем, как из синей сумки, которую он намеревался передать агенту, один за другим извлекаются предметы шпионского реквизита”. Задержимся на описании этого реквизита, тем более, что на снимке отчетливо видны лишь денежные купюры; все остальное шпионское снаряжение, вероятно, чрезвычайно секретно, и потому разглядеть его попросту невозможно.

Значит, так: таблетки для тайнописи, которые надо растворять в воде; “задания американской разведки”; инструкции и “подробные схемы” будущих встреч и так далее. А вот и подробности: “Электробритва “Харьков”... приспособленная служить в качестве контейнера для хранения шпионского снаряжения. В ее корпусе оборудован тайник, в котором можно упрятать минифотоаппарат размером с тубик губной помады, предназначенный для фотографирования секретных документов”. И еще: сувенирный письменный прибор отечественного производства с тайником, оборудованным “американскими ‘умельцами’ по шпионажу”. Тайник “предназначен для размещения там минифотоаппарата”.

Вот уж дались нам эти минифотопринадлежности! Не мыслится без них агент империализма. Любопытная, однако, деталь: в первом тайнике — “можно упрятать”, а второй — “предназначен для”. Известинский корреспондент проговаривается — судя по этим уклончивым выражениям, оба тайника оказались пусты. Тут бы ему и развернуться: один, к примеру, — для минилазера, другой — для минибомбы. Фантазии не хватило.

Но самое интересное, как водится, — в заключительной части очерка. Тут автор предается размышлениям о злонамеренной против нас деятельности американских спецслужб. И забывшись доходит до разоблачения той гостеприимной организации, которая легкомысленно снабдила его сведениями. Перечисляя сотрудников посольства, атташата и консульства — надо полагать, уже высланных из СССР за “несовместимую деятельность”, — он пишет: “Самые низкопробные методы продемонстрировал помощник военно-воздушного атташе США Вольф, выкрадший при содействии своего канадского коллеги служебные документы из стола сотрудницы “Интуриста” в Казани в момент, когда та буквально на минутку оставила “гостей” одних в своем кабинете”.

Оставим в стороне “низкопробность методов”, каковая, судя по всему, заключается в том, что документы не были традиционно сфотографированы минифотоаппаратом, а именно выкрадены. В результате чего вышеупомянутая сотрудница “Интуриста” имела, вероятно, крупные неприятности. Задумаемся о другом: что за секретные бумаги хранила она в своем служебном столе? Ведь не завод же типа “почтовый ящик” или полигон секретный (куда, впрочем, иностранцев и близко не подпустят), а — “Интурист”, учреждение вполне гражданское, хотя и не без ореола таинственности, коим в наших глазах всегда окружено общение с заморскими гостями “по долгу службы”.

Позволю себе высказать предположение, весьма, как мне кажется, близкое к истине. Вероятнее всего, лежали в ящике того стола *инструкции*, что составляются КГБ для сотрудников своего филиала, каковым “Интурист” и является. Либо — *отчеты* этих сотрудников своим шефам. Вообще-то мы слышаны о тесном сотрудничестве этих двух учреждений. Но слухи — не доказательства. А тут — самое что ни на есть прямые, да еще попавшие, по вине казанской разини, к тем, к кому уж никак им попадать не надо бы. Есть отчего прийти в негодование и “органам”, и их гостю-корреспонденту.

Если у читающих эти заметки сложилось впечатление, будто их автор испытывает симпатию к американской разведке, то оно ошибочно. Некогда от одного западногерманского дипломата я услышал — в частной беседе, разумеется — очень лаконичное и емкое определение: “Die Politik ist immer Schmutz”. Без сомнения, разведка — наиболее грязная составляющая этой самой “Politik”. Пожалуй, единственная — но и немалая — польза от разведки заключается в том, что, благодаря ей, в нашем неспокойном мире поддерживается хотя бы относительное, неустойчивое равновесие. Однако методы ее, разумеется, чище от этого не становятся. Потому-то деятельность *любых* “спецслужб” вызывает у меня чувство брезгливости, ощущение чего-то недостойного и постыдного. Я подчеркиваю: *любых*. И наших, отечественных — в первую очередь. Ибо, насколько можно судить по тем обрывкам

иностранный прессой, что временами все-таки до нас доходят, общественное мнение Запада о собственных подобных службах по большей части мало чем отличаются от моего. Другое дело — у нас. "Рыцари плаща и кинжала" — язвительный штамп для обозначения иностранных шпионов. "Рыцари щита и меча" — тоже штамп; но это уже о наших доблестных разведчиках, героях-чекистах. Провалов у них, конечно же, не бывает. Во всяком случае, из нашей прессы о них не узнать. А вот американцы о своих почему-то пишут, не стесняются. "Американские информационные агентства, — подтверждает корреспондент "Известий" — сообщив о выдворении Сайтса за шпионаж..." И далее агентства уведомляют *своих* читателей (заметьте: не *наших*, советских, а *своих* американских) о тех дипломатах, кто по тем же причинам был выслан из СССР в последнее время. Неужто из наших никто, нигде и никогда не попадался? Трудно поверить.

Иногда, правда, кое-что проскальзывает. Совсем недавно в тех же "Известиях" можно было углядеть крошечную заметку "В МИД СССР", которая начиналась так: "30 июня в МИД СССР посольству Португалии в Москве был заявлен протест в связи с предпринятой португальскими властями недружественной акцией в отношении двух советских сотрудников в Лиссабоне, в адрес которых были выдвинуты необоснованные обвинения в недозволенной деятельности".

Видно, здорово оскандалились наши тамошние дипломаты. Тоже, небось, с поличным взяли, да еще и с "реквизитом" тем самым. Но для нас — безо всяких подробностей. Остается лишь гадать, что это за "необоснованные обвинения" и зачем понадобилась "недружественная акция". Хотя что-то не упомнится, чтобы "португальские власти" клялись нам в вечной дружбе.

Или вот еще одна ссылка на американскую прессу в той же статье об Эрике Сайтсе: "По данным американской печати, в 1987 финансовом году спецслужбам США из бюджета намечено выделить 24 миллиарда долларов". Что и говорить, цифра впечатляющая. Но неужто она интереснее нам, чем наши собственные дела? К примеру: а какую долю *нашего* государственного бюджета — или, говоря попроще, сколько *народных* денежек — забирает себе КГБ? Хорошо бы узнать. Да только — где? При нынешней-то гласности?..

Статья в "Известиях" заканчивается по-деловому, хотя и не без патетики. Дескать, давно пора понять американским спецслужбам, чем оборачиваются всевозможные против нас походы. И "случай с Сайтсом — лишнее тому подтверждение". Но — непонятливые они, — эти службы, все "рвутся к нашим оборонным секретам".

А секреты, конечно, есть. Как же без них? И настолько они секретные, что иностранным шпионам, по-моему, попросту нечего у нас делать. Ежедневно читая в газетах о том, как в западных странах проводятся демонстрации протеста против военных баз, причем — непосредственно перед воротами сверхсекретных полигонов и ракетодомов, я думаю: ну до чего же легкомысленное отношение. Ведь все секреты — наружу: где находится, что и зачем. А появившись у кого-нибудь из нас охота провести подобную демонстрацию — куда направиться? Ну вот — куда? Потопчемся на месте и разоидемся. Если позволят.

А с другой стороны... В инструкции, которую Сайтс должен был передать агенту, "руководители разведки требуют информации о дислокации и назначении оборонных объектов". А чего требовать? Да на виду же все! Ну, положим, не все, конечно, но многое. Я вот живу неподалеку от ЦИАМа — Центрального института авиационных моторов, — страшно секретного и законспирированного оборонного предприятия (у нас ведь все военное — только для обороны). Улица, на которой оно размещается, так и называется: Авиамоторная. И станция метро того же названия. Много ли, спрашивается, тут наспионишь? И дислокация, и назначение — яснее ясного. Даже о качестве продукции представление можно составить. Несколько близлежащих домов — обыкновенных, жилых — снабжаются горячей водой из бойлерной этого самого ЦИАМа. И чуть ли не каждый месяц случаются с горячим водоснабжением длительные перебои. Жильцы к ним привыкли, так же, как привыкли они к стереотипным ответам на свои жалобы: оборудование-де в цианомской бойлерной никуда не годится, то и дело ломается, никак его не починить...

Уж если всего-навсего бойлерная в таком серьезном учреждении — и всегда в аварийном состоянии, чего же ждать от всей прочей продукции?..

Так что — не утруждайте себя понапрасну, господа шпионы. Нам бы с бойлерной совладать... А уж тогда — милости просим. ●

Марк Дейч,
июль 1986 г., Москва

Сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения государственного плана за первое полугодие, опубликованное в печати 20 июля, особого энтузиазма не вызвало. Ну, со стороны граждан это понятно: они давно уразумели, что зависимость между цифрами в отчетах и товарами на прилавках магазинов сугубо условная. Однако и газеты восприняли данные статуправления довольно равнодушно. Напечатали передовые и перешли, как выражался покойный Сталин, к текущим делам.

Между тем, если верить сообщению, в первом полугодии экономика страны развивалась вполне успешно. Общий объем промышленной продукции вырос по сравнению с тем же периодом прошлого года на 5,6% при годовом плане 4,3%. Полугодовой план реализации продукции выполнен на 102%. Все союзные республики и промышленные министерства, кроме нефтяного, справились с заданием. Выполнен план весеннего сева. Заметно возросло производство мяса, молока, яиц... Откуда же тогда подчеркнутая скромность, почти демонстративный упор на недостатки?

Ответ на этот вопрос содержится в последних выступлениях М. С. Горбачева — во Владивостоке и Хабаровске. Мельком упомянув о положительных итогах полугодия, генеральный секретарь сразу же огорошил слушателей: "Но будем говорить, товарищи, прямо: радующие и обнадеживающие нас сдвиги получены прежде всего в результате мер по укреплению трудовой, государственной и плановой дисциплины".

Казалось бы, этому можно лишь радоваться. Однако генеральный секретарь ясно показал, что не намерен делать вид, будто принимает победные реляции всерьез. Восшествие на престол нового вождя сопровождается, по тради-

ции, новыми успехами. Механика этих успехов не так важна: у всякого директора или начальника есть свои маленькие секреты. Один пускает в ход "внутренние резервы", которые как раз для таких случаев придерживал. Другой нажимает на незавершенку. Третий умело манипулирует показателями. Четвертый устраивает тотальный аврал. Пятый использует приписки...

Все эти методы имеют, увы, прискорбный недостаток: они действительны на короткой дистанции. Характерно, что уже в мае—июне, как признал Горбачев, темпы роста в некоторых отраслях снизились, ряд министерств не справился с планом. Это значит, что бегуны выдохлись, и в действие вступили такие долговременные факторы, как техническая отсталость, несовершенство технологии, низкий уровень организации производства. Факторы, зависящие не столько от конкретных людей, сколько от системы.

"Все это, — заметил генеральный секретарь, — позволяет сделать вполне определенный вывод: качественных перемен, которые действительно закрепили бы тенденцию ускоренного роста, еще в стране не произошло. Думаю, вы понимаете и согласитесь, что этого не могло произойти, учитывая, что важнейшие мероприятия экономического, социального, организационного и идеологического, да и иного характера только начинают осуществляться... Наивно — и вредно — полагать, будто, коль скоро в экономике показатели повысились, перестройка нашей деятельности уже развернулась вовсю и идет повсеместно вперед полным ходом. Положение обстоит еще далеко не так, в целом ряде районов страны и отраслей пока только говорят о перестройке, но с места ее не двигают".

В достопамятные годы брежневского правления, когда вера в благотворное воздействие

пятилеток была окончательно подорвана, счет стал вестись на годы. Год определяющий. Год решающий. Год завершающий. Юмор...

Не исключено, однако, что 1986 год и в самом деле окажется определяющим, решающим, а может быть, и завершающим — для целого этапа развития советской экономики. Есть много признаков того, что генеральный секретарь рассматривает этот год как экспериментальный, призванный выявить, чем обусловлены провалы в экономике: частными, привходящими обстоятельствами или коренными пороками системы. Замена бездарных, тупых, обленевшихся руководителей людьми способными и энергичными, подтягивание дисциплины, устранение наиболее явных нелепостей в структуре управления позволили придать эксперименту чистоту. Теперь системе предстоит доказать, может ли она успешно функционировать в своем нынешнем виде или для выхода из тупика необходимы радикальные меры, коренная перестройка всего хозяйственного механизма.

Самому Горбачеву результаты опыта, по-видимому, ясны заранее. "Речь идет, конечно, не о том, — сказал он во Владивостоке, — чтобы, попутая или уговаривая людей, побудить их действовать вопреки законам общественного развития, либо пытаться как-то обойти, "обхитрить" эти законы, реально существующие условия". Явно предвещая итоги эксперимента, он объявил в Хабаровске: "Ведущие ученые и специалисты с участием практиков по поручению ЦК и правительства работают над цельной концепцией совершенствования системы управления и хозяйствования". А чтобы устранить всякие сомнения относительно характера предстоящих преобразований, генеральный секретарь уточнил: "Перестройка — емкое слово. Я поставил бы знак равенства между словами перестройка и революция".

Если так, если исход эксперимента известен заранее, то зачем, спрашивается, он вообще нужен? А затем, что даже генеральный секретарь ЦК КПСС не всемогущ. Ему важно вбить в головы и его коллег по Политбюро, и бесчисленных вождей местного масштаба мысль, что иного выхода нет, что перестройка — при всей своей рискованности — необходима. Не случайно Горбачев возвращается к этому моменту снова и снова, не только объясняя, растолковывая, убеждая, но и угрожая: "Ни рабочий класс, ни крестьянство,

ни техническая, ни творческая интеллигенция, — никто больше не хочет жить по-старому, мириться с тем, что устарело, что тормозит наше движение и омрачает нашу действительность, нашу жизнь, наш социалистический строй. Мы с вами жить по-старому теперь уже не сможем. Это очевидно".

Не станем напоминать читателю, кем и по какому поводу сказаны слова о революционной ситуации, когда низы не хотят, а верхи уже не могут жить по-старому. Заметим лишь, что в этом контексте слово революция звучит вполне оправданно.

Разумеется, Михаил Горбачев имеет в виду революцию сверху и мыслится она ему в строго очерченных рамках — рамках социализма. Но чему тут удивляться? Напротив, было бы странно, если бы руководитель коммунистической партии высказался за капиталистический путь развития.

Однако у истории своя логика. Затрагивая один элемент системы — тем более такой важный, как экономика, — мы неизбежно приводим в движение все другие ее элементы. И вряд ли кто может предвидеть, к чему это в конечном счете приведет.

Впрочем, одно можно предсказать уже сейчас. В XX веке всякая эффективная система хозяйствования должна допускать определенную свободу экономической деятельности. Согласимся, что транссибирские магистрали, гигантские каналы и колоссальные электростанции можно строить и при административной системе управления, но перед обычными цветными телевизорами эта система пасует.

Речь вовсе не о том, что советской экономике срочно надлежит перейти на рельсы классического, марксова капитализма (такого капитализма, кстати, давно нет нигде в мире). Разумное планирование, государственная собственность на некоторые средства производства, общественное регулирование тех или иных отношений — все это, очевидно, имеет право на существование. Но — в известных пределах, не ущемляющих интересы производителей и потребителей, а значит, и общества в целом.

Мы живем в эпоху научно-технической революции — эпоху стремительного развития производства. Только очень наивный человек может думать, будто архаический, тяжелый, неповоротливый государственный механизм управления

способен эффективно регулировать все: от количества гаек до качества художественных произведений.

Рано или поздно советским руководителям придется это признать. Будет лучше для всех, если это случится раньше. ●

А. Б.

СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ ДОБИВАЮТСЯ РЕПАТРИАЦИИ

Мы уже сообщали ("Страна и мир", № 4, 1984) о борьбе советских немцев за репатриацию в Федеративную республику Германии. Большие общины этнических немцев существуют в СССР в Поволжье, на Северном Кавказе, в Казахстане, Киргизии, Таджикистане. Члены этих общин, иногда в полном составе, требуют выезда на историческую родину (впрочем, надо сказать, что другая часть этой родины, ГДР, по понятным причинам кажется им малопривлекательной). Власти чинят немцам всяческие препятствия — несмотря на многочисленные ходатайства властей ФРГ, немецкая эмиграция сокращается. Многие немецкие активисты эмиграции находятся в заключении за свою деятельность.

Со времени нашей публикации положение только ухудшилось. Мы сообщали тогда, что в 1983 г. разрешение на выезд в ФРГ получили лишь 1447 чел. — это была самая низкая цифра после 1971 г., когда началась массовая репатриация немцев. Но в 1984 г. выехало еще меньше — 913 чел, в 1985 — около 500. И это при том, что по данным Международного Красного Креста репатриации в ФРГ из СССР сейчас добиваются 283832 чел.

Одной из самых активно добивающихся репатриации немецких общин является таджикская. Вот уже два года немцы из столицы Таджикистана г. Душанбе регулярно собираются на демонстрации протеста у здания ЦК Компартии Таджикистана. Столь же регулярно их разгоняют. Иногда это происходит сравнительно мирно, иногда — с применением насилия, особенно когда в ЦК идет какое-то важное заседание, или приезжают "представители" из Москвы, или ожидается выход первого секретаря ЦК.

Публикуемая фотография сделана у здания ЦК КП Таджикистана в апреле этого года: демонстрантов сажает в милицейскую машину. Снимок сделан скрытой камерой и потому не очень хорошего качества.

Власти ограничиваются пока лишь административными арестами немцев на 10–15 суток, избегая громких процессов, как это было еще несколько лет назад. Один из подсудимых на таком процессе, инженер Артур Марсал, отбыл в лагере 3 года и сейчас активно участвует в демонстрациях у здания ЦК. ●

"ДАЕШЬ — ДАЮ"

Визит в Лондон советского министра иностранных дел Шеварднадзе завершился эффективным ходом: СССР согласился вернуть Великобритании небольшую часть долга царского правительства, имеющего почти вековую давность. Речь идет о займах, полученных Россией у Англии в 1883 и 1899 гг. на строительство железных дорог. Урегулирован также ряд небольших имущественных претензий обеих сторон. Всего Советский Союз уплатит кредитору чуть более 40 млн. фунтов стерлингов.

Это лишь ничтожная часть советского долга Великобритании. По данным Д.Ллойд Джорджа, британского премьер-министра в 1918–1922 гг., российский долг Англии к началу 20-х гг. составлял примерно 650 млн. фунтов. По современной оценке, с учетом девальваций и сложного процента долг этот возрос до 2,5 млрд. фунтов. Таким образом, он будет покрыт менее чем на 2%.

Но и это еще под вопросом. Самую большую радость испытала, вероятно, небольшая лондонская фирма, которая обслуживает немногочисленное племя коллекционеров ценных бумаг, вышедших из употребления. На этом странном рынке старые российские облигации, акции, бонды и сертификаты из-за своего обилия ценились невысоко — по фунту-полтора за штуку,

независимо от номинала. Фирма, обнаружившая в своих шкафах целый запас таких облигаций, может теперь предъявить их ко взысканию. Те же, кто давно освободил от старого хлама дедушкины сундуки, или предпочел коллекционировать боны 1924 г. китайской провинции Сычуань за пышность и тонкость их гравировки, теперь могут лишь сожалеть...

В советской печати ход Шеварднадзе был скромно назван "регулированием взаимных обязательств, возникших до 1939 г." (с той же точностью можно было бы сказать: "возникших после освобождения крестьян в 1861 г."). Туманное это выражение было употреблено, чтобы не напоминать советскому читателю об одном из самых незаконных шагов молодого советского режима. Все началось с Постановления Совнаркома от 1(13) января 1918 г. об отмене "царских долгов" – аннулировании выплат по всем внутренним и внешним займам, которые были получены прежними правительствами России. Вместе с декретами о национализации и другими решениями по хозяйственным вопросам, принятыми в 1918–1920 гг., это Постановление СНК поставило мир перед небывалым в истории фактом – банкротством великой державы. Обанкротилась не Турция – "большой человек Европы", а Россия с ее огромными территориями, исключительными природными и людскими ресурсами, страна, которая в 1900–1913 гг. вышла на первое место в мире по темпам экономического развития.

Конечно, России еще предстоял длительный путь, чтобы занять подобающее ей место в мировом хозяйстве. На этом пути использование кредитов и иностранной помощи – естественный метод привлечения средств. В то время все важнейшие мировые валюты были основаны на золоте и свободно обменивались на основе официального золотого содержания. Поэтому внешние займы по своему экономическому смыслу почти не отличались от внутренних. К началу Первой мировой войны общий государственный долг России достиг примерно 60 млрд. руб., из них внешний долг – 11 млрд. За время войны западные союзники предоставили российскому правительству кредитов еще на 7 млрд. руб. Если добавить к этому примерно два миллиарда рублей в форме капиталовложений в российскую промышленность, осуществленных иностранными фирмами в России до 1917 г., то

сумма, которую вложили зарубежные фирмы и частные лица в российскую экономику, составляла около 20 млрд. золотых рублей.

Большинство облигаций российских займов и акций иностранных компаний принадлежали крупным фирмам и банкам. Однако и в России, и за рубежом, особенно во Франции, были сотни тысяч мелких держателей российских ценных бумаг. Подобно мистеру Адамсу, проводнику Ильфа и Петрова по "одноэтажной Америке", они рассматривали российские облигации как поистине надежное, выгодное и удобное средство сбережения своих небольших денег.

Крупнейшим кредитором России была Франция. Объяснялось это как политическими, так и экономическими причинами. Еще с середины 90-х гг. прошлого века французское правительство хотело разрушить династический союз России с Германией и Австрией и добиться ее союза с Антантой (коалицией Англии и Франции). Поэтому к просьбам русского правительства о кредитах французские политические круги относились благожелательно. Кроме того, во Франции в результате успешной деятельности банков, в первую очередь банкирских домов Ротшильда и Перейра, скопилось значительное количество свободных капиталов. Рынок капиталов был необычайно развит – примерно для двух миллионов французов важной статьей семейного бюджета были доходы от ценных бумаг. Среди них были десятки тысяч держателей российских ценных бумаг.

На эти средства были созданы бесчисленные предприятия – от пивоваренного завода в Москве (ныне им. Бадаева) и кондитерской фабрики "Красный Октябрь" (в прошлом немецко-голландская фирма Эйнем) до бакинских нефтяных промыслов (знаменитая шведская фирма Альфреда Нобеля), построенного бельгийцами завода "Ростсельмаш", донецких шахт, золотых приисков Восточной Сибири. Британские и немецкие предприниматели и специалисты участвовали в строительстве важнейших железных дорог страны, бельгийцы пустили первый трамвай в Петербурге и создали проект надземного метро для Москвы.

Для акта Совнаркома было выбрано как будто самое подходящее время. Брестский мир отрезал Россию от Западной Европы: на ее границах стояли германские и австрийские войска. Трудности войны для стран Антанты резко воз-

росли: Германия перебросила крупные части на западный фронт и получила от России в порядке контрибуции денежные средства и большое количество сырья и продовольствия. Исход войны вновь стал неопределенным, и странам Антанты было не до событий в России.

В постановлении СНК говорилось, что мелкие держатели государственных бумаг на сумму до 10 тыс.руб. (что не так уж мало) имели право получить возмещение, а в отдельных случаях до 10 тыс.руб. могли получить и лица, владевшие бумагами на более крупную сумму. Как уже говорилось, тогда не существовало различий между размещением займов за рубежом и внутри страны: облигации внутренних займов, акции и бонды продавались и русским и иностранным покупателям, а облигации внешних займов продавались внутри страны (иногда даже на четверть суммы займа, как в случае займа 1906 г.). Но надежда получить хотя бы часть компенсации быстро испарилась. Декретом от 18 апреля 1918 г. право на компенсацию получали только те владельцы ценных бумаг, которые зарегистрируют их в Народном (Государственном) банке. Иностранные вкладчики технически не могли этого сделать, а для русских держателей ценных бумаг это было равносильно самодоносу и причислению к "враждебным классам" (даже для рабочих). В эпоху красного террора это было смертельно опасно. Фактически возмещение за аннулированные бумаги получили лишь некоторые группы мелких держателей – граждан СССР, как сообщает одно из изданий 20-х гг., "путем записи соответствующей суммы на их текущие счета в существующей в то время валюте", то есть в обесцененных денежных знаках московского казначейства. Казалось, что красногвардейская атака на капитал обошлась малой кровью.

Положение изменилось после Компьенского перемирия 11 октября 1918 г., завершившего военные действия на Западе. Внимание стран Антанты вновь обратилось к России. Конечно, нельзя упрощенно связывать иностранную военную интервенцию с декретами о долгах и о национализации. Важную роль сыграли здесь территориальные претензии к России со стороны соседних государств – Финляндии, прибалтийских республик, Польши, Румынии, Турции, Китая и Японии. Несомненно, тревогу демократических стран вызывали злодеяния советского режима, массовые, выражаясь современным языком,

нарушения прав человека. Но нельзя отрицать, что немалую роль в решениях об оказании помощи антибольшевистским силам и правительствам в российской гражданской войне сыграло и стремление защитить имущественные права граждан Великобритании, Франции и США, грубо поправленные советским правительством. Росчерк пера Ленина имел результатом серьезные материальные и людские потери с обеих сторон. А советское руководство уверилось в том, что экономические проблемы можно решить на поле боя. После вывода отрядов западных войск с территории России декретом от 10 сентября 1920 г. дело об аннулировании долгов было объявлено законченным.

Но хозяйственная реальность декретам не подчинялась даже в те времена. Средств для восстановления экономики внутри страны практически не было. Приходилось идти на поклон к обманутым кредиторам. Наркоминдел в своей ноте от 28 октября 1921 г. вынужден был заявить: "Российское правительство готово признать обязательства перед другими государствами и гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 г., при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих ему практическую возможность выполнения этих обязательств". Правда, о военных долгах, долгах Временного правительства и о национализированном имуществе в ноте не упоминалось.

Но ставить кредиторам условия было не нужно. Им и так было ясно, что Россия нуждается в помощи для того, чтобы получить возможность выполнить прежние обязательства. Однако дело было не только в возврате долгов. Куда пойдет страна дальше – не знали даже в самой России, а тем более на Западе. Деловые круги Запада по старой памяти продолжали относиться к России как к крупному потенциальному партнеру в мировом хозяйстве. На конференции в Генуе, куда было приглашено советское руководство, намечалось предложить России нечто вроде того, что позднее, после Второй мировой войны, было предложено в виде "плана Маршалла". Аналогия с тем, что произошло через четверть века, представляется вполне уместной. Рядом с разоренной и побежденной Германией – лежала разоренная и побежденная Германия, раздираемая политическими бурями, голодом, безработицей, инфляцией в миллионы про-

центов. Победители были полны решимости взять с Германии все долги и репарации. После приостановки репарационных платежей французские и бельгийские войска оккупировали Рур и взяли под контроль шахты и заводы Саарской области. Однако главным инструментом взимания долгов, послужившим одновременно и восстановлению германской экономики, стали не войска, а система мер по оказанию помощи поверженному врагу, предшественники плана Маршалла – планы Дауэса и Юнга.

Однако вместо делового обсуждения предложений Запада советская делегация на Генуэзской конференции пошла на obstruction. Западным кредиторам был предъявлен, по выражению Маяковского, "трехверстный счетик" – список контрпретензий о "возмещении Советскому государству убытков, причиненных иностранной интервенцией и блокадой", которые оценивались в сумму 39 млрд. руб. При этом сумма военных и довоенных долгов (без стоимости национализированного имущества) оценивалась в 18,5 млрд. руб. С учетом примерно двух миллиардов рублей, вложенных иностранцами в национализированное имущество, можно полагать, что общая сумма обязательств советского хозяйства перед внешним миром превышала 20 млрд. руб. Эта оценка минимальна: точные цифры установить уже невозможно. По золотому паритету того времени эта сумма составляла около 11 млрд. долларов. Основываясь на этой сумме, видный специалист по советским делам Дж. Кеннан подсчитал, что к концу 60-х гг. в результате девальваций доллара и с учетом сложного процента советский долг составил бы уже примерно 60 млрд. долларов.

В течение десяти с лишним лет после окончания гражданской войны вопрос о долге вставал вновь и вновь при каждом обращении Советского Союза за иностранной помощью. А таких обращений было немало. В бюджете первой пятилетки доля иностранных кредитов доходила временами до 13%, второй пятилетки – до 6%. Иногда французским мелким вкладчикам чуть ли не с черного хода советского посольства на улице Гренель в Париже выплачивались мелкие суммы. Однако с уровня международной экономической морали проблема долгов была низведена до уровня откровенного политического расчета, так как хозяйственным назвать его нельзя: в конечном итоге утрата доверия со стороны партнеров в международных экономических

связях обходится себе дороже. С подкупающей откровенностью изложил официальную советскую позицию по вопросу о долгах И. Сталин на XV съезде партии в 1927 г.: "Камнем преткновения (в деле сосуществования двух систем. – *Ред.*) является иногда вопрос о долгах и кредитах. Наша политика тут ясна. Она базируется на формуле: "даешь – даю". Даешь кредиты для оплодотворения нашей промышленности – получаешь известную долю довоенных долгов, которую рассматриваем мы как добавочные проценты на кредиты. Не даешь – не получаешь".

Если оставить в стороне перспективный экономический подход и рассматривать аннулирование долгов как простую операцию по "отъему денег", то ее можно считать удавшейся. Основной кредитор, Франция, по решению правительства Народного фронта в 1936 г. списала с актива национального финансового баланса остаток русского долга в сумме 8,5 млрд. золотых франков. Отступило и американское правительство. Потеряли надежду частные держатели ценных бумаг. Лишь упорные британцы держали в финансовых архивах нужные документы. И теперь немногие из них будут вознаграждены.

Нелишне отметить, что такая же операция была повторена при попытках западных стран получить компенсацию за помощь, оказанную в рамках ленд-лиза в ходе Второй мировой войны. И здесь ничего не было возвращено. Недавний жест Э. Шеварднадзе заставляет вспомнить приведенную выше формулу Сталина. В области политики сделан реверанс в сторону Великобритании, отношения которой с Советским Союзом последние несколько лет остаются весьма прохладными. Есть надежда, что деловые круги воспримут это как сигнал, что с Советским Союзом можно вести дела. "Свежие" советские долги странам Запада достигли 10–11 млрд. долларов. А отдавать их все труднее: цены на нефть, экспорт которой дает две трети советских поступлений твердой валюты, продолжают падать. Удешевление одного барреля нефти на каждый доллар приносит СССР убытки в полмиллиарда долларов. Впервые за много лет в торговле СССР с Великобританией наметился пассив. В финансовых кругах ожидают, что СССР вскоре запросит срочных кредитов, в том числе 300 млн. долларов – у банков Общего рынка, влиятельным членом которого является Великобритания.

Сталинская мудрость продолжает работать. ●

Марк ДЕЙЧ (Москва)

СЛОВО И ДЕЛО

Размышления над размышлениями газеты "Известия"

Отшумели предсъездовские вахты, митинги, субботники и прочие проявления народного энтузиазма. Отошел и съезд; поаплодировав положенное время, разъехались делегаты, и все потекло как прежде, но уже "под знаком XXVII съезда". Спустя пять лет непременно состоится XXVIII эпохальный доклад, и мы заживем, сообразуясь с ним. Как и нынешний, и как каждый из предыдущих, он все осветит, подведет все итоги и наметит новые грандиозные планы, которые непременно будут перевыполнены по всем показателям, потому как... Ну, словом, теперь уже всем ясно, почему, как и за счет чего они будут перевыполнены.

И все-таки каждые пять лет мы надеемся. Надеемся на сдвиги, перемены и улучшения. Казалось бы, весь предыдущий опыт должен был доказать нам всем тщетность этих надежд. Но вот звучит очередное *слово*, и наше сознание готово немедленно предоставить ему статус *дела*. Эта трансформация происходит в нас как бы сама по себе (на самом деле, она подготовлена массивной пропагандой, особенно действенной из-за отсутствия альтернативы), и мы даже не замечаем, что *слово* давно и окончательно заменило *дело*. А если и замечаем, то не возмущаемся: привыкли.

Но вот что-то такое забрезжило. Существенных перемен, правда, пока не видно, но разговорами о них полна вся отечественная пресса. И сажать начали. Пока в основном работников ущербной нашей торговли. Так это только пока.

А ведь все уже было. И не так уж давно: вспомните, какие перемены сулил нам незабвенный Никита Сергеевич...

Но памяти у нас нет. Отшибло память. Какой там Хрущев? Уже и Брежнева забывать стали. "Ошибки прежнего руководства", — говорят. Безымянно.

Но вот порядковый номер очередного съезда — это помним. Да и как забудешь? Вот газета "Известия" — так та вдогонку съезду поспешила разъяснить нам его решения, так сказать, своими словами. XXVII съезд КПСС и о том, и о сем, и о пятом, и о десятом. И о пятнадцатом: ибо было их ровно пятнадцать — передовых известинских статей, и каждый из пятнадцати заголовков начинался словами: "XXVII съезд КПСС о...". И хотя газета ограничилась конечным числом обсуждавшихся на съезде проблем, у читателей — моих сограждан — создавалось впечатление громадьи и всеохватности: ежели съезд чего не успел обсудить по нехватке времени, так разве что вопросы сексуальной жизни в других галактиках.

Со времени последнего "исторического события" (таковым является у нас каждый очередной съезд; мы ведь только и живем, что "от съезда к съезду") минуло несколько месяцев. И хотя программа объявлена нам надолго, — аж до конца двухтысячного года, — давайте оглянемся уже сейчас, посмотрим, что же и как меняется вокруг нас. И сравним наши впечатления с тем, о чем писала газета "Известия" вслед съезду.

1. БЕГ НА МЕСТЕ

(“XXVII съезд КПСС об ускорении социально-экономического развития”)

Ежедневно – во всех газетах. Многочасовые программы по радио. Помимо специальных передач, самая массовая (по числу зрителей) телепрограмма “Время” дважды в день, утром и вечером, начинается словами, размноженными на миллионах телеэкранов: “Стратегия – ускорение”. Ну, а потом – о выполнении и перевыполнении планов, качестве продукции, трудовом героизме... Все это приправлено некоторой толикой новых слов, видоизменяющей пропагандистскую оболочку. Но суть – старая. “Равняйтесь на Стаханова!”, “Пятилетку – в четыре года!”, “Догоним и перегоним!”, “Качество – залог успеха!”...

Допускаю, впрочем, что я не прав и новая стратегия многое сулит нам. Чего мы должны от нее ждать – это и взялась объяснить нам газета “Известия”.

“...Речь идет... о комплексной, всеобъемлющей программе социально-экономических преобразований, рассчитанной на длительную перспективу”.

“Имя этому курсу дало слово, звучащее сегодня как символ, призыв, как философское понятие, – *ускорение*”.

Ну, вот это нам как раз понятно: ежели после красивых слов, прозвучавших со съезда, и появилась у кого надежда хоть немного пожить по-человечески, так напрасно. Потому как – перспективы дальние, длительные, “не мы, так потомки наши”... (Обратите внимание, какой скепсис порождает в нас в общем-то правильные слова о лучшей жизни для наших детей и внуков. И все из-за девальвированных посулов – такого, к примеру, типа: “Партия торжественно заявляет: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!”).

А с “философским понятием” и совсем ясно: нечто отвлеченное, умозрительное. И с символами мы давно знакомы, а в “Гастроном” зайдешь – так и вовсе: сплошная символика. И с призывами у нас полный порядок. Избыток даже.

Свои размышления над понятием ускорения газета “Известия” начинает так: “В чем его смысл? Знаменательно, что Политический доклад ЦК XXVII съезду партии предостерегает от упрощенного толкования этого понятия”.

А мы-то... Уж если ускорение, небось подумалось, так, может, и на наш век чего-нибудь достанется? А это, оказывается, – упрощение.

“Ведь если следовать поверхностным представлениям, – продолжает “Известия”, – можно сделать и такой вывод: дескать, ускорять – значит все делать быстрее. Так ли это? Разумно ли, скажем, быстрее наращивать выпуск товаров, которые не пользуются спросом?”... И так далее.

Тут, конечно, огородная бузина, которую выращивает киевский дядька. Но если уж газета прибегает к подобным разъяснениям, хорошо бы ей задаться вопросом: зачем вообще нужно выпускать товары, не пользующиеся спросом? Но такой вопрос, вероятно, оказался для работников нашей партийной печати чрезмерно сложным, и потому он отсутствует. Но продолжим.

“Ускорение – это достижение новых темпов общественного прогресса. Это, как отмечалось в Политическом докладе ЦК съезду, “ключ ко всем нашим проблемам: ближайшим и перспективным, экономическим и социальным, политическим и идеологическим, внутренним и внешним”.

Приведенную из доклада цитату газета далее не комментирует. А зря. Ибо у читателя возникает множество недоуменных вопросов.

Оставим на совести ретивого референта, готовившего Политический доклад, утверждение, будто можно найти ключ ко *всем* проблемам. И уж тем более – ко *всем нашим* проблемам. Но допустим, что с краугольной помощью вышестоящие товарищи сумели-

таки отыскать такой ключ. Тогда, вероятно, время для решения хотя бы наших "ближайших" проблем уже наступило?..

Время надежд, — подумал я, когда совсем недавно, в середине мая, в доме, где я живу, отключили горячую воду. Этот катаклизм случается у нас в столице ежегодно: в летнее время на месяц, два, а то и на три мы остаемся без горячей воды по случаю "подготовки к зимнему сезону". Каковая подготовка не мешает, впрочем, повторению этих катаклизмов в свободное от нее время. Я вот думаю: а как обстоят дела в тех домах, где проживают ведущие нас к окончательному торжеству вышестоящие товарищи? Но ответа на этот вопрос нет, поскольку нет доступа в те дома.

В нашем же доме на сей раз все говорило о больших переменах. Отпечатанное на машинке (а не коряво написанное от руки, как обычно) объявление с извинением и даже прискорбием извещало о том, что с такого-то по такое-то в связи с тем-то и тем-то у нас не будет горячей воды. И всего — на каких-нибудь три недели! (Привычное объявление: "С такого-то числа не будет горячей воды". И все.)

Мое сердце, жаждущее перемен, возликовало. Наконец-то: строго, по-деловому, цивилизованно! И даже то обстоятельство, что отключили воду за два дня до срока — и уже без всякого объявления — меня не охладило. Так ведь *ускорение!* — вот почему раньше. Зато и включают, небось, раньше, чем обещали!..

Воду, однако, включили на неделю позже. Ускорение пока что действует лишь в одну сторону — от нас. А чтобы к нам — так это, вероятно, относится к проблемам "перспективным".

Впрочем, хрен с ней, с водой. В конце концов, перебьемся: привыкли уже. А как быть с другими проблемами — цитированными, но не разъясненными "Известиями"? Что это значит: ускорение — ключ к идеологическим проблемам? Начнут ускоренно сажать всех несогласных с "генеральной линией"? А — к внешним? Ускоренный вывод советских войск из Афганистана? Или — ускорение советизации этой страны с помощью наших доблестных вооруженных сил?

Правда, одной из перечисленных проблем газета все-таки уделяет немного места. А именно — экономической. Оказывается, ускорение в этой области будет осуществляться "путем всемерной интенсификации производства, принцип которой — больше производить, меньше затрачивать".

Слов нет, хороший принцип. Умалчивают только "Известия" о том, что для его осуществления необходимы огромные затраты: в производство, которое при малых затратах будет много давать, сначала нужно много вложить. В нашем же случае, когда оно будет перекраиваться из уже имеющегося, старого, сумма вложений и вовсе не поддается исчислению. А если к тому же на следующем съезде или другом отчетно-перевыборном форуме будет *гласно* объявлено, что не так уж хорош этот принцип, да и вся стратегия — не такая она стратегическая, — как тогда? Мы ведь от подобных переворотов не застрахованы.

Вероятность такого поворота не упускал из виду и автор известинской статьи. Не случайно чуть ниже он предлагает следующий способ осуществления новой стратегии в начальный ее период: "Ускорение уже начато, уже идет, и темпы его, особенно на начальном этапе, будут тем выше, чем лучше будут мобилизоваться все наши резервы, и прежде всего те из них, что не требуют крупных затрат, но дают быстрый и ощутимый эффект".

Если и можно вести речь о мобилизации резервов, то не иначе, как о тотальной. Ибо в стране — острая нехватка рабочей силы, отсутствие современной техники и технологии, невероятное оскудение сельского хозяйства, еще недавно составлявшего основу могущества российского государства. Значит, резервы, дающие "быстрый и ощутимый эффект", все те же: наши недра. Впрочем, и тут: что к концу подошло, а что с нашей техни-

кой не так-то просто достать. Но пока, на "начальный этап", хватит, пока можно и на месте бег ускорить. А там, глядишь, какая-нибудь другая стратегия подоспеет.

Признавая экономику "основной нашего развития" и понимая, что принцип "больше производить, меньше затрачивая" еще долго (если не всегда) будет для нас абстрактным, — на какой же основе газета "Известия" полагает возможным столь желанное ускорение? А вот на какой: "...Съезд партии четко определил экономические рычаги ускорения, поставив задачу, с одной стороны, повысить действенность централизованного руководства экономикой и, с другой, решительно раздвинуть границы самостоятельности объединений и предприятий, поднять их ответственность за достижение наилучших конечных результатов".

Продравшись сквозь казенное многословие, обнаружим простую и не такую уж новую мысль. Дескать, самостоятельности мы вам, конечно, подкинем, но ежели у кого результаты будут не наилучшими, так имейте в виду: дубинка-то — вот она, в крепких руках нашего любимого руководства, еще больше, чем раньше, централизованного и бдящего. Или, если совсем просто: демократия (в экономике или в чем другом) может существовать лишь в поле зрения недремлющего ока диктатуры и лишь для того, чтобы ее, диктатуру, укреплять.

И, наконец, человеческий фактор. Без него газете обойтись никак нельзя. И хотя в этой статье сериала о нем говорится вскользь, но зато многообещающе.

"Намеченная перестройка социалистического хозяйственного механизма затрагивает всех, никто не должен — да и не сможет — оставаться в стороне от нее, только настойчивая, наполненная новым содержанием работа всех и каждого обеспечит ее успех".

Так что отвертеться от участия в ускорении не удастся: слишком явная угроза в наш адрес, друзья сограждане, содержится в незаметном добавлении "да и не сможет". Здесь же и подстраховка, попытка заранее свалить на нас вину на случай возможного провала стратегии: не вышло? так не все настойчиво работали, не каждый был полон новым содержанием...

А ведь есть на тот же случай старинная мудрость: *поспевай медленно*.

2. ГРАНИЦЫ ДОЗВОЛЕННОСТИ ("XXVII съезд о гласности")

Первую цитату из этой статьи, которая, кстати, занимает отнюдь не главное место в известинской серии, посвященной съезду, лучше всего позаимствовать из заключительного абзаца: "Массы должны знать все, иметь полную возможность сознательно судить обо всем".

Неужто! — подумалось в смятении. — Неужто так-таки *все*? И о революции 17-го, о ЧК—ГПУ, о Гражданской войне, раскулачивании, голоде на Украине, о массовых репрессиях 30-х годов, о депортации малых народов, о пакте Молотова-Риббентропа и его последствиях, о советско-финской войне...

Нет, сразу всего нам, конечно, не переварить. Так что торопиться не будем.

Но, может быть, — хоть что-нибудь, для начала?

Долго ждать не пришлось. Только-только прошел торжественный завтрак со съездом — случилась Чернобыльская катастрофа.

Я далек от того, чтобы усматривать в этом символ или дурное предзнаменование. Беда — она беда и есть. Тут не до символики и предсказаний, тут надо действовать — быстро и решительно. И — гласно.

Однако не вышло. На первой же серьезной проверке (упаси нас Бог от них!) программа сбила. Вот самый последний пример. 17 июня в помещении больницы им. Боткина состоялось заседание Московского городского общества врачей-анестезиологов.

Среди научных докладов — сообщение анестезиолога известной ныне всему миру 6-й московской больницы. Вопросы к докладчику касались, в основном, медицинских проблем, но и общих вопросов, так сказать, "не по теме" избежать не удалось. Так, один из присутствующих спросил: "Сколько же все-таки на сегодняшний день (т. е. 17 июня) погибло человек в результате аварии?" Не дав даже рта открыть тому, к кому, собственно, и был обращен вопрос, вмешался председательствующий — главный анестезиолог Москвы профессор Н. Е. Буров, человек приближенный и потому информированный. "Результаты обобщаются", — тоном, пресекающим дальнейшие расспросы, ответил он.

Какие результаты? Конечные? Так их еще долго ждать. А — обобщения? Что тут обобщать?..

С самого начала Чернобыльская история подается нам — да и всему миру — с большим опозданием, неполно, а то и с откровенными искажениями. Любопытно, что на пресс-конференциях в Москве иностранные специалисты, приглашенные в помощь для ликвидации последствий катастрофы, почти всякий раз, отвечая на вопросы журналистов, начинали со слов: "По сведениям, которые мы получили от советских руководителей..." И никто из сидевших в переполненном зале дотошных западных корреспондентов не обратил внимания на эту оговорку. А ведь она говорит о многом. И прежде всего — о том, что иностранные специалисты сами мало что видели. Конечно, признаваться в этом впрямую им было как-то неловко. Но и заботу о нашей гласности они на себя не взяли, хоть краешком, да намекнули на то, как следует понимать ее в наших условиях.

После катастрофы нас несколько дней держали в полном неведении. Вероятно, держали бы и до сих пор, окажись она губительной только для нас. Но мир встревожился не на шутку, и сохранять тайну далее оказалось невозможным.

Еще дольше ждали мы обращение к нам М. С. Горбачева по поводу случившегося. На следующий день после его выступления по телевидению мне довелось услышать два обмена мнениями. Первый: "Обратил внимание, как он волновался? Побелел весь..." И второй: "Видно, переживает очень, совсем почернел..."

Дело, конечно, не в полярности цветовых ощущений, которая свидетельствует лишь о соответствующем качестве отечественных телевизоров. Горбачев и волновался, и переживал, это было хорошо видно. Но вот из-за чего? Из-за погибших? Вполне вероятно, хотя ручаться я бы не стал. Не исключено, что причина тревоги Генерального секретаря была иной: такая катастрофа, да еще случившаяся сразу после восхождения на вершину пирамиды, — пренеприятная штука. Не закрепилось бы в потемках: "Это какой же Горбачев? При котором произошла авария на Чернобыльской атомной?.."

А вообще выступление Горбачева мне понравилось. Вполне достойное выступление, вполне человеческое. Правда, вторая его часть похуже: обиделся Михаил Сергеевич на западные газеты и журналы за то, что посмели они писать о катастрофе несколько иначе, чем советские. Так ведь обижаться-то на себя нужно. Ведь и в выступлении по телевидению информации содержалось на удивление мало. Мне кажется, о причинах этого прозрачно говорится в цитируемой статье "Известий": "Коммунистам всегда и при всех обстоятельствах нужна правда". И ведь прямо в лоб, не тая, *гласно*: коммунистам — нужна, а все прочее — обойдутся.

Такое деление на достойных и недостойных правды обесценивает всю кампанию. Но если и не содержалось бы в "Известиях" столь откровенного признания, ясно и так: утаивание причин и последствий происшедшего в Чернобыле продолжается. Вот, к примеру, официальные сведения о людях, получивших опасную для жизни дозу радиации. Вроде бы с нами ведется откровенный разговор: столько-то из них уже умерло, летальные исходы возможны и в дальнейшем, хотя медицина делает все, что в человеческих силах... Общее же число не такое уж значительное, и мы постепенно успокоились. Успокоились настолько, что никому и в голову не пришло задать хотя бы несколько вопросов.

Судя по официальным данным, эвакуация населения из районов, непосредственно прилегающих к АЭС, началась спустя 36 часов после катастрофы. Не имея другой, готов принять эту цифру, хотя все мы по опыту знаем: в подобных случаях ее нужно увеличить вдвое, а то и втрое. Но пусть так. И 36 часов — очень большой (*преступно* большой) срок, если они — первые (когда опасность для жизни и здоровья людей максимальная), если население не оповещено и мер не предпринимается вообще никаких. Но вот что самое поразительное: среди тех, кто в эти первые часы подвергся наиболее сильному облучению, детей — не оказалось! Ни на пресс-конференциях, ни в бодрых сообщениях телевидения и газет о детях не упоминалось вовсе. И никому это не показалось странным. А ведь и в Чернобыле, и в Припяти — какими бы маленькими эти городки ни были — наверняка есть хотя бы по одному родильному дому. Защищенные менее других, новорожденные получили страшный, 36-часовой лучевой удар. Удалось ли выходить хоть кого-нибудь из них? А — из других детей, чуть старше, но чей организм все еще не способен к обороне?

Но может быть, дети вообще не пострадали в этой катастрофе? Тогда чем объяснить тот факт, что в Киеве, находившемся значительно дальше от эпицентра, чем Припять и Чернобыль, вскоре после аварии прошла кампания "принудительных абортов" (врачи женских консультаций, по указанию "свыше", под разными предлогами настоятельно советовали прервать беременность)?

Но ответы на эти и многие другие вопросы нашей гласностью не предусмотрены. Вместо них — бодрые газетные и телерепортажи "из района Чернобыльской АЭС". Опасности там давно уже нет, — утверждает в них, — а если и есть немного, так ведь — работа для настоящих мужчин! (Это — о тех, кто "ликвидирует последствия аварии") Вот в группе таких мужчин — телереporter с микрофоном. Он обращается к молодому человеку с бессмысленной, несколько дебильной улыбкой: "Вы откуда приехали?" — "С "Кольской АЭС", — отвечает тот. "И кем вы там работаете?" — продолжает допытываться репортёр? "Я — специалист по захоронению". Интонационно тут стоит явно точка, но в этот момент (на экране телевизора прекрасно видно) кто-то с силой толкает в бок "настоящего мужчину". И тот, даже на миг не изменившись в лице и не переставая улыбаться, заканчивает: "...по захоронению радиоактивных отходов".

Смешная, но и многозначительная оговорка.

Короче говоря, с гласностью у нас постепенно прорисовывается. Правда, есть у нее и другой аспект: публичное поношение виновных и отмежевание от них партии, для которой они — "окопавшиеся", "пробравшиеся в ряды", в крайнем случае — "не оправдавшие доверия". Удары по "отдельным" исполнителям, массивно осуществляемые в последнее время, оказываются для нас вполне достаточными. А главное — тем самым из-под удара выводится *идея*.

Но и по отношению к исполнителям гласность, оказывается, возможна лишь в определенных границах и весьма избирательно. На Пленуме ЦК, состоявшемся после Чернобыльской катастрофы, смещение Щербицкого казалось вполне логичным. Действительно: кто, как не он, непосредственно виновен во многих последствиях происшедшего? И прежде всего — в преступной задержке с оповещением населения о случившемся. А ведь на майские праздники многие киевляне, ничего не подозревая, целыми семьями отправились "на природу", и как раз — в сторону Припяти: уж больно красивые там места. И никто их не остановил!

Еще большее преступление — приказ Щербицкого о проведении первомайской демонстрации в Киеве. При том, что людская скученность в местах радиоактивного заражения представляет собой страшную опасность. А заражение — было, кампания "принудительных абортов" тому подтверждение.

А преступно запоздалая эвакуация населения? И столь же преступная ее организация: ни шоферы киевских автобусов, ни те киевляне, кто, повинувшись высочайшему

приказу, поспешили в Чернобыль и Припять, — *никто ничего не знал!* И уж конечно — никаких мер предосторожности и защиты.

А Щербицкий по-прежнему на том же посту — всеукраинского "вдохновителя и организатора". Между прочим, свою семью, как говорят, он отправил в Москву через день или два после Чернобыльской катастрофы. Конечно, термин "говорят" не слишком точен. Так ведь нету у меня возможности уточнить *такую* информацию. У кого спросишь об этом? Или о том, что уже *после 27-го* апреля поврежденный взрывом реактор (опять же — "как говорят") еще *трижды* выбрасывал в атмосферу продукты радиоактивного распада?

Не у кого спросить. И остаемся мы наедине с гласностью, которую нам посулили.

Разговор о ее границах не случаен: мало кто всерьез надеялся на полную откровенность с нами щербицких и прочих сусловых. Тем не менее газета "Известия" продолжает на том настаивать и в подтверждение приводит цитату из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии: "...Ускорение развития общества немыслимо и невозможно без дальнейшего развития социалистической демократии, всех ее сторон и проявлений". А двигатель этого развития — как раз та самая гласность и есть.

Сам доклад, однако, гораздо убедительнее известинских к нему комментариев. О развитии социалистической демократии говорится в той его части, которая озаглавлена: "Дальнейшая демократизация общества, углубление социалистического самоуправления народа". После призыва к гласности, требования соблюдать демократические принципы правосудия, равенства граждан перед законом и всего прочего, столь же красивого, — все в той же главе "Дальнейшая демократизация...", вдруг, безо всякой связи с предыдущим, следует абзац, начинающийся словами: "В условиях наращивания подрывной деятельности спецслужб империализма против Советского Союза и других социалистических стран значительно возрастает ответственность, лежащая на *органах государственной безопасности*". А в конце абзаца, как водится — "продолжительные аплодисменты".

Вот и ответ на все вопросы. Ответ-предупреждение. Дескать, гласность — оно конечно. Но в меру. А меру будут определять и контролировать те, кому и надлежит: *органы*.

Июнь 1986 г., Москва

ИЗ ГАЗЕТ: 40 ЛЕТ НАЗАД

ОДНАЖДЫ УЖЕ ПЕРЕСТРАИВАЛИСЬ

Товарищ Сталин начертил великую программу работ. Реализация сталинской программы нового великого подъема нашей страны потребовала решительной перестройки деятельности всех партийных и советских организаций. Особое значение приобрела проблема кадров, их подбора, подготовки и распределения. В этом теперь — главное. Реальность нашей программы — это живые люди, их воля к труду, их готовность работать по-новому, их решимость выполнить план. Теперь, как никогда, кадры решают все!

"Известия", 11 августа 1946 г.

М Е Н Ю

*Масло сливочное, икра зернистая
Крабы, лангусты, креветки
Помидоры, фаршированные лососиной и крабами
Севрюга заливная, рулет из судака
Лососина, нельма, севрюга в слойке
Эклеры с семгой и муссом из дичи
Салат в тарталетках с фруктами,
овощами, лимонами
Фромаж из дичи в апельсине
Рулет из поросенка с черносливом
Галантин из индейки с фруктами
Рожок и валован с ветчинным муссом
Окорок на хлебной соломке,
оливки фаршированные
Сыр ассорти с фруктами
Пончики, ромашки, ромбики с сыром
Яблоки и кайса с курагой, изюмом, айвой*

*Цыплята в кокоте с белыми грибами
Креветки и судак в кляре
Сливки, взбитые с брусникой и шоколадом
Кофе, чай*

*Пирожное, корзиночки с желе
Пирог «Праздничный»
Конфеты в ассортименте
Ананасы, фрукты*

*Москва. Кремль
6 марта 1986 года.*

Факсимильное воспроизведение оригинала. Эмблема, помещенная справа вверху, в оригинале воспроизведена тиснением на белой глянцевой картонной обложке документа. Бывший в употреблении подлинник с жирными пятнами на обложке хранится в редакции.

СПОР О ПОЛЬШЕ

Прошло шесть лет с тех пор, как на верфях польского Побережья родилась "Солидарность". С одной стороны, это событие было уникальным в истории "стран социализма". С другой стороны, почти сразу стало ясным, что возникновение этого общественного движения имеет далеко не только внутripольское значение. Дальнейшие события это подтвердили. К опыту "Солидарности", к оценке ее побед и поражений еще на раз будут обращаться общественные деятели "социалистических" стран, пытающиеся найти выход из тупика, в который завела их страны тоталитарная система.

Сейчас можно уже сказать, что период бурных и труднопредсказуемых событий позади. Положение в Польше, конечно, не нормализовалось, — трудно назвать сейчас жизнь в этой стране нормальной, — но стабилизировалась. Сейчас легче, чем в разгар схватки, остановиться, подумать, сделать выводы из того, что достигнуто, и из того, что потеряно.

В польской оппозиции — как внутри страны, так и в эмиграции — на эту тему идут бурные споры. В оппозиции есть уже и свои "ортодоксы", и свои "еретики". Проф. А.Валицкий известен своими неортодоксальными оценками современного положения в Польше и уроков "Солидарности". Его статьи неоднократно вызвали оживленное обсуждение на страницах оппозиционной печати. Большинство критиков не согласно с А.Валицким. Авторы-эмигранты настроены резко против его концепций, критики внутри страны склонны в ряде пунктов признать его правоту.

Нам представляется, что эта дискуссия интересна не только для польского, но и для советского читателя. У Советского Союза еще нет опыта, подобного опыту "Солидарности", но целый ряд вопросов, поднятых в ходе дискуссии, жизненно важен и для нас. Хотелось бы, чтобы подобный спор завязался и вокруг проблем настоящего и будущего нашей страны. Польские коллеги дают нам прекрасный образец политической дискуссии — заинтересованной в сути вопроса, глубокой, без перехода на личности.

Мы помещаем последнюю, недавно законченную статью А.Валицкого. Критика концепции А.Валицкого представлена высказываниями восьми видных польских общественных деятелей, опубликованными ранее издающимся в Лондоне журналом "Aneks". Четверо авторов живут в Польше, четверо находятся в эмиграции. Все материалы публикуются в сокращении.

Анджей ВАЛИЦКИЙ (Канберра)

ПОЛЬСКИЕ ПАРАДОКСЫ

На Западе многие рассматривают режим Ярузельского в Польше как особо репрессивный и тоталитарный. С этой точки зрения главной проблемой современной Польши является отсутствие свободы и постоянные нарушения прав человека коммунистическими правителями государства. Среди радикальной оппозиции в польской эмигрантской печати преобладает именно такая точка зрения. В действительности, однако, лишь молодежь внутри страны разделяет такое мнение вполне искренне. Старшее же поколение, пережившее сталинизм, не согласится с тем, что режим Ярузельского в этом отношении хуже всех предыдущих. С точки зрения свободы и плюрализма правительство Ярузельского более терпимо, гибко и утонченно, нежели "либеральный" режим Герека, не говоря уже о сталинисте Беруте. Некоторые бывшие советники "Солидарности" (А.Малаховский, адвокат Сила-Новицкий и др.) имели мужество признать это публично. По их мнению, — это положительный результат деятельности "Солидарности". В конце концов каждая реставрация что-то усваивает от предшествовавшей ей революции.

Трудно отрицать, что подавляющее большинство мыслящих поляков ощущают с особой остротой оказываемое на них давление. Это чувство вызвано глубоким разочарованием, которое породил военный переворот, быстро растущим разрывом между политической реальностью и национальными устремлениями. Было бы, однако, совершенно неправильным объяснять такое состояние умов реакцией на внезапное возрождение сильной и безжалостной тоталитарной диктатуры. На самом деле польский режим

не является больше тоталитарным; в какой-то степени он не является и подлинно коммунистическим. Ален Турен, редактор сборника статей о "Солидарности", вышедшего в 1982 г. в Париже, пишет: "В коммунистической Центральной Европе тоталитаризм ныне умирает... Коммунистический режим больше не претендует на то, чтобы говорить от имени общества и истории: его единственная опора — сила. Он лишился законных основ для тоталитарных амбиций... Польша ныне живет под абсолютистским правлением, но власть эта скорее контрреволюционная, чем тоталитарная по характеру. Она более похожа на режимы Франко и Пиночета, чем Гитлера и Сталина".

Такая точка зрения тоже нуждается в коррективах. По репрессивности правительство Ярузельского нельзя сравнить с чилийским — скорее это умеренная, сдерживающая самое себя контрреволюция. Да и от абсолютистской эта власть далека: кнут у нее коротковат, а пряник — маловат. В противоположность тоталитарным режимам эта власть не ставит себе целью контроль над мыслями, полагая это нереальным и способствующим недовольству. Сами правители открыто признают, что они представляют меньшинство, и желают лишь, чтобы их воспринимали как печальную необходимость, как меньшее зло. Идеологи власти не претендуют даже на то, чтобы представлять волю нации: их претензии — защита "объективных национальных интересов", отличных от воли нации. Однако такая идейная скромность в сочетании с грубой силой создает ситуацию, морально невыносимую для большинства мыслящих поляков: они не желают, чтобы с ними обходились как с детьми, не знаящими своих подлинных интересов, они чувствуют себя глубоко униженными столь наглым отчуждением права на самоопределение.

Главная проблема современной Польши состоит в сочетании глубокого кризиса законности власти и беспрецедентного кризиса экономической структуры. Оба кризиса взаимосвязаны: правительство не может добиться хотя бы минимального доверия общества без ощутимого улучшения экономического положения. С другой стороны, энергия народа не может быть мобилизована на преодоление хозяйственного кризиса, если правительству, которое в условиях "реального социализма" должно быть главным организатором экономики, глубоко не доверяют. Народ считает, что работать попросту не стоит, поскольку от людей ничего не зависит: даже если работаешь упорно, плоды твоего труда или пойдут не по назначению, или просто пропадут. Поэтому власти хотят добиться, чтобы их признали пусть хотя бы в роли меньшего зла. Отсюда и их двойственная тактика: с одной стороны, репрессивные меры, с другой — шаги к примирению.

Однако успех примирительной политики был бы ударом по оппозиции, так как ее авторитет обратно пропорционален авторитету правительства. Оппозиция знает, что для обеспечения своего существования она не может позволить правительству преуспеть. Правительство должно быть заинтересовано в "национальном примирении" — это для него единственный шанс обрести хоть какую-то законность в глазах общества. Но тут оно попадает в ловушку. С одной стороны, больше свободы — больше возможностей борьбы против него; с другой стороны, больше репрессий — больше возмущения правительством. Оппозиция хочет, чтобы Польша была разделена на Польшу официальную и подлинную, то есть на коммунистическое государство и антикоммунистическое общество, которое отказывается с ним сотрудничать. Власти выступают с идеей национального выживания. Оппозиция противопоставляет ей идею национального достоинства. Церковь пытается занять позицию посредника между ними, что навлекает на нее атаки с обеих сторон. В сатирическом стихотворении такая промежуточная позиция описывается формулой: "чтобы и овцы были сыты, и волки целы".

1. Марксисты более не ко двору

Возникновению "Солидарности" и ее подавлению в ходе военного переворота предшествовал длительный процесс деидеологизации правящей партии. Партия практически полностью оставила марксистскую идеологию или, во всяком случае, перестала относиться к ней серьезно. Марксизму как теоретической основе, узаконивающей власть коммунистов, пришли на смену попытки утвердить свою законность на национальной основе. Гомулка искренне верил в коммунизм, но даже он своим "националистическим

уклоном" способствовал деидеологизации. Он делал упор на чисто польские проблемы и выводил законность правления коммунистов в Польше не столько из марксистской доктрины, сколько из своего твердого убеждения, что польские коммунисты были спастелями страны как политического образования.

При Гереке марксизм был основательно разбавлен. Любую эклектику могли назвать марксизмом, если автор использовал цитаты из классиков и, что еще важнее, декларировал поддержку существующего строя. Внутри партии рьяная приверженность к идеологии, противопоставляемая прагматическому подходу к делам, стала подозрительной, ибо она могла привести к разочарованию и опасному диссидентству. В воспитании масс главный упор стал делаться на "конструктивный патриотизм" и национальную солидарность. Справедливости ради следует сказать: это способствовало тому, что партия стала несколько менее отчужденной от народа; на правящую элиту перестали смотреть как на инородное тело внутри нации. Заигрывания Герека с идеей национальной солидарности создали иллюзию, что поляки никогда не будут воевать друг с другом, что "между нами, поляками" можно обо всем договориться. Этим объясняются и первоначальные иллюзии относительно движения "Солидарности" и сравнительно быстрая, хотя не слишком последовательная их утрата. Движение, лишенное иллюзий, не было бы захвачено врасплох переворотом, и реакция его на переворот была бы иной. Если бы правящую элиту не рассматривали как часть народа, то бессмысленно было бы осуждать ее за защиту своей власти, а ее членов — за предательство национального дела.

В конце 70-х гг. и в период "Солидарности" любая идеология в Польше была так или иначе связана с национализмом. Мы были свидетелями необычайного национального возрождения в стране. Молодое поколение склонялось к романтическому национализму с его культом непреклонного героизма, подчас наивной верой в моральные принципы в политике и еще более наивной верой в международную солидарность. Люди постарше, помнящие уроки Варшавского восстания, когда у нас не осталось "ничего, кроме чести", были осторожнее и предпочитали "позитивистскую" разновидность национализма, то есть идеологию так называемой "органической работы" — труда на благо общества и экономики без стремления к политическим переменам. Партия представляла себя защитницей национальных интересов в рамках "политического реализма", основанного на геополитических соображениях. Фракция твердокаменных в партии, называвших себя левыми (другие рассматривали их как крайне правых), разыгрывала антисемитский вариант национализма. В движении "Солидарности" им соответствовали так называемые "истинные поляки", относившиеся с глубоким подозрением к интеллигентам, к бывшим марксистам, а также к лицам "не чисто польского" происхождения. К несчастью, их растущее влияние в радикальном крыле движения было прямо пропорционально исчезновению веры в добрую волю партии.

Военные правители Польши очень старались спасти свою репутацию польских патриотов, представляя свои действия как спасение страны от большего зла. Адам Михник, один из лидеров КОР, признал, что ликвидация "Солидарности" не входила в их первоначальные планы: они хотели лишь отсечь ее радикальное крыло, сохранив само объединение как символ непрерывности польского национального возрождения. Неофициальные или полуофициальные переговоры между правительством и активистами запрещенного движения велись через директора Института марксизма-ленинизма Ежи Вятра и Анджея Мицевского, члена группы советников по социально-экономическим вопросам при Примасе Польши кардинале Глемпе. Согласно источникам, близким к Ватикану, Л.Валенсе был предложен пост заместителя премьер-министра в обмен на выступление по телевидению с примирительным обращением к народу. Переговоры продолжались до лета 1982 г. Они потерпели неудачу, так как умеренные в "Солидарности" не хотели выглядеть предателями в отношении своих радикальных соратников и не желали ограничить свою деятельность аполитичным тред-юнионизмом.

Несмотря на неудачу попытки добиться эффективного политического компромисса, правительство по-прежнему старалось улучшить свой образ в глазах общества и пыталось защититься от обвинений, что военные правители — лишь московские марионетки. Оно приветствовало всех, кто хотел поддержать его, хотя бы частично и с оговорками, независимо от идеологических позиций. Наиболее интересные статьи, опубликованные при военном режиме, вошли в сборник под красноречивым заглавием "Принуждение и

убеждение". Попытки убеждения примечательны тем, что они ничего общего с марксизмом не имели. "Солидарность" представлена в сборнике как народное движение с сильными анархистскими тенденциями, польский национальный характер подвергается критике за пристрастие к анархистской свободе при недостаточной трудовой морали. Явно или неявно утверждается, что лидеры военного переворота были движимы правильным пониманием государственных интересов — не желанием защитить коммунизм, а стремлением воспрепятствовать полному распаду польского государства. Особенно откровенна статья консервативного неоллиберала Б.Лаговского, который ожидает, что правительство Ярузельского использует свою диктаторскую власть, чтобы провести радикальные экономические реформы и преобразовать централизованную экономику в эффективное рыночное хозяйство. Сходные ожидания прозвучали и в подпольном неоллиберальном журнале "13 декабря" (название — по дате установления военного режима в 1981 г.). Все польские неоллибералы считали правительство менее социалистическим, чем "Солидарность", менее приверженным к популистской идее равенства. Поэтому они полагали, что оно поймет преимущества рыночного механизма, который они считали совместимым с общественной собственностью на средства производства в промышленности. Одна из статей Б.Лаговского, первоначально опубликованная в ежесемейнике "Зданае" ("Мнение"), органе либерального крыла партии, была озаглавлена "Философия революции против философии государства". Она представляет собой прямую атаку на марксизм как философию революции, совершенно непригодную в качестве теоретической основы для здоровой экономики и сильного национального государства.

Неудивительно, что подлинные марксисты не ко двору при таком идеологическом климате. Один из них, А.Шаф, либеральный марксист с мировым именем, был недавно исключен из партии, несмотря на то, что он активно поддерживал военный режим. Другой марксистский философ, Я.Ладош, сказал, что при режиме Ярузельского марксисты превратились в небольшую изолированную группу, подвергающуюся преследованиям: работы их не принимают издательства и редакции журналов, они должны бороться за выживание, сознавая свою полную изоляцию от главного направления польской интеллектуальной жизни. В такой ситуации, говорит Я.Ладош, от партии нельзя ожидать, что она будет защищать марксизм; польским марксистам, однако, должно быть дозволено существовать. Чтобы дать им возможность утвердить свою марксистскую сущность, марксистские лозунги, такие, например, как "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", должны быть сняты с первых полос официальных и полуофициальных изданий — "Политика", "Жичевистосць", "Ту и тераз" и др. Все эти издания, хотя и выражают мнения различных групп внутри партии, являются откровенно немарксистскими, и им не следовало бы пытаться это скрывать.

Журналист Даниэль Пассент, ставший глашатаем идей окружения Ярузельского, высмеивая Ладоша на страницах "Политики", полностью соглашается с ним в том, что он, Ладош, остался единственным хранителем чистоты марксистской мысли.

Филиппики Ладоша поучительно сравнить с мнением, которое высказал писатель Тадеуш Голуй, горько жаловавшийся на трудности, испытываемые идейными левыми внутри ПОРП. В обзоре под заглавием "Где же левые?" ("Политика", 13 июля 1985 г.), он пишет, что такие люди встречают в партии мало понимания и симпатии: "Есть товарищи, которые открыто подавляют левые устремления своих коллег — хоть и не прямыми полицейскими методами, но весьма решительно. Они говорят: мы в партии по политическим и общественным соображениям, а не из-за идеологии".

Смысл этих жалоб ясен: партия перестала считать своей задачей достижение великих идеологических целей; вместо этого она предпочитает подчеркивать свою "ведущую роль", гарантированную ей польской конституцией. Марксистская идеология создает лишь ненужные препятствия для расширения ее социальной базы и политического влияния. Это скорее бремя, нежели козырная карта.

Итак, длительный процесс деидеологизации ПОРП при военном режиме завершился. Но завершился он, не дав желаемого результата: законность режима, основанная на доктрине, рухнула, но обосновать ее национальными соображениями не удалось. Правда, многие поляки убеждены, что правительство Ярузельского действительно является меньшим злом. В целом, однако, флирт партии с национализмом не только прошел мимо цели, но и рикошетом ударил по ней самой.

2. Повторяющаяся история

Одна из любопытных черт интеллектуального климата в сегодняшней Польше — это повальное увлечение историей страны. Как заметил недавно католический публицист М.Крот, чуть ли не каждый поляк читает книги по истории и чувствует себя компетентным высказываться о прошлом страны. Это ни в коем случае не бегство от настоящего. Скорее это результат общего ощущения, что история в Польше повторяется и что прошлое народа может дать ключ к пониманию его нынешних злоключений. Язык исторических аналогий всегда использовался в Польше, но никогда так широко, как сейчас. Любопытно, что использует его и партия. И оппозиция и партия наряжаются в исторические костюмы и пытаются играть роли, уже разыгрывавшиеся в польской истории, разумеется, интерпретируя эти роли по-своему. Часто это происходит по случаю различных годовщин. В польской периодической печати заметно особое увлечение исторической тематикой. Ее широко освещает католический еженедельник "Тыгодник повшехны". Он широко использует право, предоставленное прессе военным режимом, — демонстрировать вмешательство цензуры, воспроизводя на месте белых пятен те законы и инструкции, в соответствии с которыми этот кусок был выброшен цензурой. Чувствительность цензоров к историческим аналогиям доказывается частым появлением таких "замен" в исторических материалах еженедельника.

И в самом деле, история Польши двух предшествующих столетий — богатый источник для искателей аналогий. Хотя Польша и была в XVIII веке независимым государством, но поляки не могли свободно менять политическую систему страны, так как существовавшая система соответствовала интересам России, и та формально обеспечивала гарантии этой системе. Конституция 3 мая 1791 г. была смелой попыткой ввести перемены, которые сделали бы Польшу более сильной и независимой от соседей. Итог был печальным. Противники конституционных изменений внутри страны сформировали реакционную Тарговицкую конфедерацию, запросили помощи от России и спровоцировали войну, в которой реформисты потерпели поражение, и прежняя система была восстановлена. Вскоре, в 1795 г., польское государство исчезло с карты Европы.

Правда, польская анархия в XVIII веке была "отечественным" продуктом, тогда как "реальный социализм" навязан Польше извне. Но аналогии остаются в силе: явно негодная система, успешно парализующая энергию нации, со всей силой и решительностью поддерживается извне.

Оппозиция проводит параллель между Тарговицкой конфедерацией и нынешними военными правителями, обвиняя последних в национальном предательстве. Радикальная оппозиция добавляет к этому, что движение за реформы (т.е. "Солидарность") должно было вести себя решительнее, последовательнее и более по-революционному, чем реформисты прошлого. Но ту же аналогию можно использовать для доказательства того, что зависимость страны от России слишком велика, чтобы можно было позволить себе смелые преобразования. Согласно такой точке зрения, пример Польши XVIII в. показывает, что все попытки улучшить систему в Польше должны осуществляться с величайшей осторожностью. В противном случае само существование польского государства может оказаться под угрозой.

Польша эпохи разделов дает еще больше пищи для аналогий. Все согласны с тем, что движение "Солидарности" было, по существу, бескровной революцией. Нередко его сравнивают по историческому значению с польскими восстаниями XIX в. Хотя восстания были подавлены, они помогли сохранить национальные чаяния, национальную идею, проложив таким образом путь будущей польской независимости. Другая точка зрения, прямо или косвенно критикующая и "Солидарность", и тактику нынешней оппозиции, считает восстания самоубийственными актами, способствовавшими лишь крушению автономии Царства Польского (после восстания 1863 г. русская часть Польши, с 1815 г. обладавшая культурно-национальной автономией в составе Российской империи, была преобразована в Привислянский край, а затем разделена на губернии, управлявшиеся так же, как и другие губернии России. — *Прим. ред.*). Согласно этой точке зрения, было бы гораздо лучше, если бы поляки, подобно финнам в России и чехам в Австрии, посвятили свою энергию мирной "органической работе" и поддержали таких лидеров,

как Александр Велопольский, который много сделал для автономии Царства Польского, но усилия которого были сведены на нет романтическим восстанием 1863 г.

Безоговорочная защита идей восстания 1863 г. нашла отражение в дискуссии, отчет о которой был недавно опубликован в "Тыгоднике повсехнем". Все ее участники сошлись на том, что поражение — неотъемлемая часть польской судьбы, что физическое поражение означает моральную победу, а потому поражение — вполне достойная прославления национальная ценность. И с моральной, и с прагматической точек зрения нельзя предавать дела, потерпевшего поражение, чтобы в будущем примирение с угнетателями Польши стало невозможным. "Реальная политика" Велопольского была предательством, а сам он — главный предатель. Эта дискуссия транслировалась по польскому радио еще до военного переворота. Поражение "Солидарности" как бы ожидалось и заранее прославлялось как моральная победа, имеющая свои аналогии в польской истории.

Позиция правительства в такого рода дискуссиях сначала мне казалась очевидной и предсказуемой. На самом деле все обстояло сложнее: власти были готовы неявно принять такое сопоставление двух поражений — восстания 1863 г. и "Солидарности". Из этого они делали вывод: поляки должны пойти по пути предков — оставить романтические фантазии и воспринять идею "органической работы". Этим объясняется, почему новый официальный еженедельник бы назван "Пшегленд тыгодневы" ("Еженедельное обозрение") — так же, как и рупор так называемых варшавских позитивистов, которые после поражения восстания осудили его идеи и решили посвятить себя мирному созидательному труду.

Другой источник исторических аналогий — варшавское восстание 1944 г. Многие годы оно использовалось как мощный довод против "исторического романтизма". Ныне, однако, такое мнение разделяет лишь меньшинство. Преобладающие настроения выразил в "Тыгоднике повсехнем" Анджей Вайда. Он вспоминает о мечте своего умершего коллеги поставить фильм о восстании, фильм, который "показал бы, как мальчики из Армии Крайовой открыто вышли на улицы Варшавы — почти не пострадавшего города, кипящего жизнью. Их не интересовала судьба города, будет ли он жить после восстания или нет; они не взвешивали шансы на военный успех — ими двигал лишь моральный императив. Когда они сражались, вокруг рушились дома, но никто не обращал на это внимания; они улыбались, потому что они боролись. В конце боя повстанцы оставили руины города с той же улыбкой на устах, и немцам пришлось признать их воюющей стороной. Так кто же победил? Эти парни были победителями, ибо все видели, что они воюют с немцами, а не отправлены в Освенцим. Я хотел бы, чтобы вы последовали примеру тех ребят."

В словах Вайды многие участники восстания скорее усмотрят поношение, чем хвалу: вряд ли они согласятся, что изображение чувств повстанцев, которое позволил себе известный кинорежиссер, достаточно точно. Но если говорить о современном отношении к событиям прошлого, то приведенное высказывание типично для нынешней польской интеллигенции, которая идеализирует исторически сформировавшиеся черты национального характера. Она воспекает возрождение польского романтического идеализма с его любовью к символическим жестам, вызывающей принципиальностью, со взглядом на нацию не как на систему политических и экономических институтов, а как на совокупность объединяющих символов, объект сублимированных возвышенных чувств.

3. С кем вы, мастера культуры?

Перейдем теперь к формам сопротивления диктатуре. Можно без преувеличения сказать, что главную роль играет сопротивление моральное. Даже подпольная деятельность была организована прежде всего из моральных соображений, чтобы продемонстрировать нерушимость духа народа, оказать моральное давление на правительство, а также на правительства и общественное мнение Запада. Вот почему, уйдя в подполье, "Солидарность" ограничилась ролью некоего подпольного лобби и никогда не испытывала искушения использовать более радикальные методы политической борьбы, например, террор партизанской войны.

Любопытная черта такой позиции состоит в том, что от властей ждут серьезных уступок, не обещая взамен национального согласия. За этой практикой стоит теория, которая провозглашает, что в коммунистической системе перемены возможны лишь под давлением, а эффективное давление может быть оказано только путем постоянной демонстрации непримиримости. Эта теория игнорирует тот факт, что коммунистические правители, сознавая свою неспособность решить общественные конфликты демократическим путем, могут позволить себе делать только такие уступки, которые можно выдать за уступки добровольные; это позволяет им расширить социальную базу власти и достигнуть некоего национального согласия, пусть временного и хрупкого. Однако в сложившейся обстановке национальное согласие может быть достигнуто только ценой, которую коммунисты платить не готовы — ценой отказа от монополии власти. В результате моральная и психологическая пропасть между властью и населением в Польше не сужается. Обе стороны все больше разочаровываются друг в друге. С точки зрения правительства, такие шаги, как разрешение визита Папы в 1983 г. и амнистия 1984 г., нужно рассматривать как рассчитанный риск во имя национального примирения. Поэтому они заслуживали, по мнению властей, самой положительной оценки со стороны общества. Но реакция была совершенно обратной, ибо оппозиции удалось представить это как результат своего давления, как свою победу. Лидеры оппозиции, выпущенные из тюрем, открыто дали понять, что они видят в амнистии не более чем уловку, и не намерены соблюдать ее условия и отойти от политической деятельности.

Особенно интересна политическая борьба в области национальной культуры, ибо правительство намного чувствительнее к поведению ученых и художников, чем воинственных подпольщиков. Интеллигенция рассматривает свой отказ сотрудничать с властями как акт, лишаящий их законности, и оказалось, что власти весьма к этому чувствительны. Ярузельский крайне взволнованно говорил о попытках "делегитимизировать Польшу", а бывший вице-премьер М.Раковский в речи, произнесенной в феврале 1984 г., выразил "глубокую благодарность и искреннюю высокую оценку" тех писателей и деятелей искусства, "которые не поддались давлению, не побоялись клейма квислингов, и, преодолевая различные опасения, сомнения и неловкость, отказались присоединиться к внутренней эмиграции и решили оказать личную поддержку силам, которые осознали историческую необходимость положить конец разрушению основ нашего социалистического государства". Ясно, что под "личной поддержкой" Раковский имел в виду не открыто прокоммунистическую позицию: он готов был положительно оценить хотя бы тех, кто просто продолжал работать как прежде, не бойкотируя официальных издательств, средства информации и новый союз писателей.

Попытки соблазнить или, по крайней мере, нейтрализовать "творческую интеллигенцию" повторялись с самого начала правления военной хунты. Власти хотели поссорить интеллигенцию и рабочих, установив для арестованных интеллигентов значительно более легкий режим, чем для арестованных рабочих; однако интеллигенты отказались воспользоваться этими привилегиями. Правительство предприняло определенные усилия, чтобы доказать, что даже в условиях чрезвычайного положения в Польше обеспечена относительно большая интеллектуальная свобода, большая, чем в других странах советского блока. Что касается книг и театров, это было верно, но в то же время трактовка политических событий средствами массовой информации вызвала мощный протест, сила которого обнаружилась в полном бойкоте телевидения со стороны ведущих польских актеров, решительно противостоявших материальным приманкам и политическому давлению.

Столь же трудной для властей оказалась проблема творческих союзов. Покажем это на трех примерах.

Союз художников был распущен, поскольку он отказался аннулировать свое заявление о поддержке "Солидарности". При сталинском режиме власти желали политизировать писателей и художников, обратить их на путь коммунистической идеологии и соцреализма. Ныне власти стремятся к деполитизации культуры, в то время как творческая интеллигенция борется за право на политическое самовыражение на стороне оппозиции.

Союз писателей был распущен не за отстаивание какой-либо особой политической платформы, а за отказ от компромисса, достигнутого ценой отречения от общедемократических принципов. Его выборные руководители отказались дать обещание исключить из союза тех писателей, которые обвинялись в антикоммунистической деятельности, в частности, в сотрудничестве с радио "Свободная Европа" и эмигрантскими антикоммунистическими журналами. Такое решение, объявили они, может быть принято только демократическим путем — голосованием. Атмосфера была такова, что властям стало ясно: изгнания нежелательных демократическим путем не получится, а союз в его нынешнем виде станет оплотом оппозиции. В итоге союз был распущен и заменен новым, к которому большинство писателей отказалось присоединиться.

Случай Союза кинематографистов показывает, что компромисс был возможен: его члены согласились принять предложенные властями персональные перемены, и союз был восстановлен, не взяв на себя каких-либо обязательств по оказанию идеологической поддержки режиму. Такая позиция Союза объясняется тем, что кинематографисты больше чем писатели и художники зависят от государственного финансирования и от оборудования, находящегося в собственности государства, и им приходится с этим считаться.

В отличие от кинематографистов писатели и ученые Польши имеют в своем распоряжении альтернативу — подпольные издательства и сеть распространения. Я считаю создание сильной альтернативной культуры величайшим достижением польской оппозиционной интеллигенции. Количество неподцензурных, хотя, как правило, не анонимных публикаций в стране беспрецедентно в истории "реального социализма". В числе этих публикаций — не только листовки и политические газеты, но и книги польских и зарубежных авторов, серьезные культурные журналы и научная литература. Издательская деятельность, начавшаяся в 1977 г., при военном режиме просто расцвела: по данным эмигрантского ежесемейника "Культура", число названий подпольных публикаций достигло 700. После отмены военного положения неподцензурная культура стала еще более заметной. "Незаконные" книги нередко печатаются в государственных типографиях, на неподцензурные периодические издания ссылается официальная печать, нецензурированные театральные спектакли, научные конференции и художественные выставки проводятся не только в частных домах, но и в церквях. Подпольные издательства платят подчас более высокие гонорары, чем официальные. Правда, лишь немногие писатели и деятели искусства считают, что вся официально признаваемая культура должна бойкотироваться. В их числе Збигнев Герберт, один из величайших польских поэтов, известный своим открытым антикоммунизмом. З. Герберт протестовал на страницах "Тыgodника повшехнего" против исполнения его стихов в официальном театре, хотя директор театра Зыгмунт Хюбнер — отнюдь не сторонник режима, и сам спектакль был задуман для поднятия патриотического духа публики. Когда это выяснилось, З. Герберт разрешил спектакли продолжать, отметив, что такое согласие дается им лишь в виде исключения.

Позиция Герберта — хороший пример моральной войны против властей. Сходную позицию продемонстрировал Адам Михник (почитатель поэзии Герберта), отказавшись принять амнистию. Его пришлось силой выдворять из тюрьмы. Михник считал себя невиновным и требовал открытого суда — трибуны, с которой он мог бы защищать свои действия.

Последствия существования альтернативной культуры важны и неоднозначны. Для польской культуры они благотворны, поскольку многие идеи не могут найти своего выражения в подцензурных публикациях, а также потому, что само существование такой культуры вынуждает официальную ее разновидность быть конкурентоспособной, то есть привлекательной и по возможности терпимой. С другой стороны, многие работы публикуются в подполье не потому, что их нельзя печатать в официальном порядке, а по мотивам менее достойным — суетная погоня за личным престижем, сдача перед лицом морального давления руководителей оппозиции, использующих культуру в качестве оружия в политической борьбе. За это расплачиваются читатели, поскольку подпольные издания имеют меньший тираж, дороже и, конечно, не могут быть получены в библиотеке. Поэтому многие писатели и ученые, чья профессиональная и моральная репутация не может быть оспорена, не принимают позиции "полного отказа".

4. Что хотят и чего не хотят в Польше?

Принципиальный отказ принимать что-либо от врага представляется, конечно, как последовательное отрицание всей системы во имя национальных чаяний. На самом деле, однако, национальные чаяния обусловлены существующей системой в гораздо большей степени, чем это может показаться поверхностному наблюдателю или тому, кто готов принимать желаемое за действительное. Все социологические обследования в Польше последних лет, в том числе и неофициальные, показывают, что "реальный социализм" стал самовоспроизводящейся общественной системой, глубоко укоренившейся в мышлении народа, системой, которая большинству представляется как "бесспорно чуждая, навязанная извне и в то же время совершенно естественная". Да, массы глубоко разочарованы, протестуют против некомпетентности властей и склонны обвинять их в злой воле. Они отбрасывают социалистическую фразеологию, явно склоняясь к церкви, так как словарь марксистского социализма перешел в разряд мертвых языков, стал языком официальной лжи, а сам марксизм уже не рассматривается серьезно даже членами партии. Однако подсознательно поляки — гораздо большие социалисты, чем они это сознают. Так, движение "Солидарности" с его мощным протестом против существующей системы может рассматриваться как нежеланное дитя самой системы.

Можно спорить по поводу того, что социализм "Солидарности" был слишком популистским и недостаточно либеральным, слишком коллективистским и уравнилельным, слишком занят распределением и недостаточно — производством, в основном упирал на материальную справедливость и недостаточно — на формальную законность и т.д. "Солидарность" аплодировала защитникам свободного рынка, но на практике требовала большей справедливости в распределении, большей социальной защиты для слабых и принимала безработицу только при условии, что безработные будут получать их прежний средний доход. Ее программа требовала не только крутого прогрессивного налогообложения, но и установления максимума личных доходов и собственности, совершенно независимо от их источников, и следовательно, частичной экспроприации зажиточных. По самой своей идее "Солидарность" мыслилась как коллективный гарант того, что ни один работник не будет лишен основных средств к существованию, что ни один рабочий (или группа рабочих) не достигнет относительного благополучия, если прочая часть рабочего класса не достигнет того же. В таких условиях трудно представить себе свободную конкуренцию самоуправляющихся предприятий. Теоретически союз исповедовал либеральную идею отделения экономики от политики. Практически его идеи означали замену бюрократического контроля над экономикой его собственным контролем. "Солидарность" хотела не только свободы как автономии, но и свободы как участия, и считала само собой разумеющимся, что все сферы общественной жизни, включая экономику, могут регулироваться путем сознательного принятия решений. Таким образом, речь шла о программе максимальной демократизации контроля над экономикой, а не об ограничении контроля и подчинении работников анонимным и неумолимым законам свободного рынка.

Этот спонтанный и глубоко укоренившийся социалистический популизм членов "Солидарности" имел два аспекта. Первый, проявляющийся в позиции рабочей элиты, — это стремление к подлинно социалистическому идеалу как противоположности существующей реальности. Второй, характерный для обыденного сознания, представляет собой порождение существующей системы.

Под вторым аспектом я подразумеваю несколько чрезмерный упор на обеспеченность и равенство в сочетании с весьма преувеличенной верой в силу политических решений. Существующая система скомпрометировала саму идею меритократии — "власти достойных": люди перестали мыслить в терминах "заработанный хлеб" и "справедливость рынка", перестали видеть связь между хорошим доходом и хорошей работой, компетентностью или талантом. Они привыкли рассматривать высокие доходы не как результат достоинств их получателя, а лишь как несправедливую привилегию или результат бесчестных махинаций. Неудивительно поэтому, что идея максимального уравнивания заработной платы отождествляется с социальной справедливостью. Кроме того, правительство и партия столько лет представляли себя людям как нечто всесильное, ответственное за все и "дающее" людям все, что во время экономического кризиса

первая реакция простых людей была такова: если все зависит от правительства и партии, окажем на них давление и принудим их улучшить положение. Правительство реагировало на это, подчеркивая ограниченность своей реальной силы, но его аргументами, равно как и призывами к повышению производительности труда часто слишком легко пренебрегали. Так, по иронии судьбы результатом чрезмерной политизации экономики при реальном социализме стали тенденции выдвигать нереальные экономические требования и вера в силу чисто политических мер для борьбы с хозяйственным кризисом.

Руководство "Солидарности" оказалось под влиянием различных политических групп, соревновавшихся друг с другом в радикализме, и с течением времени все больше удалялось от реальности, получая в то же время все большую поддержку именно за свой радикализм. Простые люди, однако, оказывались в замешательстве. Вот результаты некоторых опросов общественного мнения.

В декабре 1980 г. большинство поляков были очевидно за децентрализацию и усиление общественного контроля над деятельностью властей; в то же время 49% опрошенных поддержали усиление контроля над обществом со стороны властей: "решиительно за" — 25,7%, "скорее за, чем против" — 23,4%. Среди них члены "Солидарности" составили 48,8%, члены партии — 57%, верующие — 56,4%, неверующие — 42,9%, неквалифицированные рабочие — 59%, лица с высшим образованием — 35,2%. Это не обязательно означало усиление роли партии: этого желали 61,3% членов партии, но из беспартийных — лишь 32,7%. Согласие относительно необходимости увеличения общественной роли Церкви было значительно шире: 76,7% членов партии, 85,7 и 86,6% членов других официальных партий (Крестьянской и Демократической соответственно), 91,5% крестьян и 69,6% лиц с высшим образованием высказались в поддержку этого. Принцип уравнивания доходов поддержали 73,5% членов "Солидарности" и 65,4% членов партии.

В конце 1981 г., то есть в канун введения военного положения, 71,4% опрошенных желали новых парламентских и местных выборов; в то же время 70,9% не хотели возникновения новых политических партий, а 46,2% (22,7% — решительно и 23,5% — "пожалуй") были за запрещение забастовок. На одном из предприятий Силезии 88% опрошенных высказались за роспуск парламента и назначение новых выборов: 90% считали, что упоминание о руководящей роли партии должно быть исключено из Конституции, однако 82% выразили доверие правительству Ярузельского. В национальном масштабе поддержка необходимости роста роли партии сократилась по сравнению с 1980 г. (с 33 до 20,4%), но уменьшился процент и поддерживающих "Солидарность" (с 89,1 до 70,9%).

После военного переворота наступила, конечно, резкая поляризация политических оценок. Точные цифры неизвестны, но даже члены руководства не претендуют на то, что оно представляет большинство... Видимо, военные правители недооценили психологические результаты своих действий. Они не предвидели, что приводимые ими объяснения, даже если они разумны, не будут приняты с готовностью, что развяжется упорная борьба за отрицание законности их власти, и мобилизация сил народа на преодоление разрушительного хозяйственного кризиса окажется еще труднее, чем ранее.

Официальные данные указывают на некоторое улучшение в польской экономике. Снижение национального продукта в 1979—1982 гг. (на 4, 6, 11 и 11% соответственно по годам) сменилось, наконец, ростом в 1983—1984 гг. (на 3 и 5% соответственно). Никто всеерьез не утверждает, что эти данные — грубая фальсификация, но все знают, что оснований для оптимизма нет. Катастрофически упали жизненный уровень и качество польских товаров; экологическая катастрофа стала фактом, а не просто угрозой; молодежь должна в среднем 20 лет ждать отдельного жилища. Стоимость жизни статистика измеряет в официальных ценах, но многие товары можно купить лишь по ценам черного рынка, которые намного выше. Так, килограмм апельсина стоит 2—3 тыс. злотых при среднемесячной заработной плате 17 тыс. злотых. Бензин продается по талонам, но его можно купить "неофициально" (то есть незаконно) по 150 злотых за литр. Таким образом, на месячную зарплату можно купить примерно 113 литров бензина. Многие товары, привлекающие потребителя, можно приобрести лишь за твердую иностранную валюту, а неофициальный (хотя и терпимый властями) курс доллара доходит до 650—700 злотых. Процветает спекуляция, и цены на предметы роскоши дости-

гают астрономических величин. Национальный долг страны растет, хотя предпринимаются все возможные усилия, чтобы производить товары на экспорт, даже за счет внутреннего рынка. Из-за всеобщей дезорганизации и скрытого саботажа рабочих производительность труда в Польше вдвое ниже, чем в Болгарии, почти всемерно ниже, чем в Чехословакии, и в 16 раз ниже, чем в США.

Правительство Ярузельского обещало провести экономическую реформу по образцу кадаровской Венгрии. Оно объявило, что целью его является создание большего простора для рыночного механизма, введение принципов самоуправления и самофинансирования, устранение таким путем бюрократических извращений и обеспечение равновесия между спросом и предложением. Некоторые люди, в других отношениях критически оценивающие действия правительства, полагают, что военная диктатура находится в выгодном положении для проведения таких реформ: рыночный механизм, говорят они, неизбежно усиливает неравенство, тогда как уравнилельские течения в "Солидарности" были слишком сильны, чтобы такое допустить. На практике проведение реформ оказалось для правительства делом весьма сложным. Оно проявило себя непоследовательным, нерешительным и не имеющим точного мнения по вопросу об уравниловке. Положительный экономический эффект от материального стимулирования и резкого роста цен был ослаблен или даже уничтожен сверхпрогрессивным налогообложением и щедрой финансовой поддержкой семей с низкими доходами. Самое важное, однако, то, что механизм рынка не может надлежащим образом действовать в условиях всеобщего дефицита: производитель волен увеличивать цены, тогда как потребитель не имеет свободы отказываться от товара из-за его высокой цены или плохого качества. Поскольку рынок пуст, все принимается на нем по любой цене. В итоге диктатура производителя над потребителем, так называемый "рынок продавца", стала еще сильнее, чем ранее. Дополнительные трудности создает нехватка твердой валюты и необратимость злотаго. Хозяйственная децентрализация не может доказать своих преимуществ, если дефицитная валюта распределяется централизованно. Промышленные предприятия не могут перейти на подлинное самофинансирование, если запасные части и материалы можно приобрести лишь за твердую валюту, а их собственная продукция недостаточно конкурентоспособна на мировом рынке.

В таких условиях большинство, хотя и полностью отдает себе отчет в абсурдности и явной неэффективности бюрократического руководства хозяйством, склоняется все же к тому, что Маркс назвал "вульгарным социализмом", который занят, в первую очередь, проблемами распределения. Такая идеология, естественно, очень на руку бюрократической оппозиции реформам. Идеологический климат, возникший в такой ситуации, полон парадоксов. Партийная печать, поддерживающая реформы (например, еженедельник "Политика"), публикует статьи, восхваляющие механизм рынка, критикующие уравнилельные тенденции и доказывающие, что Польша не может себе позволить сохранять в неприкосновенности чрезмерно развитую систему социального обеспечения. Язык таких статей подчас жестче высказываний последователей Рейгана и Тэтчер. Еще правее находится группа независимых публицистов, называющих себя "партией сумасшедших либералов", которые открыто требуют полной передачи промышленности в частные руки. Они часто пользуются языком сатирических намеков, который дает властям возможность не относиться к ним серьезно. Консервативное крыло партии ("твердолобые") сопротивляется последовательному проведению реформ, якобы во имя гуманной социальной политики. Эти доводы маскируют защиту интересов местных аппаратчиков и бюрократов, положению которых угрожает растущая роль руководителей производства. Оппозиционную интеллигенцию раздрают противоречия между сознанием необходимости восстановления хозяйства и симпатиями к подпольной "Солидарности", которая выступает против, увы, неизбежных, повышений цен. Еще более важно мнение "молчаливого большинства": опрос 1983 г. показал, что 54% опрошенных хотят, чтобы только правительство устанавливало цены, 19% поддерживают существующую систему, в которой цены определяются частично правительством и частично — производителями товаров и услуг, и лишь 11% поддерживают свободный рынок. Это означает, что, несмотря на всеобщее глубокое недоверие к властям, большинство поляков "политическую справедливость" предпочитает "справедливости рынка".

Очень нелегко подвести итоги и избежать серьезных ошибок, делая практические выводы из сказанного. Все же определенные заключения могут и должны быть сделаны.

Во-первых, Польша при режиме Ярузельского показала, что "реальный социализм" — самовоспроизводящийся общественный порядок, глубоко укоренившийся в умах и его сторонников, и его противников. Рыночная экономика, эта основа либеральной демократии, — хрупкий инструмент, который, будучи разбит, нелегко поддается восстановлению.

Во-вторых, пример Польши показывает, что "реальный социализм" — это не обязательно тоталитарный режим. Правительство Ярузельского, подобно режиму Герека, не может и не желает организовывать публичные проявления энтузиазма, навязывать интеллигенции и людям искусства коммунистические идеалы; оно не в состоянии владеть умами. Точно замечено, что эта власть воплощает не триумф, а поражение тоталитаризма. В отличие от режима Герека, нынешняя власть даже не желает выдавать себя за строителя "светлого будущего"; она ясно сознает опасность раздувания надежд у народа и ведет себя крайне осторожно, предпочитая пессимизм оптимистическим иллюзиям. Идея "общей великой цели" сменилась акцентом на "закон и порядок", более серьезным отношением к "социалистической законности" и даже некоей игрой с идеей "социалистического конституционализма". Однако в то же время режим осуществляет полный контроль над хозяйством (подчас против собственного желания) и этим явственно отличается от традиционных авторитарных режимов. Это, несомненно, форма "реального социализма", но уже не на его воинствующе идеологической стадии.

В-третьих, Польша под властью Ярузельского показала, что идея Солженицына о гладком переходе от тоталитаризма к авторитарному режиму через деидеологизацию "не работает" в зависимой стране. Не исключено, что такой путь может быть хорош для России. В Польше, однако, постепенное замещение официальной идеологии флиртом с традиционным патриотизмом не создало широкой народной основы для режима, а привело к попыткам оспорить его законность вообще. Думается, что критики Солженицына были правы, предсказывая, что деидеологизация без устранения существующей структуры власти не будет ощущаться как желанное освобождение из царства идеологической лжи. Она лишит правителей всего, кроме грубой силы, и тем самым сделает их еще менее приемлемыми. Именно это случилось в Польше: резко возросло недовольство и агрессивные настроения в народе.

Все же с точки зрения свободы нетоталитарная форма "реального социализма", по моему мнению, несравненно лучше тоталитаризма. Было бы неправильно рассматривать польский режим как наилучшее из всех зол. Реальная возможность решения или, по меньшей мере, облегчения проблем Польши видится лишь как часть международной разрядки. Поскольку этот термин скомпрометирован множеством разбитых иллюзий относительно природы коммунизма вообще и советской системы в частности, надо пояснить, что мы понимаем под словом "разрядка". Политика разрядки означает, что язык антикоммунистического крестового похода следует оставить, но твердых требований к коммунизму оставлять нельзя. Как раз наоборот.

Необходимо постоянно оказывать давление на правительство там, где это давление может принести результаты. Чтобы оно было эффективным, следует учесть психологию правителей Польши, которые крайне нервно реагируют на обвинение в том, что они — простые марионетки Москвы и изгои в международном сообществе. Есть много вопросов, где давление извне может помочь, например, вопрос о Фонде помощи крестьянам-единоличникам, который предлагает создать Церковь, или отставание демократических основ действующего закона о высших учебных заведениях, которому сейчас угрожают различные "поправки". Опыт показывает, что правительство Ярузельского нелегко уступает перед угрозами Запада. Однако нет оснований считать его негибким и не готовым к разумному диалогу, который может и не быть сердечным, но в котором факты реальной жизни будут учитываться. Реализм, однако, не исключает решительности и безусловной преданности ценностям либеральной демократии. ●

Якуб КАРПИНЬСКИЙ (Париж)

ПРЕСТУПНИК И ЖЕРТВА

После поражения естественно спорить о том, только ли противник виноват, что мы проиграли, или надо обвинять и себя. Если враг на нас напал, значит, мы ему чем-то не понравились, что-то было в нас такое, что толкнуло его к нападению, чего быть не должно. Если нападавший хотел что-то получить, можно было отдать ему это миром и не вынуждать к применению силы. Ведь на этом мы только потеряли: побили-то нас. Стало быть, раз мы проиграли, виной тому наша жажда независимости, заносчивость и ненужное упорство.

Так можно говорить после любой проигранной войны, и даже не войны, а просто стычки — уличной или политической. Неудивительно, что так и говорили после 13 декабря. Повсюду слышалось: бандиты напали на сумасшедший дом. Почему на сумасшедший дом? Потому что держались вызывающе, не уступали, пока еще было можно, и не отдали добром того, что бандиты могли забрать без драки. А может быть и потому, что жертвы нападения вели себя так, как будто не знали, что имеют дело с бандитами.

Итак, одна идея: сами виноваты. А другая: враг на самом деле — не враг, он действовал, в сущности, в наших же интересах. Если бы напал не он, так напал бы другой еще худший (хотя оба врага между собой всегда в ладу и мире), а он бы мог и убить. Поэтому враг поменьше был по существу спасителем.

К тому же напавший не мог не напасть. Его вынудила к этому его агрессивная природа, психосоциальная обусловленность и интересы. Свободной воли у него нет, он делает то, что диктуют природа, ситуация и интересы. У нас же свободная воля была: мы могли защищаться или не защищаться, могли врага не провоцировать, отдать, что ему требуется, и даже воскликнуть: "Ты прав!" — может быть, наше одобрение сделает его благосклоннее.

Не слишком ли далеко зашла "Солидарность"? Спас ли Ярузельский Польшу? Эти вопросы после 13 декабря задают постоянно, особенно на Западе. Что на это можно сказать?

Да, "Солидарность" зашла слишком далеко — самим фактом своего возникновения, потому что строй, в котором она возникла, всегда отторгает то, что чуждо его принципам существования. И без того уничтожение "Солидарности" откладывалось слишком долго.

Нет, "Солидарность" не заходила слишком далеко. Она всегда хотела переговоров и соглашений. Ее деятели верили в диалог с коммунизмом, в понимание поляка поляком, и не подготовились к тому, к чему готовились власти — к военному перевороту.

Нет, Ярузельский не помог Польше. Он очень помог Советскому Союзу, ибо начал войну с "Солидарностью" и местными силами решил задачу, которую иначе пришлось бы решать исключительно силами СССР, что привело бы для последнего к более серьезным издержкам.

Да, Ярузельский помог "Солидарности" — он помог ей понять, как работает коммунизм, и склонил оппозицию к переходу на более конспиративный образ действий, лучше приспособленный к условиям режима, уничтожающего все, что не может себе подчинить.

Когда коммунизм как строй, как система встречает в общественной жизни что-либо внешнее по отношению к себе, он старается это внешнее приручить и подчинить, а если это не удастся — уничтожить. В Польше подчинили социалистическую партию и уничтожили Польскую народную партию. Руководителя последней Миколайчика тоже упрекали за то, что он далеко зашел, так как его партия не дала себя приручить и к выборам 1947 г. не пришла в "блоке демократических партий". Таков частый выбор для людей и организаций при коммунизме: потеря себя и подчинение — либо уничтожение. Причем

сначала может произойти первое, а потом и второе. Так произошло с официальной русской Православной церковью. Такая участь угрожала в 50-е годы и польской Католической церкви.

Спорят о том, поддается ли коммунизм реформам. Если под этим имеется в виду, что коммунизм меняется, то да. Сегодня он один, завтра другой, но впрочем, некие его постоянные свойства всегда сохраняются. Зависит ли форма коммунизма от простых людей? Да, она зависит от степени их согласия и сотрудничества, или, напротив, — бойкота, сопротивления или независимой деятельности...

Возможность независимых действий подтверждена практически. Независимые публикации, независимое просвещение, независимые и самоуправляющиеся профсоюзы при коммунистическом режиме возможны и уже существовали и, несмотря на преследования, существуют и сейчас. Во многом независима католическая церковь, ее печать и организации. Несмотря на усилия властей, самоуправление еще не полностью изгнано из академической жизни. Значит ли это, что в стране существует "самоуправляющаяся республика"? Республика может быть и нет, но самоуправляющиеся районы в коммунистическом государстве существуют безусловно.

Самоуправляющаяся республика возможна, но это требует тяжелого труда. Это не подстрекательство, ибо подстрекать общество не так легко. Подстрекательством занимались бюрократы, которые в июне 1956 г. определяли политику заработной платы в Познани, Гомулка в декабре 1970 г. и Герек в 1976 г. Не следует переоценивать интеллектуальных подстрекателей: их теории, призывы и программы нелегко обретают слушателей. Нужна тяжелая работа, чтобы создать независимое от властей издательство, информационное агентство, комитет контроля, газету. Если хочешь получить долю ответственности за предприятие — изучай технологию, цены, рынок. Это дело — не из области массовой работы, хотя и оно может обеспокоить власти не меньше, чем профсоюзы.

Во многих спорных вопросах — о доступе к средствам массовой информации, о распределении продовольствия, о школьных программах, о подготовке законов о цензуре, о предприятиях, самоуправлении, профсоюзах — "Солидарность" прежде всего хотела переговоров. Представители правительства оттягивали такие переговоры, замедляли их ход, уже согласованные тексты менялись в последний момент. Теперь видно, что они вели себя так, ибо имели за пазухой козырную туз.

В переговорах, вопреки распространенному мнению, участвовали не равные партнеры. Одна сторона заботилась о неприменении насилия (стоит лишь сравнить "Солидарность" и агрессивные профсоюзы Запада). У другой стороны была партийно-государственная организация, располагающая буквально всем. Она имела возможность применить силу и не боялась это сделать.

Слабейший побит, потери велики. У "Солидарности" уже нет телексов и телефонов, нет помещений, она не может взять свои деньги из национального банка, делегации "Солидарности" не совещаются с правительственными делегациями. Законы, нужные властям, проходят быстро, без учета общественного мнения.

Один из разделов криминологии — виктимология, наука о жертвах преступлений, которая ищет причины преступления в свойствах объекта атаки. В каком-то смысле можно возложить ответственность на жертву преступления: она может обладать провоцирующими чертами или может не уметь защититься от нападения. Случается, что она ведет себя легкомысленно, что также предосудительно. "Солидарность" все время провоцировала власти своим непослушанием. Критики скажут, что она вела себя легкомысленно: при таком режиме выступать с независимыми программами! Сторонники "Солидарности" увидят в этом решительность, волю и глубокий смысл. Если хочешь, чтобы жизнь хотя бы не ухудшалась, нужны люди и организации, способные на независимые действия.

ДУХ НАРОДА — ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Если руководствоваться только холодным расчетом, если исходить из того, что политика — это искусство достижения возможного, то единственной формой действия, направленного на улучшение нашей общей судьбы, должна была бы оставаться некая внутренняя оппозиция или же индивидуальная работа по очеловечиванию системы. И все же значительная часть интеллигенции, после того, как для нее сделали невозможным первое, не ограничилась вторым. Потому ли, что в политических расчетах она проявила наивность? Может быть, потому, что в выборе позиции решающую роль сыграли моральные ценности, принцип противостояния злу независимо от шансов на успех? Возможно. Но самыми важными, на мой взгляд, были практические соображения, хотя в то же время вполне личные. Это был отказ от образа жизни, который навязывает нам система, отвращение к нему, которое перевесило выгоды от подчинения системе. Это был расчет, совершаемый помимо воли, и именно поэтому он мог выглядеть как результат воздействия морального императива. На самом деле решение было принято под воздействием обстоятельств, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, соприкасаясь с коммунистической системой. Можно сказать, что к деятельности в оппозиции людей толкал не общественный интерес, а личный. Но он требовал действий во имя общественных интересов, ибо только так можно было противостоять унижительным требованиям системы. Решение о работе в оппозиции всегда было результатом желания жить как свободный человек в системе, которая отрицает свободу.

Если оппозиция в Польше растет — а она растет, если сравнить 80-е годы с 60-ми и 70-ми — то это происходит не потому, что баланс политических возможностей улучшился, ибо это не так. Растет, потому что окружающая реальность усиливает в сознании людей чувство отвращения и ослабляет ценность тех выгод, которые можно получить, пребывая в покорности. Именно потому возможно продолжение оппозиционного движения, независимо от того, увеличиваются политические надежды или слабеют... Именно поэтому холодные истины реалистов и со стороны правительства, и со стороны оппозиции вызывают бешенство. Что с того, черт побери, что у нас нет шансов избавиться от этого коммунистического несчастья! Мы хотим жить, как будто его нет, чего бы это ни стоило. Это может не нравиться реалистам и даже приводить к печальным последствиям. Но такие настроения — факт, а реалист должен считаться с фактами. Со всеми. Не только с геополитикой, но и человеческими чаяниями. Тот, кто забывает, чем за последние сорок лет насыщены биографии людей, живущих над Вислой, — более опасный романтик, чем забывший о соседях за Бугом. Более опасный, ибо — тут я говорю не о Валицком, хотя и он допускает ту же ошибку — как правило, из таких людей состоит руководство, которое и создает политические кризисы.

...Конечно, режим хочет, чтобы его любили и одобряли его действия. Но ни голуби, ни ястребы в руководстве не любят, чтобы общество оказывало на них давление. Они не хотят поддержки тех действий, на которые их вынуждает общество, напротив, они ее боятся. Коммунистов поддерживают лишь покорные, независимо от того, чем вызвана покорность — искренним признанием или страхом. Конечно, признание было бы лучше, но если его нельзя добиться, то годится и страх. Таким образом, не интеллигентские размышления, слабо связанные с реальностью, а сама реальность привела во второй половине 70-х гг. к созданию оппозиции, настроенной на отрыв общества от режима, то есть — на борьбу.

...Опыт Польши (а также других стран Восточной Европы) не подтверждает мнения Валицкого, что наибольшую автономию от СССР имеют те коммунисты, которых поддерживает общество. Наоборот, сердечные отношения этой пары так опасны для СССР, что требуют вооруженной интервенции — примером тому служит пражская весна. Лучше — с точки зрения автономии, — если общество полностью покорно. Но если в

стране-сателлите нет кризисной ситуации, то нет и причин отпустить вожжи и позволять — пусть с тяжелым сердцем — отклонения от советского образца для разрядки напряжения. Причина того, что в Венгрии удалось добиться определенных успехов в хозяйстве и внутренней политике, состоит не в мудрости Кадара, а в памяти о политических издержках интервенции... Именно из-за того, что в Польше существует напряженность в отношениях между властями и народом, СССР вынужден терпеть у нас свободу религии и индивидуальное сельское хозяйство. После каждого столкновения общества с властью автономия последней не сокращалась, а расширялась. Так было в 1956 г., в 1970 г., и, по моему мнению, — после декабря 1981 г. И это не результат милости правителей, а воздействие незавершенной революции, общественного протеста, который хоть и закончился 13 декабря 1981 г., но в небывалой степени усилил автономию общества от властей, и тем самым — автономию польских властей от СССР. В этом нет ничего нового. Основным фактором эволюции и эрозии диктатур были и остаются восстания.

Лешек КОЛАКОВСКИЙ (Оксфорд)

“ОРГАНИЧЕСКАЯ РАБОТА” В СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА

Валицкий отмечает, что хотя режим в Польше ужасен, но все же это не абсолютное зло. Это один из часто употребляемых в дискуссиях бесплодных трюизмов, из которых ничего не следует. Что же такое абсолютное зло? Может быть, лагерь смерти? Если сравнивать с ним — что вполне разумно, — то не только нынешняя Польша, но и Польша сталинских времен станет источником неиссякаемой радости. Да и режим Пол Пота окажется не самым худшим: ведь две трети населения выжили, а из лагеря Белжец никто не вышел живым.

... Все же я полностью разделяю взгляд Валицкого — и сам я не раз высказывался в том же духе — что необходимо отличать большее зло от меньшего, что есть смысл бороться за то, чтобы зло стало меньшим, а не большим. Необходимо отстаивать то, что в польских условиях можно отстоять.

... Приходится обратить внимание на определенную непоследовательность во взглядах Валицкого. С одной стороны, неоднократно подчеркивается, что в политике учитывается лишь действительность поступков, а не их моральная мотивация. Автор чуть ли не презирает людей, которые идут на риск по зову совести. С другой стороны, он осуждает “Солидарность” не только за “неэффективность”, но и по чисто моральным соображениям: у одних — палки, кандалы, автоматы, лагеря и тюрьмы, а у других, оказывается, нечто гораздо худшее — отсутствие смирения! О нехватке или наличии христианских добродетелей в политбюро или генштабе почему-то не говорится. Получается, что мораль не имеет значения, когда деятели “Солидарности” ею руководствуются — тогда важна лишь действительность. Но моральные мотивы вновь становятся важными, если “Солидарность” о них “забывает”. Хорошо же толкование христианства!

... Нельзя обойти молчанием тех вопросов, в которых Валицкий прав полностью или частично, или таких, которые хотя бы заслуживают обсуждения. Валицкий прав, упрекая лидеров “Солидарности” за беззаботную веру в собственные силы и неподготовленность к встрече с открытым насилием (правда, такие упреки высказывались уже давно). Впрочем, упрекать движение за то, что оно чего-то не предвидело, весьма легко, особенно, когда непредвиденные (но кажущиеся предвидимыми) события уже произошли. Во всех странах есть оппозиция, которая каждую неудачу правительства встречает хором: “А мы что говорили?”

Верно также, что “Солидарность” за 16 месяцев легального существования не выработала подробной и реальной программы хозяйственных реформ. Но нельзя забывать, что реальная и всесторонняя программа должна основываться на точной информации о

состоянии экономики. А в такой информации правительство упорно отказывало, несмотря на все требования. Кроме того, потребовались бы годы проб и ошибок, чтобы оздоровить хозяйственный механизм...

... Когда же Валицкий сетует на падение культуры труда и предлагает оппозиции посвятить себя работе в хозяйстве, становится вообще неясным, что он имеет в виду. Конечно, сетования по поводу падения культуры труда трудно не разделять, но неужели Валицкий не знает общеизвестных системных причин этого явления. Откуда взялось известное выражение "хочешь жни, а хочешь — куй"? От польского беспечного характера или в результате ошибок "Солидарности"? Валицкий, как и другие сетующие, прекрасно знает, почему упала культура труда: люди потеряли ощущение, что трудятся для себя и для народа, ибо не могут считать государственную собственность общественной, не знают, куда идут произведенные ими блага, какая часть их труда обращается на советские имперские экспедиции, на содержание давящего их аппарата принуждения, сколько растрчивают бюрократы-невежды, ибо у работников нет права голоса в делах планирования и распределения. Короче говоря, потому, что в экономическом смысле они — рабы. Сетовать на низкую производительность труда рабов — бесплодное занятие, которое лишь подменяет анализ и переводит социально-экономическую проблему в разряд проблем моральных.

Об уравниловке. Как и Валицкому, она мне чужда: в крайней форме эгалитаризм неизбежно ведет к тоталитаризму. "Солидарность" не требовала уравнивания доходов. Но если рабочие низведены до раннекапиталистического уровня и даже до откровенной нищеты и при этом видят руководителей, привозящих каррарский мрамор для своих ванн и отводящих себе леса под охотничьи угодья, как им не чувствовать озлобления? Можно ли их осуждать за аморальное стремление к уравниловке? Разве возникновение таких чувств нельзя предвидеть, как военный переворот? Повторять заклания типа "работайте аккуратно и продуктивно" — это достойная жалости реакция на польские проблемы. Как можно воспитывать культуру труда в хозяйстве, где порядочность приводит или под суд или к жизни впроголодь! В национализированной экономике нет места для "органической работы" как в XIX в., когда индивидуальная хозяйственная деятельность не была запрещена, осуждена и уголовно наказуема.

Кшиштоф ПОМЯН (Париж)

АВТОНОМИЯ ВЛАСТИ И АВТОНОМИЯ ОБЩЕСТВА

Верно, что режим ПНР — не абсолютное зло. Верно, что власть, хоть и несuverенная и располагающая ограниченным правом принятия решений даже во внутренних делах, обладает широкой автономией. Верно, наконец, что власти не следует ставить в вину то, чего она изменить не может, ибо никто не отвечает за то, на что он не может влиять. Следует лишь определить, за что можно призвать власти к ответу, раз уж она обладает широкой автономией. Но такого вопроса не ставится.

... Трудно забыть об опустошении национальной культуры, вызванной погромом в марте 1968 г., о рабочих, убитых и раненых в декабре 1970 г., об июне 1976 г. и его последствиях, о цензуре, вскрытой "Черной книгой" КОР в ноябре 1977 г., об усиливающемся хозяйственном кризисе... Если всех этих фактов — а их список можно продолжить — недостаточно для доказательств того, что власть действует против интересов преобладающего большинства народа, то чего же еще нужно?

Не было бы необходимости вспоминать старые высказывания, если бы они не принадлежали самому А.Валицкому и не сохранили актуальности и сегодня:

"Автономия польского общества ничтожна, но автономия власти, снабженной атрибутами государственности, для условий "реального социализма" весьма значительна: только благодаря ей есть у нас все "польские особенности", от мощной Церкви и некол-

лективизированного крестьянства до невиданной в других странах "реального социализма" свободы науки и культуры. Следовательно, политическая автономия (даже без суверенности) режима в ПНР — это зонтик, колокол, под которым можно сохранить небольшие, относительные, неполитические, но столь ценные для нас особенности нашего общественного бытия".

Это уже не защита властей от обвинений, а благодарственная песнь за благодеяния, которыми мы осыпаны... Но тут избирательная память вычеркнула вместе с мартом, декабрём и июнем также и октябрь 1956 г., точнее — все события 1955—1957 гг. И волну самороспуска колхозов, прокатившуюся по селу. И демонстрации за освобождение кардинала Вышиньского. И борьбу за освобождение и реабилитацию политзаключенных. Выступления интеллигенции и студентов за свободу культуры и науки. Выступления технической интеллигенции и экономистов с требованиями хозяйственной реформы. Жертвы рабочих Познани. Вывоз на тачках с заводов особо ненавистных представителей охраны... Именно благодаря всему этому власть получила автономию, ибо советское руководство уяснило себе возможные издержки вооруженной интервенции.

И только благодаря давлению общества эта автономия при всех ограничениях сумела продержаться четверть века. Припомним конфликт между правительством и Церковью по поводу празднования Тысячелетия Польши и христианства в Польше (1966 г.) и письма, которое польские епископы направили немецким (1972 г.). Сопротивление крестьян против попыток (их было много) навязать им коллективизацию под иным соусом. Сопротивление значительной части интеллигенции против советизации права, помех в контактах с Западом, возврата идеологической индоктринации студентов и фальсификации истории. Наконец, сопротивление рабочих низведению их до роли пассивного рабочего скота. В реальной истории не работает школьная логика, согласно которой из факта, что "возможности легального политического самоопределения общества ничтожны", вовсе не следует, что и автономия общества ничтожна. Следует лишь то, что эта автономия, для своего проявления в политических действиях, должна находить специфические формы, подчас нелегальные. Именно в таких формах и осуществлялась она — с переменным напряжением и даже с перерывами — весь период от октября 1956 г. до августа 1980 г. Поэтому она и была фактором, с которым должно было считаться и руководство СССР.

Короче говоря, не автономия властей создала условия для автономии общества. Упорная борьба общества за свою автономию создавала возможность автономии для режима. И если продолжить метафору с зонтом, то надо сказать, что его защитное действие было таким только потому, что была рука, которая удерживала его над головой — борьба общества.

... Можно отметить, что после октября 1956 г. общество готово было пойти на союз с властями ради того, чтобы сохранить относительно широкую автономию в рамках отношений с СССР. Об этом свидетельствует энтузиазм, с которым приветствовали Гомулку, и поддержка его "команды" в 1956—1961 гг. — и далее. Разрыв этого союза был делом рук самой партийной элиты, которая с середины 60-х гг. начала проводить политику противостояния обществу. В период высокой хозяйственной конъюнктуры 1971—1975 гг., цену которой придется оплачивать десятилетиями, эта политика была менее заметна, в особенности потому, что она сочеталась с неким флиртом интеллигентской внепартийной элиты с властями, к радости ее наиболее конформистских представителей. Режиму это не мешало ни преследовать рабочих, ни продолжать политику в области культуры, начатую в марте 1968 г.

... На страницах официальной печати в первые месяцы после военного переворота настойчиво противопоставлялось хорошее начало "Солидарности" ее позднему отступлению от правильных устремлений. "Здоровый рабочий корень" противопоставлялся интеллигентским советчикам, которые преобразили профессиональный союз вопреки воле ее членов в политический таран для свержения режима. Миролюбивые власти противопоставлялись разбушевавшимся экстремистам из оппозиции.

... Что касается социалистических аспектов в политике и программе "Солидарности", которые автор критикует с позиций классического либерализма (на что он имеет полное право), то справедливости ради следует заметить: их источник — также (а может быть, и прежде всего) социальное учение церкви.

Ян Юзеф ЛИПСКИЙ (Варшава)

ВАССАЛ И СЮЗЕРЕН

В истории ПНР неоднократно повторяется такая схема. Власть по каким-то причинам слабеет (как, например, в 1956 г.). Обычно это происходит в результате совместного действия социальных и экономических факторов. Возникает давление снизу. Ослабленная сделанными уступками власть получает поддержку общества (Гомулка, Герек) и одновременно — немалую автономию от сюзерена, что дает ей возможность собраться с силами и отобрать у общества все, что возможно, хотя все уже отобрать не удается. Постепенно власть усиливается, одновременно теряя поддержку общества. Последствия известны. Власть анемичная соглашается давать обществу определенные свободы, сильная власть — никогда. В этом есть парадокс, но он лишь кажущийся. Дело в том, что расширение или сужение автономии варшавских властей зависит от сюзерена, который действует лишь в своих интересах — в зависимости от степени угрозы для своего наместника. В трудных обстоятельствах власти ПНР на какое-то время могут даже получить широкие, хотя и тщательно контролируемые полномочия, без которых коммунистический гомеостаз не мог бы вернуться к равновесию без больших издержек.

... Вряд ли расширение автономии властей несuverенного государства ведет к увеличению независимости его действий. По мере нормализации и стабилизации автономия сужается, а не расширяется. Специальные полномочия, полученные от сюзерена, берут назад, ибо их дали отнюдь не для расширения автономии общества. Цель этих полномочий — расширение контроля над обществом. Поэтому нельзя говорить об отчуждении власти в странах сателлитах. Отчуждение возможно лишь от источника. Может наступить отчуждение от народа власти, поставленной народом. Но у власти, навязанной извне, может произойти отчуждение лишь от тех, кто ее навязал. И ничего иного.

... "Солидарность" по необходимости была за то, чтобы оставить партию у власти при условии широкого общественного самоуправления... Захвата власти не хотели ни в прямом, ни в переносном смысле, хотя в десятиллионной "Солидарности" можно было бы выделить и такое течение (как, впрочем, и любое другое). Нежелание "Солидарности" принимать на себя ответственность за экономику объяснялось не боязнью перед трудностями задачи, а сознанием того, что справиться с ней было бы можно, лишь захватив власть.

Валицкий считает, что ПОРП сделала столько уступок, как ни одна другая компартия, и все же общество объявило ей войну. Известно, однако, что к уступкам ее вынудили забастовки, которые она не была готова подавлять силой. Речь шла не об объявлении войны, а лишь об ответе на провокации. Альтернативой была бы лишь безоговорочная капитуляция. Почему возникла большая часть забастовок? Потому что арестовывали людей, разоблачавших действия властей, потому что режим покровительствовал коррумпированным правителям на местах, потому что для разгона демонстраций применялись слезоточивые газы и т.д. "Солидарность" же, напротив, нередко гасила волнения, потому что она была против открытых конфронтаций.

Ежи СУРДУКОВСКИЙ (Краков)

РАСПРОСТИМСЯ С МИФАМИ

"Солидарность" никогда — если не считать некоторых глупых выхонок — не определяла себя как антикоммунистическое движение. С самого начала она просто инстинктивно повернулась к коммунизму спиной, считая компартию неизбежным злом,

которое приходится только терпеть. Я не даю оценок — хорошо это или плохо, правильно политически или глупо. Ясно, что рано или поздно при очередной попытке "обновления" появление такой позиции было неизбежно — после всех этих экспериментов с "улучшением" руководства, которое, укрепившись, обнажает свое истинное лицо. Эту позицию верфям не навязали ни интеллигенты из КОС—КОР, ни ксендзы. Польские рабочие и интеллигенты сами сообразили после 25 лет, что на "лучшую команду" у власти рассчитывать не приходится. Дело кончится лишь потерей крови и времени... Поскольку польский опыт таков же, как и опыт всего коммунистического блока (лишь наиболее богатый), то можно ожидать, что протестующие массы придут к такому же выводу и в других странах. То, что случится в Польше после "Солидарности", предвидеть нетрудно. Последствия неизбежны и они жестоки — в этом мы с Валицким едины. Это та цена, которую мы все — партийные и беспартийные, коммунисты и антикоммунисты — должны заплатить за столь долгое блокирование более разумных и спокойных путей к реформам. Такое уже не раз бывало в истории. Почему же загнивающая империя должна быть исключением?

... Конечно, Польша Ярузельского намного лучше Польши Берута... Каждая новая "команда", которая приходит к власти после переворота, осуществляет не программу обновления, а лишь программу, которая спасла бы от краха предыдущую команду. Если бы Гомулка открыл кран кредитов и капиталовложений, как это сделал Герек, то он наверняка удержался бы на престоле. Если бы Герек — как Ярузельский — взялся хотя бы за ограниченную экономическую реформу, немного ослабил цензуру и позволил некоторую независимость профсоюзам, его судьба сложилась бы иначе... Пока "реальный социализм" поддается реформам лишь до границы, обозначенной интересами номенклатуры, но эта граница не определена жестко. Каждый бунт общества, даже проигранный, сдвигает ее. Процесс этот идет медленнее, чем мы хотели бы, но кто знает, как пойдет развитие в будущем по мере ослабления системы и размывания социальной базы номенклатуры.

Поэтому концепции Валицкого могут пригодиться, ибо нельзя исключить и такой возможности, что упорно тянущийся к пропасти внезапно опомнится. Но они не могут служить единственной программой... Сегодня со стороны властей требуется огромная, прямо-таки драматическая открытость, рискованная для номенклатуры готовность дать обществу самоуправление, необязательно в форме профсоюза. Только огромная смелость и огромный риск могли бы повернуть политический рычаг, уберечь систему от распада, а Польшу — от эпохи Великой Ненависти.

Пока ничто не указывает, что такой риск власти готовы взять на себя.

... Итак, что же должен сделать польский интеллигент сегодня и здесь, после горького и разочаровывающего опыта прошлого, лицом к лицу с горькими, а может быть и трагичными перспективами наступающего завтра? Глубоко спрятать страхи и комплексы, распрощаться с любимыми мифами, обдумать свои и чужие ошибки и попросту сл у ж и т ь. Это близко к концепции "органической работы", но такая работа не обязательно должна вестись в официальных институтах и структурах, хотя для многих — по возможностям и темпераменту — и там нашлось бы место. Новый "польский декабрь", "октябрь" или другой месяц должен застать нас хоть немного поумневшими и лучше подготовленными.

А оппозиция? Конечно, она будет существовать, то лучше, то хуже, а то и очень плохо. Она должна лишь знать, что в конце ее страшного пути не приходится ждать неба Вольной Польши, с которого сыплются заслуженные награды. Больше того, следует быть готовыми к тому, что ход событий поставит под сомнение наши нынешние идеи, что правота окажется где-то в ином месте или же придется ее с кем-то делить. Нельзя ничего исключать: ни катастрофы, ни того, что в Москве или в Варшаве опомнятся на полдороге к пропасти. К улучшению польской судьбы могут привести много программ и много путей.

Ежи ГОЛЬЦЕР (Варшава)

ТОЛЬКО ПЕРЕМЕНЫ

Существующий в Польше режим можно желать свергнуть. Можно и принять его, хотя даже самым толстокожим карьеристам, не говоря уже об идейных коммунистах, нужно для этого подавить в себе естественное чувство брезгливости. Можно, наконец, стремиться усовершенствовать систему. Похоже, что я, вместе с Валицким, Кучинским, Липским и Помяном, отказываюсь от желания свалить режим. И не из любви к нему, а из сознания того, что сделать это не удастся, а если бы даже и удалось, то насилие, к которому для этого пришлось бы прибегнуть, навсегда деформировало бы ту политическую систему, которая возникнет на его обломках.

В этом отношении мы средние поляки. За такой вариант — ни свержение, ни приятие, а только перемены — высказывается огромное большинство в польском обществе. Оно пришло к такому убеждению в результате исторического опыта. Не исключено, что вместе с огромным большинством мы ошибаемся, ибо перемены, которых мы жаждем, нереальны. Однако жажда перемен и вера в их возможность спасают от пассивности и безнадёжности.

... Выводы Валицкого возбуждают во мне внутреннее сопротивление, но также и понимание и даже теплое чувство. Он не хочет согласиться с неизбежностью поражения и ищет философский камень — шанс успеха. Но бывают исторические ситуации, когда положительного решения нет. Вспомним, например, о политических течениях среди евреев в предвоенной Польше. Среди предложенных ими программ действия не было ни одной, которая могла бы спасти три миллиона человек от уничтожения гитлеровцами. Есть ли пример драматичнее!

Можно припомнить и другие, пусть не столь драматичные повороты польских судеб в ходе национальных восстаний или же на исходе Второй мировой войны. Тогда придется признать положительным любое наименее невыгодное решение. Разумеется, такой подход не увеличивает притягательности политических лозунгов, ибо трудно вести за собой массы под лозунгом: лучше худший исход, чем наихудший. Однако мыслящий человек может себе позволить некое эмоциональное остранение. Это остранение — смирение перед историей.

В опыте польской оппозиции после 1976 г. и в опыте "Солидарности" я вижу попытку осуществить именно такой, наименее невыгодный вариант. Польша Герека уже не могла продолжать существовать — она разлагалась. Что должно было прийти ей на смену? Еще несколько лет экономического самообмана, коррупции и алкоголизма? Программа "исправления" путем ужесточения режима, неосталинских чисток и перекардывания издержек выхода из кризиса на плечи общества? Или же предлагаемая Валицким власть просвещенных гуингммов из "Путешествия Гулливера"? Я предпочитаю Польшу августа 1980 и декабря 1981 годов, Польшу Ярузельского, Раковского и Кишака, но также и Польшу Куроня, Валенсы и Фрасынюка.

Стефан КИСЕЛЕВСКИЙ (Варшава)

ВЫПАДЕТ ЛИ СЧАСТЛИВЫЙ НОМЕР?

Валицкий близок мне не только строем мысли, но и своим опытом. Я участвовал в нескольких возмущениях молодежи, закончившихся поражениями, и меня вовсе не забавляет утверждение, которое беспрерывно повторяется: каждое поколение должно повторять те же ошибки, ибо неизменность их — это своего рода биологический закон. Кроме того, меня, как и Валицкого, интересует форма нынешней польской государственности. Несуверенная, с абсурдным устройством, смешивающим политику с хозяйством, это все же исторически интересная форма государственности, любопытная также и с точки зрения территории и демографии, как бы некая умышленная противоположность

Польше Ягеллонов, многонациональный и федеративный характер которой нам дорого обошелся.

Итак, Валицкий близок мне своим строем мысли. Кроме того, у него есть концепция, логика, доводы и мужество критика, которое нам для оценки последних лет нужнее, чем жития современных "святых". Но я не думаю, чтобы Валицкий мог убедить других и мне не кажется, что тут вообще идет полемика. Оппоненты по существу не отвечают на доводы Валицкого, а произносят монологи о своих чувствах. Это не дискуссия, а столкновение мнений.

Почему это так? Основная причина — различия психологии и ремесла. Валицкий — ученый-рационалист, желающий оценить законченный этап событий по его результатам. Его оппоненты же вовлечены в политическую игру, которая для них ни в малейшей мере не кажется оконченной. Само слово "игра" подразумевает риск, ошибки, проигрыши, пробные шаги, мобилизацию чувств как средства борьбы.

Кто прав? Каждый по-своему. Я разделяю критическую оценку действий оппозиции, сделанную Валицким, однако его мимоходом высказанная идея об "органической работе" как надежды на будущее не более доказательна, чем идеи так называемых романтиков. Лично я, как иррационалист и манихеец, допускаю хаос и демоническую роль случая в истории. Редко, особенно в странах Востока (а мы все-таки принадлежим к ним), история развивается логично и рационально, редко ее направляют ученые и исследователи, чаще — пророки, наглецы и демагоги. Политическая игра, как и всякая игра, должна допускать случай, выпадение удачной карты. Можно привести "нетипичный" пример Пилсудского — ему для успеха понадобилось, чтобы пали три империи, что случается не каждый день (и не каждый век). Но каждый может верить, что ему выпадет счастливый номер в рулетке...

Тут Валицкий беспомощен, в его логике историка ему не хватает иррационализма. А это важно, когда имеешь дело с интеллигенцией, в особенности с польской... Когда в 1965 г. группа литераторов во главе с Анджеевским вышла из партии, разозленный Гомулка сказал: "При Сталине они могли быть в партии, а теперь, видите ли, не могут!" Видно, в оппозиции действует футбольный принцип: играй так, как противник позволяет.

Рационалист Валицкий не хочет признать еще одного важного принципа: "народ всегда прав, даже когда неправ". А на этом-то и споткнулся маркграф Велопольский, при всем его огромном авторитете и добрых намерениях.

Коснусь еще одного тезиса Валицкого, который мне кажется правильным и весьма важным. "Солидарность" не была оппозицией "реальному социализму", она вполне умещалась в его рамках государственно-политического волюнтаризма в хозяйстве, не желала отринуть централизованной экономики и социалистического тоталитаризма, а хотела лишь в его пределах получить больше благ и влияния. Отсутствие новой программы хозяйственной структуры отомстило за себя. В 1956 г. крестьяне бросились ликвидировать колхозы и тем изменили один из устоев системы. А в 1980 г. рабочие не знали, за что браться, ограничились бытовыми претензиями и общими местами относительно демократии и патриотизма. И теперь еще нет общего, универсального призыва, который бы просветил западный мир насчет "реального социализма" и социализма вообще. И сейчас этой темы не касаются и не протестуют, когда коммунистические пропагандисты приписывают оппозиции некое туманное желание "исправления социализма".●

DOMINUM ET VIVICANTEM ГОСПОДА ЖИВОТВОРЯЩЕГО

ЭНЦИКЛИКА ИОАННА ПАВЛА II

ЧАСТЬ II

Дух, обличающий мир о грехе его

1. Грех, правда и суд

27. Когда Иисус во время прощальной речи в трапезной на Тайной вечере возвещает пришествие Святого Духа "ценой" своего ухода и обещает: "Если пойду, то пошлю Его к вам", он тут же добавляет: "И Он, пришед, обличит мир о грехе и о правде и о суде" (Ин. 16, 7—8). Тот же заступник и дух истины, который обещан как тот, кто будет "учить" и "напоминать", кто "будет свидетельствовать" и "наставит на всякую истину", — в только что процитированных словах возвещен как тот, кто "обличит мир о грехе и о правде и о суде".

Многозначительным представляется и весь контекст. Возвещение Святого Духа Иисус связывает со словами, которые указывают на его "уход" через крест и подчеркивают даже его необходимость: "Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам" (Ин. 16, 7).

Но еще важнее объяснение, которое сам Иисус добавляет к этим трем словам: грех, правда, суд. Ибо он говорит: "Он... обличит мир о грехе и о правде и о суде. О грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден" (Ин. 16, 8—11). Грех, правда и суд в мышлении Иисуса имеют вполне определенный смысл, который отличается от того, какой хотелось бы, может быть, вложить в эти слова иному читателю, независимо от объяснения, которое даст говорящий здесь. Это объяснение указывает также на то, как надлежит понимать "обличение мира", осуществляемое Святым духом. Здесь важно как значение отдельных слов, так и тот факт, что Иисус соединил их в одной фразе.

Грех обозначает в этом контексте неверие, с которым Иисус столкнулся среди "своих", начиная с его сограждан в Назарете. Грех означает неприятие его миссии, неприятие, которое ведет людей к тому, чтобы осудить его на смерть. Когда вслед за этим Иисус говорит о "правде", то подразумевает, по-видимому, ту окончательную справедливость, какую наделил его Отец, одарив его славой воскресения и вознесения: "Я иду к Отцу". "Суд" же, в связи с таким пониманием "греха" и "правды", означает, что Дух истины укажет на вину "мира" в осуждении Иисуса на смерть на кресте. Оттого Христос пришел в мир не только ради того, чтобы его судить и осудить: он пришел, чтобы его спасти (ср. Ин. 3, 17; 12, 47). Обличение мира о грехе и правде имеет своей целью спасение — вызволение людей. Именно эта правда подчеркивается, по-видимому, утверждением, что "суд" касается лишь "князя мира сего", то есть сатаны, который с самого начала употребляет во зло дело творения против спасения, против завета и единства человека с Богом: он "уже осужден" изначально. Если Дух, заступник, должен обличить мир о суде, то это свершается, дабы продолжить спасительное дело Христа.

28. Обратим внимание здесь прежде всего на эту миссию Святого Духа, которая должна "обличить мир о грехе", но не будем упускать из виду и общий контекст слов Иисуса на Тайной вечере. Святой Дух, принимающий от Сына дело избавления мира, тем самым берет на себя и задачу "обличать о грехе", задачу спасения. Это обличение находится в постоянной связи с "правдой", то есть с окончательным спасением в Боге, с завершением всего дела спасения, средоточие которого — распятый и прославленный Христос. Это вселенское спасительное дело Бога в известной мере отстраняет человека от "суда", от проклятия, лежащего на грехе сатаны, "князя мира сего", который стал вследствие своего греха "мироправителем тьмы века сего" (Евр. 6, 12). Благодаря тесной связи с судом открывается широкая перспектива для понимания "греха" и "правды". Святой Дух, указуя на фоне креста Иисуса на грех в рамках всеобщего спасения (так сказать, "отпущенный грех"), дает нам одновременно понять, что в его миссию входит и "обличение" того греха, который уже окончательно осужден ("осужденный грех").

29. Все слова, произнесенные Спасителем в доме Тайной вечери перед казнью принадлежат ко времени Церкви — прежде всего слова о Духе Святом как утешителе и Духе истины. Они вторгаются в него вновь и вновь, в каждом поколении, в каждую эпоху. Применительно к нашему столетию это подтверждается всем учением II Ватиканского собора, в особенности же Пастырским установлением "Радость и надежда". Многие разделы этого документа отчетливо показывают, что собор, открываясь свету Духа истины, осознает себя как истинный оплот возвещений и обетований, которые Христос дал апостолам и Церкви в своей прощальной речи, в особенности того возвещения, по которому Святому Духу надлежит обличить и открыть перед миром, что есть грех, правда и суд.

Это показывает уже текст, в коем собор разъясняет, как он понимает "мир": "Перед его (собора) глазами стоит мир людей, то есть вся семья человеческая во всей совокупности реальностей, в которых она живет; мир — сценическая площадка, на которой разыгрывается история человечества, отмеченная свершениями, поражениями и победами; мир, основанный, согласно христианской вере, любовью Творца и поддерживаемый ею; мир, оказавшийся в рабстве у греха, но освобождаемый Христом, распятым и воскресшим, низвержением господства зла; мир, который предназначен быть преобразованным по спасительному предначертанию Бога и прийти к окончательному завершению" (Пастырское установление о Церкви в современном мире "Радость и надежда", 2). Опираясь на это краткое резюмирующее описание, следует читать все другие разделы этого установления, где со всем реализмом веры сделана попытка обрисовать ситуацию греха в сегодняшнем мире и объяснить его сущность с различных сторон (ср. "Радость и надежда", 10, 13, 27, 37, 63, 73, 79, 80).

Когда Иисус накануне пасхального праздника говорит о Святом Духе как о Том, кто "обличит мир о грехе", то его высказыванию нужно, с одной стороны, придать насколько широкий смысл и объем, поскольку оно охватывает всю совокупность грехов в истории человечества, а с другой стороны, когда Иисус объясняет, что грех этот состоит в том, что "не веруют в Меня" (Ин. 16, 9), объем этот, по-видимому, следует ограничить теми, кто отверг мессианское послание Сына человеческого и осудил его на крестную смерть. Однако очевидно, что этот более "ограниченный" и зафиксированный в истории объем значения греха в конечном счете приобретает универсальный смысл на основе всеобщего спасения, которое совершено через крест. Откровение тайны спасения указывает путь к пониманию, в котором любой грех, где бы и когда бы он ни был содеян, соотносится с крестом Иисуса — и, таким образом, косвенно и с грехом тех, кто "не поверил в него", осудив Иисуса Христа к распятию на кресте.

Исходя из этого, мы должны еще раз вернуться к событию сошествия Святого Духа на апостолов.

2. Свидетельство Троицына дня

30. Обетования Христа в его прощальной речи и особенно возвещение, о котором у нас идет речь: "Учитель... обличит мир о грехе", — нашли свое буквальное и непосред-

ственное подтверждение в день Троицы. В этот день обетованный Святой Дух сошел к апостолам, собравшихся вместе с Марией, матерью Иисуса, в той же самой комнате Тайной вечери для молитвы. Об этом мы читаем в истории апостолов: "И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать" (Деян. 2,4); это проявилось в том, что "они таким образом повели рассеянные племена к единству и принесли как жертвенный дар Отцу первенца от всех народов" (Ириней. Против ересей, III, 17, 2).

Связь между этим событием и возвещением Христа очевидна. Мы видим здесь первое и основополагающее исполнение обетования заступника и утешителя. Посланный Отцом, он приходит "после" ухода Христа, "ценой" его ухода. Поначалу это уход через смерть на кресте, а далее, через 40 дней после воскресения, через его вознесение на небо. В момент вознесения Иисус заповедует апостолам: "Не отлучайтесь от Иерусалима, но ждите обещанного от Отца... чрез несколько дней после сего будете крещены Духом Святым... вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли" (Деян. I, 4—5, 8).

Эти последние слова содержат эхо и воспоминание об обетовании во время Тайной вечери. В Троицын день это обетование исполняется совершенно точно. Подвигаемый Святым Духом, который апостолы восприняли во время молитвы в комнате Тайной вечери, Петр оказывается перед большой толпой разноязычных людей, собравшихся на праздник, и говорит перед ними. Он возвещает о том, чего прежде он не отважился бы сказать: "Мужи Израильские! ...Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами, и знаменами, которые Бог сотворил через Него среди вас... Сего, по определенному совету и предвиденью Божию преданного, вы взяли и пригвоздили руками беззаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его" (Деян. 2, 22—24).

Иисус предсказал это и обещал: "Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать" (Ин. 15, 16—27).

В первой речи Петра в Иерусалиме это "свидетельство" берет отчетливое начало: это свидетельство о Христе, распятом и воскресшем, свидетельство Духа и заступника, а также свидетельство апостолов. В словах этого первого свидетельства дух истины устами Петра "обличает мир о грехе", прежде всего о том грехе, который состоит в отвержении Христа вплоть до осуждения его на смерть, до креста на Голгофе. Возвещения аналогичного содержания повторяются, согласно тексту истории апостолов, при других обстоятельствах и в разных местах (ср. Деян. 3, 14 сл.; 4, 10, 27 сл.; 7, 52; 10, 39; 13, 28 сл. и др.).

31. Начиная с этого первого свидетельства на празднике Троицы, действие Духа истины, который обличает мир в грехе отвержения Христа, тесно связано с засвидетельствованием пасхального таинства, а именно с тайной Распятого и Воскресшего. В этой связи "обличение греха" обнаруживает свое спасительное измерение. Ведь это такое "обличение", коего цель не есть простое обвинение миру, и еще менее — проклятие. Иисус Христос пришел в мир не для того, чтобы его осуждать и проклинать, но чтобы спасти мир (ср. Ин. 3, 17; 12, 47). Это подчеркивается уже в первой речи Петра, когда он восклицает: "И так твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом сего Иисуса, Которого вы распяли" (Деян. 2, 36). А когда присутствующие спрашивают Петра и других апостолов: "Что нам делать, мужи братия?", то Петр отвечает: "Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, — и получите дар Святого Духа" (Деян. 2, 37—38).

Таким образом это "обличение о грехе" становится одновременно и убеждением в прощении грехов в силе Святого Духа. В своей речи в Иерусалиме Петр обращается с призывом к окружающим, как Иисус в начале своего мессианского послания обращался с призывом к своим слушателям (ср. Мр. 1, 15). Окружение требует, чтобы его убедили в грехе; в самом себе оно несет приговор совести, и так как этот приговор есть испытание через действие Духа истины в сердце человека, то оно становится одновременно началом нового воздаяния милости и любви: "Примите Духа Святого" (Ин. 20, 22). Так мы открываем в этом "обличить о грехе" двойное даяние: дар истины совести и дар уверенности в спасении. Дух истины есть также и заступник.

Обличение о грехе через служение апостольского воззвания в первоначальной Церкви соотносится — под влиянием Духа, сошедшего на апостолов в Троицын день, — с избавительной силой распятого и воскресшего Христа. Так исполняется предпасхальное обетование о Святом Духе: "от Моего возьмет и возвестит вам" (Ин. 16, 14). Поэтому когда Петр на празднике Троицы говорит о грехе и тех, "что не веруют" (Ин. 16, 9) и предали Иисуса из Назарета позорной смерти, то он свидетельствует о победе над грехом, победе, которая достигнута, в некотором смысле, "через" величайший грех, какой только мог совершить человек: убийство Иисуса, Сына Божия, единосущного Отцу! Подобно этому смерть Сына Божия одерживает победу над смертью человека: "...от смерти избавлю их. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?" (Ос. 13, 14; в тексте Вульгаты: "Я стану смертью твоей, о смерть!"); ср. 1, Кор. 15, 55), как и грех распятия Сына Божия "побеждает" человеческий грех! Тот грех, который случился в Страстную пятницу в Иерусалиме, — а также и всякий грех человека. Ведь величайшему греху со стороны человека отвечает в сердце Спасителя воздаяние высшей любви, которая одолевает зло всех грехов человека. На основании этой уверенности Церковь в ежегодной римской литургии во время праздника пасхальной ночи, как только дьякон возглашает о воскресении песнью "Ликуйте", немедленно повторяет: "О счастливая вина!"

32. В этой несказанной истине, однако, никто не может убедить мир, людей, человеческую совесть, кроме как он сам, Дух истины. Он есть Дух, который "проникает... глубины Божии" (I Кор. 2, 10). Перед лицом таинств греха надобно вполне и до конца проникать "глубины Божии". Недостаточно исследовать человеческую совесть, глубочайшую внутреннюю тайну человека, но необходимо проникнуть в глубочайшую внутреннюю тайну Бога, в те "глубины Божии", которые можно обобщить так: к Отцу — в Сыне — чрез Святой Дух. Святой Дух их и "проникает". И оттуда дает Божий ответ на грех человека. Этим ответом завершается процесс, путем которого Дух "обличает мир о грехе", как это показывает событие Троицына дня. Обличая таким образом "мир" в грехе Голгофы, в смерти невинного Агнца, Святой Дух вскрывает — как это происходит в день Троицы — и всякий иной грех, который совершается в любом месте и в любой момент истории людей; он доказывает связь греха с крестом Иисуса. Это "обличение" есть указание на зло греха, в его отношении к кресту. Благодаря этому грех опознается во всей глубине зла, которая ему присуща, в его "тайне беззакония" (2 Фес. 2, 7), которая содержится и сокрыта в нем. Человек не знает этой глубины — без креста Христова он никоим образом не может ее познать. Он может поэтому быть "убежден" в этом лишь Святым Духом, Духом правды, но также и утешения.

Когда грех предстает в его связи с крестом Иисуса, он одновременно познается и во всей глубине тайны нашей веры, "великой благочестия тайны" (I Тим. 3, 16), как это показано в постсинодальном апостольском письме "Примирение и раскаяние" от 2 декабря 1984 года, 19—22. И это измерение греха человек также никоим образом не познает вне креста Христова. И в нем он может быть "убежден" лишь благодаря Духу Святому — тому, кто "проникает глубины Божии".

3. Свидетельство о начале: первородный грех

33. Это измерение греха мы находим в свидетельстве о начале, как о нем сообщает Книга Бытия (ср. Быт. 1—3). Это грех, который по данному в откровении слову Божию образует начало и корень всех других грехов. Мы оказываемся здесь у первоисточника греха в истории людей и одновременно во всей совокупности вселенского спасения. Можно сказать, что в этом грехе берет свое начало тайна зла, но вместе с тем именно на этом грехе отчетливо проявляется и обретает действительность избавительная сила "тайны нашей веры". Это выражает Святой Павел, когда он противопоставляет "непослушание" ветхого Адама "послушанию" Христа, второго Адама: "Смирил Себя, быв послушным даже до смерти" (Фил. 2, 8; ср. Рим. 5, 19).

После свидетельства о начале происходит первородный грех в воле — и в совести — человека, прежде всего как "непослушание", как восстановление человеческой воли против воли Бога. Это начальное непослушание предполагает отказ или, по меньшей мере, отклонение от истины, которая содержится в слове Бога, сотворившего мир. Слово это то

самое, которое "в начале... было у Бога", которое "было Бог" и без которого "ничто не начало быть, что начало быть", ибо "мир чрез Него начал быть" (Ин. 1, 1—3, 10). Это слово есть также вечный закон, первоисточник всякого закона, коим упорядочен мир и в особенности человеческие дела. Следовательно, когда Иисус Христос накануне своей мученической смерти говорит о грехе тех, кто "не верует в него", то эти его слова, полные боли, заключают в себе вместе с тем дальнейшее эхо того греха, который в своей первоначальной форме ложится как темная тень на тайну творения. Тот, кто здесь говорит, ведь не только Сын человеческий, но и "рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все... все Им и для Него" (Кол. 1, 15—16). В свете этой истины становится понятно, что "непослушание" в тайне начала предполагает в некотором смысле то же самое "неверие", то же "не веруют", как это повторяется применительно к пасхальной тайне. Речь идет, как уже сказано, об отказе или, по меньшей мере, об отклонении от истины в слове Отца. Отказ проявляет себя практически как "непослушание", как готовность пойти навстречу искушению, исходящему от "отца лжи" (Ин. 8, 44). У истока человеческого греха стоит, следовательно, ложь как радикальное отвержение правды, которое содержится в слове Отца и в которой выражается всеобильное всемогущество Творца: всемогущество и вместе любовь "Бога Отца, творца неба и земли".

34. Дух Божий, который по библейскому описанию творения "носился над водой" (Быт. 1, 2), обозначает того самого Духа, который "проникает глубины Божии": он проникает глубины Отца, а также Сына и Вечного Слова в тайне творения. Он не только непосредственный свидетель их взаимной любви, из которой исходит творение, но и сам эта любовь. Он сам как любовь есть вечный несотворенный дар. И в нем первоисточник и начало всякого даяния для тварей. Свидетельство о начале, которое мы находим начиная с Книги Бытия во всем откровении, в этом пункте однозначно. Сотворить — значит вызвать из ничего к бытию; сотворить, таким образом, означает также даровать существование. И если видимый мир создан для человека, то тем самым мир дан ему в дар (ср. Быт. 1, 26, 28, 29). Одновременно тот же человек получает для своего существа в дар особый "образ и подобие" Бога. Это означает не только разум и свободу как конститутивные свойства человеческой природы, но и с самого начала способность к личному отношению к Богу, отношению "Я" — "Ты", и тем самым способность заключить союз с Богом, союз, который будет осуществлен через спасительное самосообщение Бога человеку. На фоне этого "образа и подобия" Бога "дар Духа" означает в конечном счете призвание к дружбе, в которой, вместе с тем, открываются трансцендентные "глубины Божии", с тем, чтобы человек мог приобщиться к ним. Второй Ватиканский собор учит: "Бог невидимый (ср. Кол. 1, 15; 1 Тим. 1, 17) речет из изливающейся любви к людям, как к друзьям (ср. Исх. 33, 11; Ин. 15, 14—15) и сообщается с ними, дабы пригласить и принять их в свое обращение" (Догматическое установление о божественном откровении "Слово Божие", 2).

35. Вот почему Дух, который "все проникает, и глубины Божии" (1 Кор. 2, 10), изначально знает "что в человеке" (1 Кор. 2, 11). И потому лишь он может вполне "обличить о грехе", бывшем с самого начала, грехе, который есть корень всех других грехов и очаг греховности людей на земле, никогда не потухающий. Дух истины знает первородный грех, причиной которого в воле людей становится "отец лжи", тот, кто уже "осужден" (Ин. 16, 11). Святой Дух, таким образом, обличает мир в грехе в связи с этим "приговором", но также и тем, что он постоянно приводит к той "справедливости", которая дана человеку в откровении вместе с крестом Христовым: чрез послушание "даже и до смерти" (Фил. 2, 8).

Только Святой Дух может обличить грех человеческого начала, он один, который есть любовь Отца и Сына, он, который целиком — дар, в то время как грех человеческого начала состоит во лжи и отвержении этого дара и этой любви, которые определяют начало мира и человека.

36. Соответственно свидетельству о начале, которое мы находим в Священном писании и в традиции, грех понимается по первому и более полному описанию в Книге Бытия в его изначальной форме как "непослушание", что попросту говоря означает преступление одного из данных Богом запретов (ср. Быт. 2, 16 сл.). Но в свете всего контекста очевидным является также то, что корни этого непослушания должно искать во всякой совокупной и конкретной действительности человека. Призванный к жизни че-

ловек — мужчина и женщина — остается творением. "Образ Божий", который состоит в разуме и свободе, означает величие и достоинство человека, который есть личность. Но эта личность остается все же творением: в своем бытии и в своей сущности она зависит от Творца. Согласно Книге Бытия, "древо познания добра и зла" должно было выражать некую границу, не переступаемую для сотворенного существа, и постоянно напоминать о ней человеку. Запрет Бога понимается следующим образом: творец запрещает мужчине и женщине вкушать от плодов древа познания добра и зла. Слова же, которые нашептывает искушение, как они описываются в Священном писании, соблазняют к тому, чтобы преступить этот запрет, другими словами, перешагнуть "границу": "...в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги (как Бог), знающие добро и зло" (Быт. 3, 5).

"Непослушание" означает конкретно перешагивание той границы, которая все-таки остается непереступаемой для воли и свободы человека как сотворенного существа. Ибо Бог-созидатель есть единственный и решающий источник нравственного порядка в мире, который им сотворен. Человек не может сам из себя решать, что хорошо и что плохо, — он не может, как Бог, "знать добро и зло". Да, в сотворенном мире Бог остается единственным и высшим источником, определяющим добро и зло через внутреннюю истину бытия, которая есть отблеск Божественного Слова, вечного и единственного Отцу Сына. Сотворенному по образу Бога человеку Святой Дух дарует совесть, с тем чтобы в ней образ мог верно отражать свой образец, который есть мудрость и вместе вечный закон, источник нравственного порядка в человеке и в мире. "Непослушание" как изначальное измерение греха означает отвержение этого источника из-за притязания человека самому стать независимым и единственным источником определения того, что есть добро и зло. Дух, который "проникает" глубины Божии и вместе с тем есть для человека свет его совести и источник нравственного порядка, знает это измерение греха, вписанное в тайну человеческого начала, во всей его глубине. И не перестает "обличать" в нем мир, соотнося с ним крест Христов на Голгофе.

37. По свидетельству о начале Бог сам открыл себя в творении как всемогущество, которое есть любовь. Одновременно он открыл человеку, что тот, будучи "образом и подобием" своего Творца, призван к тому, чтобы быть причастным к истине и любви. Эта причастность означает жизнь в сообществе с Богом, который есть "жизнь вечная" (ср. Быт. 3, 22 о "дереве жизни"; ср. также Ин. 3, 36; 4, 14; 5, 24; 6, 40, 47; 10, 28; 12, 50; 14, 6; Деян. 13, 48; Рим. 6, 23; Гал. 6, 8; 1 Тим. 1, 16; Тит. 1, 2; 3, 7; 1 Петр. 3, 22; 1 Ин. 1, 2; 2, 25; 5, 11, 13; Откр. 2, 7). Но человек под влиянием "отца лжи" освободился от этой причастности. В какой мере? Разумеется, не в меру греха чистого духа, то есть в меру греха сатаны. Достичь такой меры человеческого дух неспособен. (Ср. Фома Аквинский. Сумма Теологии, I—II, 80, 3 и 4). Уже в изображении Книги Бытия можно без труда установить разницу в степени между "дурным дуновением" того, кто "сначала согрешил" (или изначально упорствует в грехе; ср. 1, Ин. 3, 8) и уже "осужден" (Ин. 16, 11), и злом непослушания человека.

Но и это непослушание всегда означает, что от Бога отвернулись, в некотором смысле замкнулись в себе, в своей человеческой свободе, вопреки ему. Оно обозначает, однако, и определенное открывание этой свободы — свободы совести и человеческой воли — навстречу тому, кто есть "отец лжи". Этот акт сознательного решения не только является "непослушанием", но и приносит с собой согласие с той мотивацией, которая содержится в первом побуждении и подстрекательстве к греху и постоянно обновляется во всей истории человека на земле: "Бог ведь знает: как только вы от этого вкусите, у вас откроются глаза; вы станете как Бог и познаете добро и зло".

Мы оказываемся здесь в самом средоточии того, что можно было бы назвать "анти-Словом", то есть "анти-истиной". В самом деле, истина человека искажается, фальсифицируется: истина о том, кто есть человек и каковы непереступаемые границы его бытия и его свободы. Эта "анти-истина" возможна потому, что одновременно полностью фальсифицируется истина о том, кто есть Бог. Бог-творец в совести творения ставится под подозрение, более того, становится объектом обвинения. Здесь впервые в истории человека появляется злой "дух подозрения". Он стремится дискредитировать добро как таковое, абсолютное добро, которое именно в акте творения открыло себя как добро, несказанным образом дарующее себя: как добро, которое изливается само из себя, как

творческая любовь. Кто мог бы полностью обличить грех или вскрыть эту мотивацию изначального непослушания человека, если не тот, кто есть единственный дар и источник всякого воздаяния, если не Дух, который "проникает глубины Божии" и который есть любовь Отца и Сына?

38. В противовес совокупному свидетельству творения и связанному с ним вселенскому спасению дух тьмы (ср. Евр. 6, 12; Лк. 22, 53) способен выставить Бога как врага своего собственного творения и прежде всего как врага человека, как источника опасности и угрозы для человека. Таким путем сатаню насаждает в душу человека зерно восстания против того, кто рассматривается как враг человека "спокон веков" — а не как Отец. Человека призывают стать противником Бога!

Анализ греха в его изначальном измерении показывает, что "отец лжи" на протяжении всей истории человечества оказывает постоянное давление к отвержению Бога со стороны человека вплоть до ненависти: "любовь к себе до презрения Бога", как называет это блаженный Августин (ср. О граде Божьем, XIV, 28). Тогда человек становится склонен к тому, чтобы видеть в Боге прежде всего свое собственное ограничение, а не источник своего освобождения и полноту добра. Подтверждение этому мы видим в новейшую эпоху, когда атеистические идеологии стремятся истребить религию, исходя из предположения, что она будто бы обуславливает радикальное "отчуждение" человека, словно у человека отнимается его собственное человеческое бытие из-за того, что он, принимая идею Бога, приписывает Богу то, что якобы принадлежит человеку и только человеку. Отсюда берет свое начало такое развитие в мышлении и в историко-социологической практике, в ходе которого отвержение Бога завершается объявлением о его, Бога, "смерти". Абсурдная мысль и абсурдное выражение! Идеология "смерти Бога", однако, угрожает скорее человеку, как это показал II Ватиканский собор, когда он пишет, рассматривая вопрос об "автономии земной действительности": "Тварь опускается без Творца в ничто... сверх того само творение становится через забвение Бога непонятным" (Пастырское установление о Церкви в современном мире "Радость и надежда", 36). Идеология "смерти Бога" в своих последствиях прямо доказывает, что и в теоретической и в практической области она является идеологией смерти человека.

4. Дух, превращающий страдания в спасительную любовь

39. Духа, который проникает глубины Бога, Иисус в своей речи на Тайной вечере именуется Утешителем, параклетом (от греческого "паракалейн" — призывать, вызывать). Он "призывается" с самого начала, чтобы "обличить мир о грехе". Окончательным образом он призывается чрез крест Иисуса. Обличить о грехе означает указать на зло, которое есть в нем. Это соответствует вскрытию тайной власти зла. Не "проникая глубины Божии", невозможно постигнуть зло греха во всей его болезненной действительности. С самого начала темная тайна греха оказывается в мире на фоне его отношения к творцу человеческой свободы. Она оказывается волевым актом человеческой твари против воли Божией, против спасительной воли Бога; более того, как противоречие истине, как следствие лжи, которая уже окончательно "осуждена": лжи, которая постоянно обвиняет и ставит под подозрение самую Божественную любовь, творческую и спасительную. Противопоставив себя Отцу жизни и духу истины, человек следует за "отцом лжи". Не значит ли поэтому "обличение о грехе" также и вскрытие страдания? Вскрытие непостижимой и невыразимой боли, которую Священное писание со своей антропоморфной точки зрения, по-видимому, усматривает, по причине греха, в "глубинах Божиих" и в известной мере даже в сердце непостижимой Троицы? Церковь, вдохновляемая откровением, верит и исповедует, что грех есть оскорбление Бога. Что соответствует в неисследимой глубине Отца, Слова и Святого Духа этому "оскорблению", этому отвержению духа, который есть любовь и дар? Понятие Бога как безусловно совершеннейшего существа вполне очевидно исключает всякую боль Бога, которая происходила бы из недостатка или от повреждения; однако в "глубинах Божиих" имеется любовь Отца, которая так сильно реагирует на грех человека, что на библейском языке говорится даже так: "Я раскаялся, что создал человека" (ср. Быт. 6, 7). "И увидел Господь, что велико развращение человека на земле. И раскаялся Господь, что создал человека на земле и

воскорбел в сердце своем. И сказал Господь: ...Я раскаялся, что создал их" (Быт. 6, 5—7). Но гораздо чаще Священное Писание говорит нам об Отце, который сострадает человеку, все равно как если бы он разделял его боль. В конце концов эта неисследимая и несказанная "боль" Отца вызовет прежде всего чудесное дело спасения избавляющей любви в Иисусе Христе, с тем чтобы через тайну веры любовь оказалась бы в истории людей сильнее, чем грех. Дабы победил дар милости Божьей!

Святой Дух, который, по словам Иисуса, "обличает о грехе", есть любовь Отца и Сына, и как таковой он есть троичный дар милости и вместе вечный источник всех божественных даров для тварей. Именно в нем мы можем увидеть ту милосердную жалость в образе личности и видеть, как она действует трансцендентным образом, как это приписывает Богу патристическая и теологическая традиция, следующая за Ветхим и Новым Заветом. В человеке милосердная жалость включает в себя боль и сострадание к беде ближнего. В Боге Дух, который есть любовь, ведет от восприятия человеческого греха к новому воздаянию спасительной любви. В единении с Отцом и Сыном из него исходит спасительное дело, которое наполняет историю людей дарами избавления. Если грех путем отвержения любви принес с собой "страдание" человека, которое некоторым образом распространилось на все творение (ср. Рим. 8, 20—22), то Святой Дух должен войти в человеческое и космическое страдание с новым воздаянием любви, которая спасает мир. И из уст Иисуса, Спасителя, в чьем человеческом бытии оправдывает себя "страдание" Бога, будет услышано слово, в коем показывает себя вечная любовь, полная божественного милосердия: *Misereor*, "сострадаю" (ср. Мф. 15, 32; Мк. 8, 2). Так Святой Дух превращает "обличение о грехе" по отношению к творению, которое "подвержено преходящему", и прежде всего в глубине человеческой совести — в откровение о том, как грех побеждается жертвой Агнца Божьего, мессии, который "до смерти" стал послушным рабом и осуществляет спасение мира, претворяя непослушание человека снова в добро, таков способ, каким Дух истины, Утешитель, "обличает о грехе".

40. Избавительная ценность жертвы Христовой выражается многозначительными словами автора Послания к Евреям, который напоминает о жертвах Ветхого Завета, при которых "кровь тельцов и козлов... освящает оскверненных, дабы чисто было тело", и далее добавляет: "То козли паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!" (Евр. 9, 13—14). Если мы примем во внимание и другие возможные толкования, то наши возможные размышления о присутствии Духа Святого во всей жизни Христа приведут нас к тому, чтобы увидеть в этом тексте одновременно приглашение подумать о присутствии этого Духа и в избавительной жертве ставшего человеком Слова.

Рассмотрим сперва начальные слова, трактующие об этой жертве, а затем отдельно от них "очищение совести", которую она обуславливает. Это действительно жертва, которая принесена "силой (действием) вечного Духа", который черпает из нее силу, чтобы ради спасения "обличить о грехе". Это тот самый Святой Дух, который "доставит" Иисуса Христа после обетования на Тайной вечере в день его воскресения апостолам, когда Иисус показывает им с ранами от распятия, Дух, которого он дарует им для отпущения грехов: "Примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся" (Ин. 20, 22—23).

Мы знаем, что "Бог Духом Святым помазал Иисуса из Назарета", как сказал Симон Петр в доме сотника Корнилия (Деян. 10, 38). Мы знаем пасхальную тайну его ухода, как ее представляет Евангелие от Иоанна. А теперь слова Послания к Евреям объясняют нам, каким образом Христос "принес Себя непорочного Богу", как он совершил это "силой вечного Духа". Святой Дух присутствует в жертве Сына человеческого и действует там так, как он действует при его зачатии, при его явлении в этот мир, в его сокрытой жизни и его общественном деянии. Согласно Посланию к Евреям, Иисус Христос при своем "уходе" через Гефсиманский сад и Голгофу точно так же полностью открыл себя в своей человечности этому делу Духа и Утешителя, который заставляет от страдания воссиять вечную спасительную любовь. Он есть также и тот, кто "услышан был... Хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию" (Евр. 5, 7—8). Послание показывает, таким образом, как человечность, которая у потомков ветхого Адама была подвержена греху, в Иисусе Христе полностью стала подвержена Богу и соединена с ним

и как она вместе с этим исполнилась милосердия к людям. Таким образом тут имеется новая человечность, вернувшаяся в Иисусе Христе и чрез его страдания на кресте к любви, которую Адам грехом своим предал. Она вновь обнаружилась все в том же божественном источнике изначального дара милости: в Духе, который "проникает глубины Божии" и который сам есть любовь и дар.

Сын Божий и Иисус Христос как человек в горячей молитве своего страдания предоставил Духу Святому, который уже полностью и до конца пронизал его человечность, сделать его чрез его смерть совершенной жертвой, жертвой любви на кресте. Он один принес этот дар. Как единственный свидетель он "принес Себя непорочного Богу" (Евр. 9, 14). В своей человечности он был достоин стать такой жертвой, так как он один был "непорочен". Но он принес себя "силой вечного Духа": это означает, что Святой Дух особым образом содействовал при этой совершенной самоотдаче Сына человеческого, дабы превратить страдание в избавительную любовь.

48. В Ветхом Завете неоднократно говорится о небесном огне, который пожирает жертвы, принесенные людьми (ср. Лев. 9, 24; 1 Царств. 18, 38; 2 Суд. 7, 1). Сходным образом можно сказать, что Святой Дух есть "огонь с неба", который действует в глубине тайны креста. Исходя от Отца, он направляет жертву Сына к Отцу, внося его в божественную действительность троиственной общности. Если грех вызвал страдания, то боль Бога нашла теперь в распятом Христе чрез Святого Духа свое полное человеческое выражение. Перед нами парадоксальная тайна любви. В Христе страдает Бог, отринутый своим глубинным творением: "Они не верят в меня!" Но одновременно Дух извлекает из глубины этого страдания — и косвенно из глубины этого греха, а именно, того, что "не поверили", — новую меру для дара милости, который с самого начала дарован человеку и творению. В глубине тайны креста действует любовь, вновь приводящая человека к участию в жизни, которая в самом Боге.

Святой Дух как любовь и дар милости в известной мере погружается в сердцевину той жертвы, которая принесена на кресте. Имея в виду библейскую традицию, мы можем сказать: он поглощает эту жертву с огнем любви, объединяющей Сына с Отцом в троиственной сущности. А так как крестная жертва есть собственный акт Христа, то он "принимает" и Духа Святого. Он принимает его таким образом, что потом он — и только он один вместе с Отцом — может "дать" его апостолам, Церкви, человечеству. Он один "посылает" его от Отца (ср. Ин. 15, 26). Он один показывается собравшимся в трапезной Тайной вечери апостолам, "дует" и говорит: "Примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся" (Ин. 20, 22—23), как это уже возвестил ранее Иоанн Креститель: "Он будет крестить вас Духом Святым и огнем" (Мф. 3, 11). Этими словами Иисуса Святой Дух открывает себя и делает себя сопresentствующим как любовь, которая действует в глубине пасхальной тайны как источник спасительной силы креста Христа, как дар милости новой и вечной жизни.

Эта истина о Духе Святом находит свое каждодневное выражение в римской литургии, когда священник перед святым причастием произносит следующие значительные слова: "Господь Иисус Христос, Сын Бога живого, послушный воле Отца, Ты, кто в Духе Святом своею смертью даровал миру жизнь". В Третьем евхаристическом молебствии священник имеет в виду спасительный порядок и просит Бога: "Пусть он (Святой Дух) сделает нас навсегда тем даром, который угоден Тебе".

5. Кровь, очищающая совесть

42. Как уже сказано, в высшей точке пасхальной тайны совершилось окончательное откровение Святого Духа и он по-новому сделал себя сопresentствующим. Воскресший Христос говорит апостолам: "Примите Духа Святого". Таким образом открывает себя Святой Дух; ибо слова Христа суть подтверждение обетований и возвешений, сделанных в прошальной речи во время Тайной вечери. Тем самым Утешитель становится по-новому сопresentствующим. Правда, он уже изначально участвовал в тайне творения и действовал на протяжении всей истории Ветхого Завета (союза с человеком). Но полностью подтвердилось его действие чрез послание Сына человеческого как мессии, который явился в силе Святого Духа. В высшей точке мессианского послания Иисуса Святой Дух

становится сопричастствующим в пасхальной тайне целиком как божественное лицо: как Тот, кому надлежит продолжить дело спасения, основанное жертвой на кресте. Дело это несомненным образом доверяется Иисусом людям: апостолам, Церкви. Однако Святой Дух остается в этих людях и чрез них трансцендентным действующим началом при осуществлении этого дела в духе людей и в истории мира: незримым и вместе с тем вездесущим Утешителем, Духом, который "веет, где хочет" (ср. Ин. 3, 8).

Слова, которые произнес воскресший Христос "в первый день после субботы", особым образом подчеркивают присутствие Духа-Утешителя как Того, кто "обличит мир" о грехе, правде и суде. В самом деле, только в этом контексте проясняются слова, которые Иисус ставит в прямую связь с "даром" Духа. Он говорит апостолам: "Примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся" (Ин. 20, 22—23). Иисус дает апостолам полномочие прощать грехи, с тем чтобы они его потом передали своим последователям в Церкви. Это полномочие хотя и дается людям, однако предполагает спасительное действие Духа Святого и включает его. Как "свет сердца" (ср. Секвенцию Троицына дня: "Прииди Дух Святой"), то есть в качестве совести, он "открывает грех", дает возможность человеку опознать в грехе зло и вместе привлекает человека к добру. Благодаря многообразию своих даров, почему он и называется семиричным, любой вид греха в человеке может быть достигнут избавительной мощью Бога. В самом деле, как говорит святой Бонавентура, "силою семи даров Духа Святого преодолевается всякое зло и свершается всякое благо" (Бонавентура. О семи дарах Духа Святого, беседа II, 3; К светлым водам, V, 463).

Под влиянием Утешителя происходит, таким образом, то обращение человеческого сердца, которое является необходимым условием прощения грехов. Без истинного обращения, включающего внутреннее раскаяние, и без искренней и твердой готовности к перемене грехи останутся "не отпущенными", как говорит Иисус, а с ним и вся традиция Ветхого и Нового Завета. Ведь уже первые слова Иисуса в начале его общественного служения гласят, согласно Евангелию от Марка: "Покайтесь и веруйте в Евангелие" (Мк. 1, 15). Укреплением этого призыва является "обнаружение греха", каковое совершает по-новому Святой Дух силой избавления, которое осуществлено чрез кровь Сына человеческого. Вот почему Послание к Евреям говорит о крови, которая "очистит совесть" (Евр. 9, 14). Это, следовательно, та кровь, которая открывает Духу Святому путь в глубочайшую глубь человека — в святилище человеческой совести.

43. Второй Ватиканский собор указал на католическое учение о совести, когда говорил о призвании человека и в особенности о достоинстве человеческой личности. Именно совесть особым и решающим образом определяет это достоинство. Ведь совесть есть "сокровеннейший центр и святилище в человеке, где он находится наедине с Богом, чей голос слышен в этой его глубочайшей глубине и отчетливо звучит в ушах сердца: *Делай это, избегай того*". Такая способность выбирать и возбранять зло, вложенная в человека творцом, есть центральное свойство личности. Но одновременно человек открывает "в глубине своей совести... закон, который он не сам себе дает, но которому обязан подчиняться" (Пастырское установление о Церкви в современном мире "Радость и надежда", 16). Таким образом, совесть не есть автономная и исключительная инстанция, призванная решать, что хорошо и что плохо; но в ней глубоко укоренен принцип послушания по отношению к объективной норме, каковая обосновывает и обуславливает согласие его решений с заповедями и запретами, лежащими в основе человеческого поведения, как это показывает уже цитированное место из Книги Бытия (ср. Быт. 2, 9, 17). В этом именно смысле совесть есть "глубочайшее внутреннее святилище", в котором, как эхо, отдается голос Божий. Это есть голос самого Бога, даже тогда, когда человек признает в нем исключительно признак морального порядка, в котором по-человечески нельзя усомниться, хотя бы и без прямого отношения к Творцу, хотя совесть именно в этом соотношении постоянно находит свое обоснование и оправдание.

"Обнаружение греха" под влиянием духа истины, о котором говорит Евангелие, может произойти в человеке единственно и только благодаря совести. Если совесть права, то она помогает "отвечающему истине решению всех многочисленных моральных проблем, какие возникают в жизни индивидуума и в общественной жизни; тогда лица и группы отказываются от слепого произвола и стараются следовать объективным нормам нравственности" (II Ватиканский собор. Пастырское установление о Церкви в со-

временном мире "Радость и надежда", 16). Плодом справедливой совести является, прежде всего, умение назвать добро и зло своим именем, как это и делает Пастырское установление "Радость и Надежда": все, "что... стоит в противоречии с самой жизнью, как-то: всякий род убийства, истребления народов, прерывание беременности, эутаназия, а также добровольное самоубийство; все, что нарушает неприкосновенность человеческой личности, как-то: калечение, телесное или душевное истязание и попытка оказать психическое насилие; все, что посягает на человеческое достоинство, как-то: бесчеловечные условия жизни, произвольное взятие под арест, насильственный увод, рабство, проституция, торговля девушками и торговля молодежью, равно как и недостаточные условия труда, при которых к работнику относятся как к простому средству достижения прибыли, а не как к свободному и ответственному лицу"; назвав эти многообразные, в наше время столь частые и распространенные грехи по имени, Установление добавляет: "Все эти и подобные деяния уже сами по себе позор; они разлагают человеческую культуру и гораздо больше лишают достоинства тех, кто творит несправедливое дело, нежели тех, кто от него страдает. Вместе с тем они суть в высшей мере противоречие против чести Творца" (там же, 27).

Назвать своим именем такие грехи, которые более всего бесчестят человека, и указать, что они суть моральное зло, которое в отрицательном смысле отягощает всякий баланс прогресса человечества, — все это собор описывает как этап "драматической борьбы добра и зла, света и тьмы", борьбы, которая определяет "всю совокупность человеческой жизни как индивидуума, так и общества" (там же, 13). Собрание епископского синода, рассмотревшее в 1983 году тему примирения и покаяния, уточнило личное и социальное измерение греха человека (ср. Иоанн Павел II. Апостолское послание в связи с епископским синодом "Примирение и искупление" от 2 декабря 1984, п. 16).

44. В трапезной Тайной вечери, накануне своего страдания, и далее вечером пасхального дня Иисус Христос сослался на Духа Святого как на того, кто свидетельствует, что в истории человечества продолжается грех. Однако грех подвластен спасительной силе избавления. "Обличение мира о грехе" не исчерпывается тем, чтобы назвать грех по имени и идентифицировать его во всем его многообразии. Когда мир обличается о грехе, происходит встреча Духа истины и человеческой совести.

На этом пути совершается приход к распознаванию корней греха, сокрытых в самой глубине человека, как подчеркивает упомянутое Пастырское установление: "В действительности нарушения равновесия, от которых страдает современный мир, связаны с более глубоко лежащим нарушением равновесия, которое коренится в сердце человека. Ибо в самом человеке содержатся многочисленные противоречивые элементы. А именно, с одной стороны, он, как тварь, сознает себя многообразно ограниченным, с другой же стороны, ощущает себя в своих желаниях не ограниченным и призванным к жизни высшего порядка. Между столь многими соблазняющими возможностями, какие представляются ему, он должен постоянно и неизбежно делать выбор и, следовательно, отказываться от того или другого. Как человек слабый и грешник он часто делает то, чего не хочет, а что он хотел бы сделать, не делает" (Пастырское установление "Радость и надежда", 10). Текст Собора опирается здесь на известные слова Святого Павла (ср. Рим. 7, 14 сл., 19).

"Обнаружение греха", каковое сопровождает человеческую совесть во всякой углубленной рефлексии о самой себе, ведет, таким образом, к раскрытию его корней в человеке, а также и обусловленности самой совести в ходе истории. Так мы вновь находим ту изначальную действительность греха, о которой мы уже говорили. Святой Дух "обличает о грехе" в соответствии с тайной начала, указывая на тот факт, что человек есть тварь и потому находится в полной бытийной и этической зависимости от Творца; вместе с тем он напоминает об унаследованной греховности человеческой природы. Однако Святой Дух, Утешитель "обличает о грехе" всегда с оглядкой на крест Христов. Этим указанием христианство отбрасывает всякий "фатализм" греха. "Жесточкая борьба против сил зла, борьба, которая началась уже с начала мира и по слову Господа "будет продолжаться до последнего дня", — так учит собор ("Радость и надежда", 37). "Но Господь сам пришел, чтобы освободить и укрепить человека" (там же, 13). Таким образом, отдалившись от этого и давая себя "заковать своей греховностью", человек, внимающий

голосу своей совести, "должен... постоянно бороться за свое решение в пользу добра, лишь с великим напряжением он может с помощью милости Божьей обрести свое внутреннее единство" (там же, 37). Собор по праву рассматривает грех как причину полома, отягощающего личную и общественную жизнь человека; но вместе с тем он непрестанно напоминает о возможности победы.

45. Дух истины, который "обличает мир о грехе", идет навстречу тому усилию человеческой совести, о коем столь впечатляюще говорят соборные тексты. Эти усилия совести определяют и многообразные пути человеческой перемены: речь идет о том, чтобы отвернуться от греха, дабы вновь восстановить истину и любовь в глубочайшем нутре человека. Известно, как порой дорого обходится признание зла в самом себе. Известно, что совесть не только предписывает и воспрещает, но в свете внутренних заповедей и запретов также и судит. Она есть также источник угрызений: человек внутренне страдает от совершенного им зла. Не есть ли это страдание дальний отзвук того "раскаяния в сотворении человека", какое антропоморфный язык Библии приписывает самому Богу, того "отвержения", которое происходит в "сердце" Троицы, но силой вечной любви становится болью креста в послушании Иисуса до смерти? Когда Дух истины заставляет человеческую совесть стать причастной к этой боли, муки совести становятся особенно глубоки, но и особенно целительны. Тогда свершается в акте полного раскаяния истинное обращение сердца, "поворот" согласно Евангелию.

Усилие человеческого сердца и совести, с которым происходит этот "поворот", или обращение, есть отражение, ответ того процесса, благодаря которому отвержение превращается в спасительную любовь, которая умеет страдать. Сокрытый податель этой целительной силы — Святой Дух: он, которого Церковь именует "светом сердца", пронизывает и наполняет "глубину человеческого сердца" (ср. Секвенцию Троицына дня: "Исполни недра сердца"). Через такое обращение в Духе Святом человек открывается прощению, отпущению грехов. Во всей этой удивительной динамике обращения и отпущения подтверждается истина того, что пишет о тайне человека Святой Августин в своем комментарии к псалму 41: "Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих". (Ср. также Августин. Толкование на Пс. XII, 13: "Итак, что же это за бездна, которая призывает бездну? Если бездна обозначает глубину, то не следует ли нам в таком случае считать, что сердце человека есть такая бездна? Ибо что есть глубже этой бездны? Люди говорят, движения их членов могут быть увидены, речи услышаны; но чьи мысли доступны прочтению, чье сердце можно увидеть насквозь?"). Во взгляде в эту глубину человека, человеческой совести, "глубокой, как море", как раз и совершается послание Сына и Святого Духа. Дух Святой "приходит" силой "ухода" Христа в пасхальной тайне: он приходит в каждом конкретном происшествии обращения и отпущения из силы крестной жертвы; ибо в нем "Кровь Христа очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному" (Евр. 9, 14). Так продолжают сбываться слова о Духе Святом как "другом Утешителе", слова, которые были обращены в трапезной Тайной вечери к апостолам и косвенно ко всем нам: "...вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет" (Ин. 14, 17).

6. Грех против Духа Святого

46. На фоне того, что мы только что пояснили, становятся понятней некоторые впечатляющие и ошеломляющие слова Иисуса. Мы могли бы их обозначить как слова "неотпущения". Они переданы нам авторами трех синоптических Евангелий и относятся к особому греху, который именуется "хулой на Святого Духа". Вот тексты их тройной редакции.

Матфей: "Всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем" (Мф. 12, 31—32).

Марк: "Будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения во веки веков, но подлежит он вечному осуждению" (Мк. 3, 28—29).

Лука: "И всякому, кто скажет слово на Сына Человеческого, прощено будет; а кто скажет хулу на Святого Духа, тому не простится" (Лк. 12, 10).

Почему хула на Святого Духа не прощается? Что надо понимать под этой хулой? Святой Фома Аквинский отвечает, что речь идет здесь о грехе, "который по своей природе неотпускаем, так как он исключает те элементы, ради которых происходит отпущение грехов" (Фома Аквинский. Сумма теологии, II, 14, 3; ср. Августин. Посл. 185, II, 48—49; Бонавентура. Комментарий к Евангелию от Св. Луки, гл. XIV, 15—16; К светлым водам, VII, стр. 314 сл.).

Согласно этому толкованию, хула состоит собственно не в оскорбительных словах против Святого Духа, но в отказе принять спасение, которое Бог уготовливает человеку чрез Святого духа, действующего силою крестной жертвы. Если человек отвергает то "обнаружение греха", которое исходит от Святого Духа и имеет спасительно-действенный характер, то тем самым он отвергает "приход" Утешителя, тот "приход", который совершается в пасхальной тайне, в единстве с избавительной силой крови Христа, которая "очистит совесть нашу от мертвых дел".

Мы знаем, что плод такого очищения есть отпущение грехов. Кто же отвергает Дух и Кровь, тот поэтому остается в "мертвых делах", в грехе. Хула на Святого Духа состоит именно в радикальном отказе от принятия того отпущения, глубочайшим внутренним посредником которого он является и которое предполагает истинное обращение, совершаемое им (Духом) в совести. Когда Иисус говорит, что хула на Духа Святого не прощается ни в этой, ни в будущей жизни, то причина этого состоит в том, что это "не-отпущение" закономерно связано с нераскаянностью, то есть с радикальным отказом обратиться. Это означает отказ напитать себя от источников спасения, которые тем не менее "всегда" остаются открытыми в спасительном порядке, по которому совершается посылание Святого Духа. Дух-утешитель обладает неограниченной властью черпать из этих источников: он возьмет от того, что мое, — сказал Иисус. Таким образом свершает он в душах людей свершенное Христом спасение, распределяя его плоды. Хула же против Духа Святого есть грех человека, который, ссылаясь на свое мнимое "право" упорствовать в зле — в любом грехе, — тем самым отвергает спасение. Такой человек остается в плену у греха, делая по собственной инициативе свое обращение невозможным, а с ним — невозможным и отпущение грехов, которое он считает несущественным и неважным для своей жизни. Вот она, ситуация духовного разрушения; ибо хула на Духа Святого не позволит человеку освободиться из плена, в который он сам себя заключил, и открыть себя божественным источникам очищения совести и прощения грехов.

47. Действие Святого Духа, направленное на спасительное "обнаружение греха", встречает в человеке, находящемся в такой ситуации, внутреннее сопротивление, как бы наталкивается на непроницаемую стену его совести, на душевное устройство, которое укрепилось, так сказать, на основе свободного выбора: Священное писание называет это обычно "ожесточением сердца" (ср. Пс. 81, 13; Иер. 7, 24; Мк. 3, 5). В наше время это состояние духа и сердца примерно соответствует утрате чутя к греху, чему посвящены многие страницы в Апостолическом послании о примирении и искуплении (Иоанн Павел II. Апостолическое послание от 2 декабря 1984 г. в связи с епископским синодом "Примирение и наказание", 18). Еще Папа Пий XII сказал, что "грех столетия есть утрата чутя ко греху" (Пий XII. Обращение по радио к национальному Катехизмальному конгрессу Соединенных Штатов Америки в Бостоне от 26 октября 1946 года; см. Беседы и речи по радио, VIII, 288); утрата же эта приходит вместе с утратой чувства Бога. В упомянутом послании читаем: "Бог есть фактически происхождение и наивысшая цель человека, и человек несет в себе божественный зародыш. Вот почему раскрывает и освещает тайну человека действительность Бога. Тщетно поэтому надеяться, что сознание греха по отношению к людям и людским ценностям останется незбылемым, если отсутствует чувство оскорбления, нанесенного Богу, то есть истинное сознание греха" (Иоанн Павел II. Апостолическое послание от 2 декабря 1984 г., 18).

Потому-то Церковь и молит постоянно Бога о милости, чтобы человек не терял первой совести и чтобы не притуплялось его здоровое чувство добра и зла. Эти качества, совестливость и чувствительность, глубочайше связаны с внутренним действием Духа истины. Отсюда особое значение получают предупреждения апостолов: "Духа не угашайте" (1 Фес. 5, 19); "...не оскорбляйте Святого Духа Божия" (Ев. 4, 30). Но прежде все-

го Церковь не устает молиться с величайшим усердием о том, чтобы грех, который Евангелие именует "хулой на Святого Духа", в мире не возрастал, но, напротив, уменьшался в душах людей — а значит и в пространствах самой жизни и в различных областях человеческого общества, — и чтобы вместо этого открывалась совесть, что непременно требуется для спасительного действия Святого Духа. Церковь просит о том, чтобы опасный грех против Духа уступил священной готовности принять его миссию заступника, когда он придет, чтобы "обличить мир о том, что есть грех и правда и суд".

48. Иисус в своей прощальной речи свел воедино эти три составные части "обличения" в послании Заступника: грех, правда и суд. Они обозначают пространства той тайной веры, которая противостоит в истории людей греху, тайне зла (Иоанн Павел II, Апостолическое послание от 3 декабря 1984 г.; 14—22). По слову Святого Августина, дело идет здесь, с одной стороны, о "любви к себе до презрения Бога", а с другой — о "любви к Богу до презрения самого себя" (ср. Августин. О граде Божьем, XIV, 28). Постоянно молится и старается Церковь в ее служении о том, чтобы история совести и общества в великой семье человечества не отклонялась к полюсу греха с отвержением Божественных заповедей "до презрения Бога", но напротив возвышалась до той любви, в коей открывает себя Дух, "который животворит". Кто дает себя "обличить о грехе" Святому Духу, дает открыться и "правде", и "суду". Дух истины, помогающий людям и их совести познать истину греха, дает им вместе с этим и познать истину той правды, которая вошла с Иисусом Христом в историю человека. Таким путем те, кто, "обличенные о грехе", обратятся чрез действие Утешителя, в известной мере выводятся из области суда, которым "князь мира сего осужден" (Ин. 16, 11). Обращение означает в глубине его божественно-человеческой тайны разрыв всех и всяких уз, какими грех привязывает человека к совокупной тайне зла. Кто обратится, тот освобождается, таким образом, Святым Духом из области "суда" и приводится к той правде, которая дана в Иисусе и которую он владеет, так как "принимает от Отца" (ср. Ин. 16, 15) ее как отблеск тронной святости. Такова правда Евангелия и избавления, правда Нагорной проповеди и креста, каковая обуславливает чистоту совести чрез кровь Агнца. Это — правда, которою Отец наделяет Сына и всех, кто связан с ним в истине и любви.

В этой правде открывает себя Дух Святой, Дух Отца и Сына, который "обличит мир о грехе" и становится сопричастующим в человеке как Дух жизни вечной.

Окончание в следующем номере

ГДЕ НАЙТИ ДОКУМЕНТЫ ООН?

*Открытое письмо Генеральному секретарю ООН
Хавьеру Пересу де Куэльяру*

Уважаемый господин Генеральный секретарь!

Я — инженер-патентовед (консультант по промышленной собственности) одного из научных учреждений Ленинграда, СССР. Я полагаю, что регулярное ознакомление с изданиями ООН, во-первых, поможет мне повысить эффективность моей профессиональной работы, а во-вторых, поможет мне лучше понять современную международную обстановку, состояние международного права и позиции отдельных стран по тем или иным вопросам, особенно относящимся к разоружению и к правам человека.

Однако ознакомление с изданиями ООН наталкивается на препятствия. Информация о возможностях приобретения изданий и документов ООН или ознакомления с ними весьма противоречива и вызывает ряд недоуменных вопросов. На многих публикациях ООН, поступающих в продажу, имеется надпись на шести языках, включая

русский: "Издания ООН можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира" (разрядка моя. — Э.С.). При отсутствии какого-либо издания в книжном магазине рекомендуется писать в секцию по продаже изданий в Организацию Объединенных Наций в Нью-Йорк или в Женеву.

Но ведь эта информация неправдива.

Издания ООН продаются не во всех районах мира. В частности, на территории СССР (включая территорию Украинской ССР и Белорусской ССР) издания ООН нельзя купить ни в каком книжном магазине или агентстве, их нельзя также приобрести, написав из СССР в Нью-Йорк или в Женеву. Кстати, на каталоге публикаций ООН, представленных на 4-й Московской международной книжной ярмарке (публикация ООН 40963, август 1985), соответствующая надпись выглядит иначе, а именно: "Необходимую вам литературу вы можете заказать через соответствующие библиотеки в СССР". Смысл этой надписи совершенно неясен: какие библиотеки являются "соответствующими"? Можно ли через библиотеку заказать литературу в личное пользование или лишь для чтения в читальном зале? Что значит "необходимая" литература, то есть обязан ли я документально доказать библиотеке, что та или иная публикация мне необходима? И даже если я это докажу, обязана ли библиотека заказать нужную мне книгу хотя бы для пользования в читальном зале? Или этот вопрос передан на дискреционное усмотрение дирекции библиотеки, которая будет учитывать не только свои финансовые возможности, но и свои собственные (а также различных государственных организаций) соображения о полезности той или иной публикации? По-видимому, имеет место последняя альтернатива. Но тогда что же остается от утверждения "вы можете заказать..."? Это означает, что вопреки утверждениям, помещенным на обложках публикаций ООН, граждане СССР заказать издания ООН вообще не могут.

Нелегко ознакомиться с изданиями ООН и в советских библиотеках. Я живу в Ленинграде и являюсь читателем Библиотеки Академии Наук СССР (кстати, этой библиотекой может пользоваться не каждый гражданин, а лишь сотрудники научных учреждений). Библиотека получает ряд изданий ООН, в том числе "United Nations Chronicle" и "United Nations Yearbook". Однако реально можно ознакомиться лишь примерно с половиной вышедших выпусков этих изданий, на чтение других надо иметь особое разрешение, получить которое нелегко.

На упомянутом каталоге (публ. 40963) помещена еще одна надпись: "Справку о публикациях ООН Вы можете получить в Информационном центре ООН по адресу: Москва 121002, ул.Луначарского, д. 4/16". Я отправился по указанному адресу и был глубоко разочарован тем приемом, который я там встретил. Правда, немало изданий — преимущественно издания Департамента публичной информации ООН — можно было без всяких затруднений получить в свободной раздаче. В этот раз, как и в прошлые посещения Информационного центра, я отобрал немало представляющих для меня интерес информационных изданий. Я признателен за это сотрудникам Информационного центра. Однако можно отметить, что ни одной резолюции, ни одного документа Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности получить было нельзя, хотя, насколько мне известно, Информационные центры ООН в других странах в ряде случаев подобную возможность посетителям предоставляют. Но главные неприятности меня ожидали, когда я попытался ознакомиться в читальном зале библиотеки Информационного центра с некоторыми из изданий ООН, представленных на прошедшей Московской книжной ярмарке и указанных в упомянутом выше каталоге. Прежде всего, от меня потребовали назвать не только свою фамилию, но и место работы, сославшись на предписание ООН. Я назвал и фамилию, и место работы, хотя не скрою, что это требование показалось мне излишним. После этого меня попросили представить еще ходатайство с места работы. Такого ходатайства у меня не было, но мне вначале сказали, что при первом посещении мне покажут несколько книг и без ходатайства, а вот при повторном посещении хода-

тайство совершенно необходимо. Мне выдали для чтения сборник "Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей ООН на XXXIX сессии", но с условием, чтобы я просматривал эту книгу лишь держа ее в руках, и ни в коем случае не клал ее на стол (под предлогом недостатка места в одном помещении и отсутствия гарантии сохранности книги при выносе ее в соседнее помещение). Таким образом, меня полностью лишили возможности сделать из книги какие бы то ни было выписки.

Я обратился к директору Информационного центра (он назвался Гелием Анатольевичем Днепровским). Но он не только подтвердил, что библиотекарь действовала в точности по его указаниям, но даже запретил ей при первом посещении показывать мне какие бы то ни было издания — до тех пор, пока я не представлю официального ходатайства с места работы. Я просил показать мне упомянутые в каталоге Московской ярмарки издания: "Руководство по составлению международных договоров на консультативный инжиниринг" (R.83.11.E.3) и "Права человека. Сборник международных договоров" (R.83.XIV.1) либо аналогичные издания на английском языке, но директор, к моему удивлению, категорически запретил показывать мне эти издания. Я обратил внимание директора Информцентра на то, что на Каталоге ярмарки (публ. 40963) указан почтовый индекс Информационного центра, и спросил его, какого рода справки или издания можно получить из Информационного центра по почте. Дело в том, что я бываю в Москве примерно раз в год и потому, естественно, весьма неполно приобретаю даже имеющиеся в свободной раздаче интересующие меня информационные издания, такие, например, как "Фактологический бюллетень по разоружению" ("Disarmament fact sheets"). Я спросил, нельзя ли высылать мне регулярно подобного рода издания (я мог бы оставить марки на почтовые расходы) либо откладывать их для меня на какое-то время (по одному экземпляру). Однако директор Информационного центра заявил, что это абсолютно невозможно — ни о какой высылке ни информационных материалов, ни каких-либо справок по запросам советских граждан без ходатайства организации не может быть и речи.

Я попросил директора Информационного центра сообщить мне, есть ли в Ленинграде библиотека-депозитарий ООН, а если ее нет сейчас, то за какие годы ранее издания ООН поступали на депозитарное хранение. Директор ответил, что сейчас библиотеки-депозитария в Ленинграде нет, а вопрос о судьбе ранее переданных на депозитарное хранение изданий "требует исследовательской(?) работы, которую Информационный центр проводить не может". Я же полагаю, что это типичная информационная справка, которую может и должен дать Информационный центр ООН. Не ответил директор Информационного центра и на мой вопрос относительно порядка пользования изданиями ООН в читальных залах библиотек-депозитариев: должны ли эти издания предоставляться для чтения любому гражданину или лишь при наличии ходатайства с места работы. В заключение я попросил директора Информационного центра ООН ознакомить меня с правилами или положениями, определяющими, какого рода информацию, кому и на каких условиях предоставляет Информационный центр ООН. Директор заявил в ответ, что все ранее сказанное им является точным изложением этих правил и положений, но категорически отказался ознакомить меня с текстом этих документов, сказав: "Я не обязан отчитываться перед каждым гражданином, я отчитываюсь перед ООН, — можете не сомневаться в этом". На это я заметил, что моя просьба никак не похожа на требование отчета (хотя и отчет Информационного центра ООН вряд ли подлежит засекречиванию) и что я не сомневался в том, что он отчитывается перед ООН, хотя, судя по его поведению, могу предположить, что он отчитывается не только перед ООН. На этом моя беседа с директором Информационного центра ООН в Москве закончилась. Эта беседа, как я уже сказал, оставила у меня чувство глубокого разочарования. Мне представляется, что не таким должно быть поведение международного должностного лица, получающего зарплату от ООН.

Я прошу Вас, господин Генеральный секретарь :

1. Распорядиться о прекращении помещения на обложках публикаций ООН неправдивых, вводящих в заблуждение утверждений о порядке приобретений изданий ООН (если, конечно, нет возможности создать условия, при которых эти утверждения станут правдивыми).

2. Сообщить мне:

а) каковы функции Информационного центра ООН и могу ли я ознакомиться с документами, определяющими эти функции?

б) соответствует ли, по Вашему мнению, описанное выше поведение директора Информационного центра ООН в Москве такому документу?

в) если не соответствует, то видите ли Вы какую-либо возможность для устранения такого несоответствия?

3. Сообщить мне, где и как я могу регулярно знакомиться с документами ООН, касающимися международной передачи технологии (на русском или английском языках).

4. Сообщить мне, каким образом я мог бы, бывая в Москве лишь раз в год, регулярно получать "Фактологический бюллетень по разоружению" (на русском или английском языках).

5. Сообщить мне, где и как я могу регулярно знакомиться с документами Комитета прав человека, Международного пакта по гражданским и политическим правам и с резолюциями Генеральной Ассамблеи, посвященными вопросам прав человека (на русском или английском языках).

6. Сообщить мне, имеется ли в Ленинграде библиотека-депозитарий изданий ООН, а если ее сейчас нет, то сохраняет ли соответствующая библиотека (предположительно — библиотека Ленинградского государственного университета) функции депозитария в отношении изданий ООН прошлых лет, и за какие именно годы.

7. Сообщить мне, осуществляют ли московские библиотеки — депозитарии изданий ООН (предположительно государственная Библиотека СССР имени В.И.Ленина и Институт научной информации по общественным наукам) функции полного (full deposit) либо частичного (partial deposit) депозитария.

8. Сообщить, каковы обязанности библиотек-депозитариев изданий ООН. Конкретнее: обязаны ли библиотеки-депозитарии предоставлять полученные ими издания для чтения в читальном зале любому гражданину или лишь определенным категориям граждан (например, научным работникам или лицам, работающим по заданию государственной организации)? Обязаны ли они предоставлять для чтения любое полученное ими издание ООН либо вправе производить отбор?

Я прошу Вас послать свой ответ мне по адресу: 193036, Ленинград (СССР), ул. Восстания, 13 кв. 33. Орловскому Э.С.

Если возможно, я желал бы, чтобы ответ был послан заказным письмом с уведомлением о вручении и чтобы в случае невозвращения уведомления была предъявлена претензия почтовой службе. Я сознаю, что это создает добавочные хлопоты для персонала ООН, но опасаюсь, что в ином случае я могу не получить Вашего ответа.

Я приветствовал бы, если бы мое письмо Вам было напечатано в любом периодическом издании, а особенно в издании, доступном для граждан СССР. То же относится и к публикации Вашего ответа мне.

Поставленные мною вопросы могут многим показаться несущественными, но я думаю, что затруднения в ознакомлении с изданиями ООН тормозят столь необходимый ныне процесс достижения взаимопонимания между народами, и потому считаю эти вопросы немаловажными. ●

НА ПОКЛОН В СТРАНУ СОЦИАЛИЗМА

Какому мыслящему человеку, живущему в СССР, не приходилось удивляться и возмущаться, читая рассказы о том, как иностранные гости, знаменитые люди — Бернард Шоу, Лион Фейхтвангер, Анри Барбюс — пели дифирамбы советской системе, причем не когда-нибудь, а в самые отвратительные ее времена. Удручающий этот феномен — поклонение западной интеллигенции тоталитаризму — к сожалению, существует, хотя и в несравненно меньшей степени, до сих пор. Американский социолог Пол Холлендер, посвятивший много лет изучению социалистических систем, написал об этом целую книгу под названием "Политические паломники."

"Воздух, которым дышишь на Западе — застойный и гнилой... Вдыхаешь свободно, попар из этой давящей атмосферы лжедемократии и лицемерного гуманизма в живительную атмосферу Советского Союза". Это писал Фейхтвангер, автор известной книги "Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей."

Ему вторил известный американский журналист Луис Фишер: "Мне нравились Советы, потому что это был эксперимент в интересах угнетенного большинства, потому что они уничтожили привилегии горстки могущественных, потому что они были слабы и потому что против них были консерваторы и реакционеры всего мира". Последнее замечание стоит принять к сведению. Ведь и Фейхтвангер восторгался сталинским Советским Союзом главным образом оттого, что видел в нем бастион, противостоящий фашизму.

Английский квакер Д.Ф.Бакстон: "Коммунисты в самом деле возродили идеалы, по своему историческому происхождению и по своей сущности христианские, и применили их там, где их давно следовало применить, — к обществу и к нашему общественному долгу... Несмотря на весь их антирелигиозный жаргон, их общество — более христианское, чем наше".

Остроумцу и парадоксалисту Бернарду Шоу принадлежит следующее замечательное высказывание о советских лагерях: "В Англии нарушитель закона входит (в тюрьму) обычным человеком и выходит законченным преступником, в то время как в России он входит... законченным преступником и вышел бы обычным человеком, если бы не было так трудно вообще уговорить его выйти. Насколько я понял, они (заключенные) могли оставаться в лагере сколько хотели."

Цитаты такого рода можно продолжать бесконечно. Иностранцы писали о том, как замечательно воспитывают детей в Советской России, как привольно живет старикам, какая целеустремленная, бодрая, счастливая молодежь идет на смену поколению революционеров, и так далее.

Отзывы о самом товарище Сталине отличались не менее восторженным тоном. Особый вклад в мифологию сталинизма сделал посол США в Москве Джозеф Дэвис. Как замечает Холлендер, Дэвис прожил в Советском Союзе довольно долго, но умудрился сохранить в неприкосновенности свои толстые розовые очки. Без тени улыбки Дэвис писал, что "Сталин настаивал на проведении либеральной Конституции, хотя этот либерализм и ставил под угрозу его власть и партийный контроль". Фейхтвангеру казалось, будто цель Сталина — "осуществление социалистической демократии". Видный иерарх англиканской церкви архиепископ Кентерберийский Хьюлетт Джонсон слыл верным другом Советского Союза, и не зря. "Сталин — отнюдь не восточный деспот. Это видно из его новой Конституции. Это видно из его готовности ограничить свою власть. Это видно из его решимости вести свой народ новыми и незнакомыми путями демократии. Насколько легче было бы расширить собственную власть и установить самодержавное правление". Блестящий американский публицист-негр В.Е.Б.Дюбуа выдал Сталину

такую аттестацию: "Он не хотел ни поклонения, ни мщения." Но, пожалуй, всех превзошел немецкий писатель, автор популярных в свое время исторических романов Эмиль Людвиг, который провозгласил, что Сталин — это "властитель, которому я доверил бы воспитание своих детей..."

Московские процессы 1936 г. несколько охладили обожателей Советского Союза, но далеко не всех. Кое-кто нехотя признался, что суд происходил с нарушением правовых норм, но оправдывал это тяжелым положением "молодой Советской республики", будто бы окруженной врагами. Мало кто из "паломников" сомневался в подлинности признаний подсудимых. Эптон Синклер писал журналисту Юджину Лайонсу (который провел в СССР семь лет, с 1927 по 1934 год, и в конце концов понял сущность советского строя): "Вы говорите о 'явно фальшивых судах'. Мне представляется явным совершенно обратное. Снова и снова я задаю себе вопрос: есть ли какая-либо пытка, какие-либо способы устрашения, физические, душевные или нравственные, которые заставили бы их пойти на такое (то есть на ложное признание вины. — *Е. Ю.*)? Эти люди выстояли перед худшим, на что была способна царская охранка... Я считаю, что большевикам пришлось бы позволить агентам ГПУ растерзать их на части, прежде чем эти люди сознались бы в чем-то, чего не совершали".

Анри Барбюс, выпустивший в 1935 г. книгу о Сталине с подзаголовком "Человек, сквозь которого виден новый мир", ужасался — не сталинскому произволу, а "злодеяниям" подсудимых: "Что за подземные маневры, что за коварные планы и заговоры!" И особенно горько читать высказывания одного из крупнейших писателей 20—40-х годов, Бертольда Брехта: "Даже в глазах злейших врагов Советского Союза эти суды представили ясное доказательство того, что существуют активные заговоры против режима..." По мнению Фейхтвангера, "если бы эту сцену суда подготавливал режиссер, понадобились бы годы репетиций и тщательной тренировки".

Упомянутый выше посол США Дэвис, юрист по образованию, по-видимому, вполне искренне восхищался прокурором Вышинским, которого он описывал как человека "спокойного, бесстрастного, интеллигентного, способного и мудрого". По словам Дэвиса, Вышинский "вел дело о государственной измене в такой манере, что я, как адвокат, проникся к нему уважением и восхищением".

Дэвис уверял своих читателей, что массовые казни в СССР в 30-е годы "в самом деле очистили страну"; именно этим он объяснял отсутствие пятой колонны в Советской России при вторжении немцев. (Об армии генерала Власова Дэвис, вероятно, не знал, что при его уровне осведомленности неудивительно.)

Американская журналистка Элла Винтер благоговейно расписывала гуманность советского правосудия: "Преступление, согласно советскому закону, — это результат антагонизмов, существующих в классовом обществе... Слово "наказание" отвергнуто и заменено понятием "мера социальной защиты"... Сроки заключения коротки, отбыв свой срок, нарушитель возвращается к повседневной жизни... Советская криминология, как мне представляется, основана на идее, что в действительности "преступник" — это не преступник. С ним не следует обращаться как с поверженным. Он — "несчастный", больной, слабый или неприспособленный и подлежит воспитанию, которое сделает его нормально функционирующим членом общества. Эта теория осуществляется на практике в коммунах, которыми заведует ОГПУ".

"Коммуны", о которых писала мисс Винтер, — это, разумеется, лагеря. Мнение о том, что советское правосудие отказалось от идеи наказания и заменило ее идеей исправления, в тридцатых годах стало общим местом европейских и американских публикаций о Советском Союзе. Заодно превозносили и более конкретные достоинства "коммун", прежде всего — человеческое отношение к заключенным, которым предоставлена максимальная личная свобода, насколько это возможно в лагерных условиях. Харольд Ласки, один из крупнейших английских политологов, авторитетно расхваливал гуманные условия в советских тюрьмах и лагерях (вплоть до "абсолютной тишины в читальнях"). Мэри Колкотт описывала идиллическую жизнь узников, которые за работой "болтали и смеялись... явно получая удовольствие". Заключенные, строившие канал "Москва—Волга", по мнению Колкотт, все могли бы сбегать, а значит — остаются по доброй воле.

Число известных, талантливых и неглупых людей, так или иначе втянутых в этот театр абсурда, измеряется не десятками, а сотнями. Холлендер упоминает вышедший в 1932 г. сборник очерков о Советском Союзе — все они носят апологетический характер. В книге представлено более ста авторов, в большинстве своем не сторонников коммунизма. Хватаешься за голову, читая их имена — и какие имена! Оба Манна — Генрих и Томас, Герхарт Гауптман, Анатоль Франс, Анри Барбюс, Ромен Роллан, Андре Моруа, Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Теодор Драйзер, Джон Дос Пассос, Эптон Синклер... Конечно, речь идет о более или менее далеких временах, — массовое увлечение западной интеллигенции советским тоталитаризмом давно прошло. Даже самые упрямые, не желавшие видеть очевидное, рано или поздно сталкивались с такими действиями и поводами советской власти, которые уже невозможно было оправдать. Тем не менее упомянутый выше Хьюлетт Джонсон, чилийский поэт Пабло Неруда, американский социолог Джером Дэвис (не путать с послем Дэвисом), английские социал-демократы Сидней и Беатриса Уэбб так и остались до конца своих дней преданными поклонниками советской системы. Другие, убедившись в своей ошибке, нашли, как им показалось, более подходящие объекты поклонения: сначала Китай, потом Кубу. В некоторых отзывах более поздних западных паломников на Кубу или в Северный Вьетнам стоит только заменить имена и названия — и можно подумать, что читаешь все те же панегирики Советской России.

Но книга Пола Холлендера "Политические паломники" — не просто каталог наивности и самообмана. Автор задается вопросом, что побудило столько честных и умных людей (если допустить, что все были и честными, и умными), что побудило их годами нести в своих книгах и статьях всю эту огню не безвредную чушь? Лучший ответ, вероятно, дает цитата из Сола Беллоу, взятая в качестве эпиграфа: "Когда потребность в иллюзиях велика, люди готовы потратить немало умственных сил на то, чтобы сохранить свое невежество." Людям духа свойственно критическое отношение к обществу, в котором они живут. И, разумеется, в любом обществе есть что и кого критиковать. При этом демократическое общество особенно располагает к самокритике. Как пишет Холлендер, "существует поразительная диспропорция между недоступностью зрительной информации о наиболее репрессивных полицейских государствах... и изобилием такого рода информации об Америке и других западных странах", а зрительная информация — на фотографиях или на телеэкране — действует куда сильнее, чем статистика или словесное описание.

Согласно анализу Холлендера, критическое отношение к обществу приводит интеллектуала подчас к полному отчуждению от этого общества, к поискам чего-то лучшего, — к утопизму. Интеллектуалы-утописты, пишет автор, склонны считать, что "стремление к счастью", упомянутое в американской Декларации Независимости, — это дело не каждого отдельного человека, а общества в целом; общество обязано построить жизнь так, чтобы все были счастливы. Отсюда привлекательность для таких интеллигентов "планового" общественного строя. Есть в таком подходе, по мнению Холлендера, и некоторый элемент корысти (чаще всего неосознанной): ведь планированием кому и заниматься, как не умственной элите? На многих культурных людей производила сильное впечатление та роль, которую интеллигенция играет в посещаемых ими коммунистических странах; о том, что эти писатели, артисты, ученые и т.д. — рабы режима, сумел догадаться не всякий. В то же время их собственное, западное общество представлялось этим сторонним зрителям хаотичным, разобщенным, деморализованным, бездуховным; "социализм" в Советском Союзе или на Кубе становился для них примером более совершенного порядка, построенного по абстрактному рецепту, образцом общества, руководимого идеологией.

Поразительно, что писатели и журналисты, превыше всего на свете ценившие свою независимость, индивидуализм и свободомыслие, рассматривавшие свою изоляцию в западном обществе как признак более высокого духовного устройства, на самом деле — об этом говорят их заявления, их готовность петь хвалы тоталитаризму — тосковали по сильной власти, сочувствовали обществу, в котором господствует радостное единomyслие, государству, где все как один стремятся к великой общей цели. Они гордились своим скептицизмом по отношению к ценностям западного демократического общества — и в то же время твердили, как Фейхтвагнер, о том, что на Западе господствует без-

верие, усталость и равнодушие к добру и злу, тогда как в Советском Союзе (вместо которого, как уже было сказано, можно подставить, в зависимости от эпохи, Китай, Кубу или Вьетнам) народ с уверенностью смотрит в будущее и ни в чем не сомневается. У себя дома эти люди рассматривали любое стеснение их воли и права на самовыражение как нестерпимый деспотизм (особенно распространены были такие настроения в 60-е годы), а в качестве политических пилигримов воспевали социалистическое общество, где личность растворяется в коллективе и все едины. Они рассматривали критику своего правительства и общественного строя собственной страны как священный долг и превозносили страну, где за подобную критику люди расплачивались свободой, а порой и жизнью.

Разумеется, совсем не обязательно при таких взглядах самому жить в счастливом социалистическом государстве. Большинство тех, о ком идет речь, как известно, предпочитали совершать более или менее частые паломничества в социалистическую Мекку, а жить все-таки при "гнилом" буржуазном строе. Но от мысли о том, что идеал на земле осуществим, более того — несмотря на отдельные недостатки, он реально существует, — жить им становилось веселее. А главное, критика собственного общества приобретала смысл и целенаправленность. Пока, живя на Западе, они говорили: "Да, мы самая свободная, самая процветающая страна в мире, но вот такие-то и такие-то общественные язвы у нас все-таки есть, и с ними надо бороться", — эффект получался не очень сильный. То ли дело возможность торжествующе воскликнуть: "Смотрите, как у них хорошо, а у нас — плохо!"

Мы уже сказали, что лишь сравнительно немногим западным поклонникам "социализма" удалось со временем освободиться от запрограммированной идеализации Советов. Сделать это было нелегко, как рассказывает журналист Юджин Лайонс в замечательной книге "Командировка в Утопию". К сожалению, в исследовании Холлендера этой книге уделено меньше внимания, чем она заслуживает. Лайонс мастерски вскрыл психологические механизмы, превращавшие зачастую неглупых и доброжелательных людей в "полезных идиотов". Одни, приезжая в СССР, сознательно отгораживались от неприглядной действительности — настолько велика у них была потребность в вере. Другие обманывали других: сами они видели, что происходит, но объясняли это "революционной необходимостью", "временными трудностями" и пр. — и считали своим долгом скрывать так называемые негативные стороны советской действительности от западной публики. Они объясняли впоследствии, что не хотели играть на руку реакционерам, чтобы ненароком не отпугнуть людей от великого социалистического эксперимента. К числу таких людей долгое время принадлежал и сам Лайонс, в чем он с горькой откровенностью признался в своей книге.

Другие не нашли в себе такого мужества. Лайонс пишет, что ему не раз приходилось говорить с приезжими американцами и европейцами, в частных беседах они весьма откровенно рассказывали об увиденном, говорили даже о том, что верить в большевистскую революцию больше невозможно. А вернувшись домой, строчили книги и статьи, выступали с лекциями — совсем в другом роде...

В числе тех, кто не без ироничной доли цинизма оправдывал "отдельные недостатки", оказался, увы, Бернард Шоу. Это имя здесь уже упоминалось не раз. Приведем, пользуясь случаем, рассказ Ю.Лайонса из названной выше книги. На встрече с группой советских писателей в Москве в 1931 г. Шоу заявил, что на Западе ходят всякие злостные слухи о голоде в Советском Союзе, но он-то хорошо знает, что все это вранье и буржуазная пропаганда, и, чтобы показать, что не верит этим рассказам, выбросил привезенные с собой из Англии припасы из окна поезда, не доезжая до советской границы. На другой день, когда Шоу обедал в "Метрополе" с женой одного из американских корреспондентов, она сказала ему, что русские очень жалеют — зачем же он не подождал и не выбросил свои припасы на советской территории. "Шоу оглядел ресторан, — пишет Лайонс, — и спросил с улыбочкой: "А где вы, собственно, видите нехватку продовольствия?" Собеседница попыталась ему объяснить: "У меня есть четырехлетняя дочка, — сказала она. — Как иностранка я могу купить столько молока, сколько ей нужно, но если бы мне пришлось зависеть от русских молочных пайков, моей девочке пришлось бы плохо". — "Так кормили бы ее грудью! — отрезал Шоу. — Эксимосы кормят грудью детей до двадцатилетнего возраста".

Рассказы о социалистическом рае в западной прессе объясняются не только наивностью (или нечестностью) некоторых паломников. Пол Холлендер уделяет много внимания разбору того, что он называет "техникой гостеприимства". Часть этой техники, разработанной в СССР с большой виртуозностью, состояла в эксплуатации не лучших сторон человеческой натуры либо представляла собой прямой подкуп. Гостей не только окружали комфортом; хозяева умело играли на их самолюбии. Писатели и публицисты, у себя на родине не пользующиеся особой известностью, в Советском Союзе вдруг оказывались в центре внимания. К арсеналу "техники гостеприимства" принадлежат, конечно, и потемкинские деревни. Проверенные гиды помогали гостям увидеть то, что предназначалось специально для их глаз. Особенно яркий пример — посещение "пилигримами" советских тюрем и лагерей. Отзывы, которые мы цитировали выше, нельзя целиком списать на счет наивности, самообмана и тому подобных субъективных факторов: сыграла свою роль, конечно, и тщательная инсценировка. Во-первых, иностранные гости посещали, как правило, те места заключения, где содержались уголовники, а не политзаключенные, — а с уголовными преступниками, как известно, советская власть всегда обращалась более гуманно. К приезду знатных гостей — об этом писал еще Солженицын — экам выдавались новые ватники, в лагерных ларьках появлялось невиданное изобилие продуктов (на следующий день исчезающих). Доходило до того, что на день посещения гостей вокруг лагеря снимали колючую проволоку и даже разбирали сторожевые вышки. Почти все посетители, включая Элеонору Рузвельт, попадались на эту удочку.

Книга Холлендера "Политические паломники" не потеряла своей актуальности по сей день. Бесспорно, у сегодняшних революционно-социалистических режимов куда меньше почитателей и трубадуров, чем было, например, в свое время у Советского Союза. И все же они не перевелись. Несмотря на то, что в октябре прошлого года сандинисты выпустили декрет, отменяющий в Никарагуа все основные гражданские права, в Соединенных Штатах до сих пор находится немало профессоров, студентов, священников-активистов и прочих, которые ездят на поклон в Никарагуа. Побыв там две недели, они возвращаются, чтобы поведать на страницах американских газет о том, как новые правители неустанно заботятся о благосостоянии народа. Быть может, им было бы не вредно прочесть книгу Пола Холлендера. ●

Е. Юнг

ОТ АНАТОЛЯ ФРАНСА ДО ЭВРИ ШАЦМАНА

Катастрофическое поражение Французской коммунистической партии на парламентских выборах 16 марта не было неожиданностью: его ждали все, в том числе и сами коммунисты. Может быть, не думали, что падение будет таким глубоким: партия, когда-то мобилизовавшая в свою поддержку треть нации, собрала 10% голосов. Как же это произошло? Почему одна из могущественных коммунистических партий западного мира превратилась в захудалую политическую группу, собирающую столько же голосов, сколько подано за злобных, но бессильных неонацистов из Национального фронта?

Французскую коммунистическую партию называли когда-то "le parti de l'intelligence" — партией интеллекта — и, значит, интеллигенции. Предоставлю слово одному из знаменитых ее членов — из тех, кто присоединился к ней в 1921 году, практически при ее основании: "Пять лет назад, — произнес этот пламенный молодой коммунист, — Советская республика родилась в нищете. Непобедимая, она явилась носительницей нового духа, грозящего гибелью всем правительствам несправедливости и угнетения, которые делят между собой землю". Эти строки написаны Анатолем Франсом и напечатаны в "L'Humanite" 8 ноября 1922 г. — к пятилетию Октябрьской революции. Да, в двадцатых годах престиж коммунистической партии Франции был столь высок, что в рядах ее находились такие люди, составлявшие национальную гордость, как Анатолий Франс, Поль Элюар, Арагон, Пикассо, Поль Ланжевен, Фредерик Жолио-Кюри, Клод Руа... Интеллигенция тянулась к Партии — ей казалось, что

Партия воплощает в себе великодушие, социальную справедливость, самоотверженную принципиальность, здоровье, антиэгоистическое начало. Буржуазная культура между двумя войнами становилась все более индивидуалистической, противостоять ей можно было, опираясь лишь на одну общественно-политическую силу: на коммунистов. Рядом, в Германии, росли ядовитые грибы нацизма, вооружались погромщики, печатали шаг штурмовики; на юге, в Италии, укреплялись жадные до завоеваний фашисты в черных рубашках. Кто противостоял разгулу зла? Советский Союз во главе с его вождем. И вот трепетнейший французский лирик нашего века Поль Элюар пишет строки, которые нельзя читать без дрожи в голосе:

Сталин для нас живет и в завтрашнем дне,
Сталин сегодня рассеивает беду,
Доверие — плод твоего мозга любви
(de ton cerveau d'amour)
Разумная гроздь — так она совершенна...

Неужели Элюару было не совестно?

А другой поэт, Рене Деппестр, в 1949 г. воспевал семидесятилетие нашего вождя:

Пою твои губы, которых не тронет ложь,
как ржавчина не тронет золота,
Пою твою доблесть, не ведающую трещин,
Пою миллионы голубей,
которыми полны твои руки,
Слава тебе, друг всех народов...

А потом — потом партия сделала все, чтобы от нее отвернулись те, кто держался за нее, как в шторм держатся на корабле за канат, даже зная, что он гнилой. Двадцать лет — до 1976 г. — партия скрывала от французских коммунистов доклад Хрущева на XX съезде; когда в 1976 г. стало известно, что ЦК обманывал коммунистов, отрицая существование известного всему миру доклада, из партии ушли тысячи. Но до того был 1968 год: май 68-го, когда студенты сооружали баррикады, а члены первой революционной Партии насмехались над ними и от них отвернулись; август 68-го, когда советские войска вторглись в Чехословакию; осень 68-го, когда пражские реформаторы были насильственно заменены догматиками, назначенными Москвой.

1968 г. вызвал глубокий кризис французского коммунистического движения, но тогда у руководителей ФКП хватило ума хотя бы внешне, сквозь зубы осудить вторжение в Чехословакию. Десять лет спустя, когда советские войска вторглись в Афганистан, генсек ФКП Жорж Марше показался из Москвы французским телезрителям и одобрил советскую агрессию. Начались события в Польше: родился свободный профсоюз "Солидарность", набравший десять миллионов членов, и генерал Ярузельский объявил войну собственному народу. Французское же Политбюро компартии устами того же Марше осудило польских профсоюзников и одобрило душителей Польши.

Каждый из перечисленных эпизодов стоил ФКП многих тысяч сторонников. В наши дни нельзя быть безнаказанно на побегушках у Москвы. И дело отнюдь не в том, что на Западе сильна антикоммунистическая агитация. Само руководство ФКП словно намеренно отбрасывает от себя массы приверженцев и, прежде всего, интеллигенцию. Последним шагом компартии в этом направлении был демонстративный отказ от участия в блоке левых сил: избиратели с изумлением увидели собственными глазами, что коммунисты получили директиву содействовать победе правых; ФКП порвала с социалистической партией и, призвав избирателей голосовать против нее, укрепила правый блок. Такая тактика была расценена как недвусмысленное предательство, и партия потеряла последних приверженцев из числа интеллигенции. Были в партии прежде и физики, и художники, и поэты — причем лучшие из лучших. Сегодня не осталось даже карьеристов — никого.

Характерный пример — профессор Эври Шацман, прославленный астрофизик, изучающий проблемы внеземных цивилизаций. "Дети Урании" — так названа его новая книга, в которой обсуждается возможность и даже неизбежность существования инопланетных культур. Жизнь Эври Шацмана (ему 65 лет) похожа на другие биографии его сверстников: гибель отца, еврея-дантиста, в немецком лагере, подполье, Сопротивление, членство в Союзе Коммунистической молодежи, а потом и в Пар-

тии — с 1944 года... Шацман был истовым коммунистом. Но его сознание, его совесть и ум мыслящего ученого не могли смириться со ставшими ему известными фактами: злодейское "дело" врачей-убийц, разоблачения на XX съезде преступлений сталинского периода, многое другое. В 1956 г. Эври Шацман приехал в Ереван на конгресс астрофизиков. Однако Шацман провел на конгрессе всего два дня: он узнал от тетки своей жены, что ее муж погиб в сибирском лагере, куда его отправили за "контакты с иностранцами" — погибший был инженером на заводе цветных карандашей, построенном в 1937 г. немецкой фирмой "Фабер"...

До 1959 г. профессор Шацман еще терпел. Наконец, он хлопнул дверью и порвал с партией, многолетняя связь с которой теперь вызывает у него стыд. И сейчас, почти тридцать лет спустя, он не может спокойно говорить о словосочетании "научный социализм". Шацман утверждает: "В области политики ссылка на научную истину преступна, потому что она вполне логично заставляет вас отправлять в тюрьму или в психиатрическую лечебницу инакомыслящих". О себе самом он с удивлением и даже негодованием говорит: "Я терял всякую трезвость суждений. Я писал фразы, от которых краснею". Сегодня Эври Шацман — член Академии Наук, руководитель сектора астрофизики в Национальном центре научных исследований — принадлежит к многочисленной группе интеллигентов его поколения, разочаровавшихся в том социализме, которому произвольно присвоено неподобающее ему прилагательное "научный".

История Эври Шацмана показательна: это история благородного, великодушного человека, жертвы нацистского варварства, идеалиста, романтика, который искал выход в коммунизме и в принадлежности к Партии. С поры его романтических увлечений прошло сорок лет. Все иллюзии разлетелись дымом, осталась горечь обиды, неприязнь к сознательным обманщикам (которых немало) и сочувствие к бессознательным (которых больше). Даже 10% избирателей, которые сегодня еще сохранили верность коммунистической партии, постепенно тают; во всяком случае, интеллигенция в этой партии почти не осталась. А ведь какая была и сколько в те годы, когда членом ФКП стал Анатолий Франс! Впрочем, если бы Анатолий Франс, автор "Острова пингвинов", дождался наших дней, он скорее всего поступил бы так же, как профессор-астрофизик Эври Шацман. ●

Е. Эткинд

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

А ГДЕ ЖЕ ПОРТРЕТ?

Недавно в Финляндию к художнику Репину в его "Пенаты" выехали председатель АХРП Григорьев, генеральный секретарь АХРП Кацман, член президиума Радимов и член АХРП Бродский со специальными поручениями от Главнауки НКП для закупки последних произведений знаменитого мастера. Ахровцы повезли к Репину специальное письмо, подписанное многими московскими и ленинградскими художниками АХРП, с приветом и приглашением посетить Советскую Россию для ознакомления с положением искусства.

Репин был чрезвычайно взволнован и растроган приездом к нему из Советской России художников-ахровцев и подчеркнул, что он этот приезд считает "исключительным днем своей жизни".

Получив от ахровцев подробную информацию о положении искусства в Советском Союзе, Репин пожертвовал музею Революции несколько прекрасных эскизов на темы первой русской революции 1905 г. и портрет Керенского.

В данный момент Репин нездоров и не может приехать, но дал твердые обещания по выздоровлении приехать в Советскую Россию.

"Известия", 8 июля 1926 г.

А ГДЕ ЖЕ ЮРИЙ РЕПИН?

По сведениям, полученным АХРП, в Ленинград приехал из Финляндии сын Ильи Репина, художник Юрий Репин, который вступает в АХРП.

"Известия", 18 августа 1926 г.

ВО ИМЯ
ЧЕТВЕРТОГО ВРЕМЕНИ

”Я пытаюсь в этой книге соединить три времени: прошлое, настоящее и будущее во имя четвертого времени — искусства”. Эти слова из автобиографической повести Варлама Шаламова ”Четвертая Вологда”, кажется, можно поставить эпиграфом ко всякой книге воспоминаний.

Западные русскоязычные издательства выпускают много мемуаров, документальной прозы, в эмиграции все это читается с особой жадностью. Выпав из искусственного мирка советского времени, мы пытаемся, с неизбежными потерями и издержками, обрести себя во времени общечеловеческом.

В настоящем обзоре сделана попытка сблизить писателей, весьма непохожих друг на друга, но это книги, воссоздающие атмосферу времени, показывающие человека — во времени. Кроме собственно мемуаров, сюда включен сборник писем, драгоценнейший источник сведений о прошлом. Драгоценный именно вследствие своей нелитературности, безыскусственности, сиюминутности оставленной в письмах жизни. Впрочем, сказать, что к литературе эти письма никак не относятся, тоже нельзя: речь идет о переписке Владимира Набокова с сестрой Еленой (издательство ”Ардис”, 1985).

Принадлежа в равной степени двум литературам, русской и американской, В. В. Набоков все еще остается предметом изучения главным образом англоязычных исследователей, — о качестве умолчим. На русском языке ни сколько-нибудь серьезных научных работ, ни био-библиографических материалов об этом авторе не существует. (О книге З. Шаховской ”В поисках Набокова” я не забыла...) Тем приятнее появление переписки, охватывающей почти тридцать лет. Оговорюсь сразу: читатель, ожидающий найти в этой небольшой книжке *писателя* Набокова, будет разочарован. Упоминания о собственном литературном труде скупы. ”Мой роман выходит в начале июня”, ”буду писать новую вещь... муза тянет за полу и скулит”, ”работаю над серией рассказов...” Зато мы обнаружим здесь выразительные детали частной жизни Набокова, увидим его самого в отношении к дому, семье, окружающему миру. Поразительнее же всего то, что рядом с его мощной фигурой образ корреспондентки нисколько не тускнеет, не заслоняется, но встает на фоне писем ничуть не менее притягательным силуэтом.

Первое после долгой разлуки и молчания письмо, датированное 1 октября 1945 года, отправлено из Праги, где сестра Набокова, Елена Владимировна Сикорская, пережила войну. Набоков все эти годы провел в Америке, в Бостоне, он преподавал литературу и работал со своими любимыми бабочками в знаменитом Гарвардском научном музее. Сестру и брата разделяет не только семилетняя разлука, не только океан, но и невероятная разница в том, как прошли для них эти годы. Первое письмо сестры — конспективный рассказ о времени, в которое вместились рождение ребенка, война, голод, гитлеровская оккупация, бомбежки, приход советской армии, аресты русских эмигрантов. Но и наступившие, по выражению Пастернака, ”времена немислимого быта” немногим легче: ”Нам грозит трудная зима. Угля нет, продовольствия нет, все еще живем по карточкам, молока нет, фруктов нет, зелени нет. Ужасно с одеждой.” В другом письме: ”Мы были все время так близки к смерти, что к этому совершенно привыкли, также и к тем жалким условиями жизни, которые, увы, все продолжают, и конца не видно.” Через несколько месяцев: ”Живем под лозунгом картошки и хлеба.” И над всеми этими тяготами и заботами — черная тень советских порядков, о которых упоминается вскользь, но достаточно ясно: ”Очень много наших знакомых уезжали этим летом на дачу, но многие вернулись.” Дача — так называет Елена Сикорская НКВД—МГБ.

Однако ни неустроенность, ни страх, ни душевный неуют и нудная работа, от которой "мозги покрываются серой пылью", не заслоняют главного в ней: жадного интереса к жизни, умения наслаждаться скромными ее дарами, будь то стихотворная строчка, прогулка с сыном или "прелестный изгиб ветки или арки". Духовная сторона жизни в письмах теснит материальную, отодвигая все насущные заботы куда-то в угол. Пытаясь дотянуться через океан до старшего брата, Елена Сикорская болезненно-остро переживает его почти недостижимую отдаленность: "Мне ужасно думать, что когда-то я знала все, что ты написал, каждая строчка была мне знакома, а теперь эта пропасть семи лет стоит между нами, и я боюсь, что, может быть, ты иначе чувствуешь, чем я, и не сможешь перешагнуть через нее..." Но пропасть преодолевается чуть ли не в первом письме — и какое упоительное занятие наблюдать, как восстанавливается живая духовная связь между братом и сестрой, проследить истоки этой близости, слышать, как звучат в унисон эти два голоса, не сливаясь в один, но дополняя и обогащая друг друга.

Изысканная образность набоковской прозы легко и непосредственно входит в душевный мир его сестры, становится частью этого мира. В письмах из послевоенной Праги постоянно возникает Цинцинат из "Приглашения на казнь": вот она пишет о том, что перешла работать в министерство, скучает по библиотеке, где работала раньше, по книгам, но "вначале было лучше здесь. Там смотритель все надевал рыжую бороду и танцевал с Цинцинатом". Описывая новые порядки в Праге, она замечает: "Я все время с тех пор вспоминаю милого Цинцината. Я видела и булочников, жонглирующих французскими булками, и розы в стаканах на приеме в ратуше..." Для сестры Набокова Цинцинат — символ подлинности посреди неподлинного, страшного и пошлого мира.

Набоков удержал свою Россию на страницах своих книг. Для его сестры аналогичным способом фиксации потерянного времени становятся постоянные возвращения в детство, в устоявшийся уклад большой русской семьи. "Я часто чувствую в руке, в горсти... дверную ручку кабинета на Морской и дивный запах цветов и чистоты в кабинете в Выре". В ее письмах оживают споры и шутки их дома, слышен голос отца, к которому оба — и брат, и сестра — относятся с какой-то, я бы сказала, благоговейной любовью. Всякое воспоминание о нем равно драгоценно для обоих. "Мы с тобой последние хранители, последние два сосуда общего прошлого", — пишет Набоков сестре. Их письма дают читателю единственную в своем роде возможность прикоснуться к этому прошлому, заглянуть их глазами в навсегда ушедший мир.

Книга Шаламова "Воскрешение лиственницы" (УМСА-Press, 1985) составлена из рукописей, оставшихся после его смерти и пересланных на Запад друзьями. Многие здесь производят впечатление обрывочности, фрагментарности, очевидно, писатель не успел придать своей автобиографической повести окончательную форму. Но шероховатая, неотделанная, временами заскорузлая проза Шаламова таит в себе суровое дыхание подлинности, полновесный отзвук "живой жизни", монолитность гранита.

Писательское кредо Шаламова изложено в рассказе "Воскрешение лиственницы", не случайно давшем название всему сборнику. Это не частый у Шаламова лирический рассказ-аллегория, написанный на одном дыхании, в приподнято-поэтической тональности. Человек с Дальнего Севера посылает по почте вдове погибшего на Колыме поэта — вероятно, имеется в виду Мандельштам — ветку лиственницы, "мертвую ветку живой природы". Ветку ставят в хлорированную водопроводную воду, и она оживает, пускает новые иглы. Происходит "чудо воскресения". Посылая ветку, бывший эзк "хотел напомнить о себе", и не только о себе: в ней заключена "память о тех миллионах убитых, замученных заключенных, которые сложены в братские могилы к северу от Магадана". Он думал только о памяти, он не мог надеяться на то, что ветвь оживет и "люди Москвы... будут вдыхать ее запах — не как память о прошлом, но как живую жизнь". История воскресшей лиственницы воспринимается — в контексте шаламовской жизни — как метафора существования искусства.

Самое крупное произведение в сборнике — автобиографическая повесть "Четвертая Вологда", о детстве в северном городе, в суровый климат которого ссыльные "вносили категорию будущего времени". Шаламов рассказывает о своем детстве со сдержанностью много повидавшего человека, здесь нет ни умиления, ни самолюбования, все тот же жесткий взгляд лагерника и та же горечь. Это — трудное детство и вдобавок, как замечает составитель книги и автор предисловия М. Геллер, история созревания бунтаря. "Моя оппозиция, мое сопротивление уходит корнями в самое раннее детство." Но одновременно это история становления поэта, которому претит — вопреки урокам отца — самое понятие жизненного успеха и пользы. Будущий поэт запоем читает книги, но его самовоспитание состоит и в каждодневном поиске нравственных ценностей, отличных от отцовских догм. Сама семья дает примеры драматического противостояния сохраненной и порушенной нравственности. Отец — жесткий, требовательный, считает своим неотъемлемым правом ломать и корезить жизнь близких: "При его жажде успеха — зачем он стал священником, зачем взял на себя самое несправедливое право — право давать советы другим? Трудно? Почему же? Почему же трудно?" — недоумевает сын. Не под знаком ли подобного диктата — уже не семейного, а государственного — пройдет вся мучительная и мученическая жизнь Шаламова? Чудесные строки посвящены матери, закабаленной отцом, изуродованной непосильной домашней работой. "Мама любила стихи, а не ухваты", — с горечью замечает автор. Старшая сестра — образец самоотверженности и жертвенности, праведница и заступница обездоленных. И, наконец, брат. Сломленный советской властью, он становится осведомителем и публично отрекается от отца-священника. Брат "умер в тот самый день и час, 12 ноября 1953 года, когда иркутский поезд дальнего следования подошел к московскому перрону и я вылез из вагона после шестнадцатилетнего отсутствия". Вставленная в рамку художественного произведения, такая коллизия и такая концовка рискует показаться надуманной, даже мелодраматической. Но перед нами — живая жизнь.

Есть в "Четвертой Вологде" эпизод, который, раз прочитав, забыть невозможно. Варлам Шаламов блестяще заканчивает десятилетку. "Вы будете гордостью России", — предрекает учительница. Но на дворе 1923 год, и детям духовенства путь в университет заказан. Мальчик с отцом, к тому времени ослепшим, идет на прием к заведующему РОНО товарищу Ежкину. "В жизни я не забуду этот визит", — замечает автор. Прием проходит стоя, — незрячий отец держится за плечо сына, заведующий "возмущен до глубины души — "поп в кабинете". Звенящим от негодования голосом он заверяет старика в том, что его сыну никакими силами не получить высшего образования, после чего обращается к мальчику:

"Ты-то понял? Отцу твоему в гроб пора, а он еще обивает пороги, ходит, просит... Вот именно потому, что у тебя хорошие способности, — ты и не будешь учиться в высшем учебном заведении — в ВУЗе советском.

И товарищ Ежкин сложил фигуру и поднес ее к моим глазам".

Почти одновременно с изданной в Париже посмертной книгой Шаламова в Москве, в "Новом мире" (№ 1, 1986), появился рассказ Валентина Катаева "Сухой лиман" — последняя прижизненная публикация ныне покойного мэтра. По странному совпадению герои катаевского рассказа — потомки старинной священнической семьи Синайских. Впрочем, если подумать о том явственном возрождении русского национализма, которое сейчас имеет место в Союзе, совпадение это не покажется странным.

Широко распространено (и отчасти подхвачено эмиграцией) мнение о Катаеве как о замечательном прозаике, создававшем в последние годы, "вопреки своей загубленной репутации", шедевр за шедевром. Оболочка в таких определениях часто оказывается наполненной воздухом. Конечно, мастер, — кто же спорит. И в последнем рассказе видишь "умирающие сады одесского бульвара", и буквально ощущаешь грустный ветерок, овевающий неспешную прогулку двоюродных братьев Синайских. Один — гене-

рал медицинской службы, другой – член-корреспондент Академии наук... ”Оба были отпрысками некогда большой семьи вятского соборного протоиерея”.

Сюжет рассказа очень прост, это даже не сюжет, а некая рамочная конструкция, в которую, как во всех последних вещах Катаева, прихотливым узором вплетаются воспоминания. Член-корреспондент Александр Синайский, оказавшись в городе своего детства Одессе, навещает в больнице двоюродного брата Михаила Никаноровича, генерала. Он застаёт его за чтением Пушкина, и тот сходу зачитывает гостю отрывки из письма к Чаадаеву: оно, это письмо, ”между прочим, отчасти касается и нас с тобой”. Читает Михаил Никанорович, естественно, особенно популярные нынче слова о том, что Россия, ”ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие... нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех”. Членкор реагирует на это так: ”Вероятно, это наша вечная историческая миссия – спасти человечество и его цивилизацию. Но будет ли в свою очередь человечество спасать нас, вот в чем вопрос.” Этим диалогом дело не ограничивается: генерал читает вслух кусочки насчет русского духовенства, которое ”было достойно уважения... оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда бы не вызвало реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве”. Вот что, оказывается, имеет ”самое прямое отношение” к братьям Синайским, которые на 68-м году советской власти не только не позабыли о своем происхождении, но и гордятся им и с просветленной грустью перебирают осколки истории своей семьи. Истории, конечно, в меру благополучной. Катаев и здесь, как и в предыдущих рассказах, заботливо занимается ювелирно-тщательным воссозданием пространства, полностью игнорируя при этом время. Есть в этом умении что-то от слегка отдающего маниакальностью искусства уместить Коммунистический манифест на пшеничном зерне. Спору нет, у катаевских героев были в жизни свои трудности, войны, смерть близких, ранения и недуги. Но эти люди никогда не стояли в кабинетах РОНО перед товарищем Ежкиным, показывающим фигу; без всяких затруднений они поступили в институты, получили чины и научные звания, им не пришлось идти с этапом и сидеть в штрафном изоляторе в лагере на Колыме. Допустимо ли, впрочем, укорять писателя тем, что его герои не понюхали этой, другой жизни? Не посягаем ли мы на священное право художника выбирать самому объекты своего художественного исследования?

В рассматриваемой выше книге В. Шаламова есть рассказ ”У стремени”, который дает косвенный ответ на эти вопросы. Инженер Покровский, осужденный в начале тридцатых годов за вредительство, в эйфорическом захлебе вспоминает, как замечательно работалось на строительстве, которым командовал известный чекист Берзин: ”Едиственная стройка, где все делалось в срок, а если не в срок – Берзин скомандует, и все является как из-под земли. Инженеры... получили право задерживать людей на работе, чтобы перевыполнять норму. Берзину каждое утро подавали лошадь для объезда объектов, и, садясь в седло, он принимал просителей-заклученных ”без бюрократизма”. ”При этом он их глубоко презирал, всех этих толпящихся вокруг его коня инженеров, которые ”бойко работали за пайку, за смутную надежду быть представленными к досрочному освобождению”. Шаламов задумывается над тайной людей, стоящих ”у стремени”. ”Всю жизнь я наблюдаю раболепство, пресмыкательство, самоунижение интеллигенции...”

Верхом на коне начальник успевал принять десять посетителей. И кажется, будто сам Катаев стоял в этой очереди одиннадцатым, – оттого-то он ни разу не смог позволить себе роскоши отойти от стремени на сколько-нибудь заметное расстояние.

Совершенно иной образ писателя – не советского, но русского – возникает в книге Семена Липкина ”Сталинград Василия Гроссмана” (”Ардис”, 1986). Это, безусловно, лучшее из написанного о большом писателе, трагическая фигура которого все еще остается в тени, даже после выхода в свет его романа ”Жизнь и судьба”. Липкин пишет о Гроссма-

не на правах ближайшего друга, едва ли не ежедневно общавшегося с ним более 20 лет, и потому перед нами — книга-память. Но Липкин вспоминает о Гроссмане и как писатель, товарищ по литературному цеху, и потому это еще и книга-размышление.

За годы, прошедшие после появления "Жизни и судьбы", выработался стереотип, заданный, быть может, анонимным предисловием к русскому изданию романа: советский писатель, автор достаточно благонадежных произведений, создатель монументального эпоса "За правое дело", вполне тянувшего на Сталинскую премию, Василий Гроссман вдруг ни с того, ни с сего написал вторую книгу дилогии с такой пронзительной правдивостью, что роман был арестован КГБ и лишь через двадцать лет вышел на Западе. С. Липкин разрушает этот стереотип. Он утверждает, что "оба романа принадлежат одному и тому же таланту, цельному и мощному", и убедительно показывает, как с самого начала неуютно и тесно было Гроссману в затхлых апартаментах советской литературы.

Не случайно одним из самых близких людей для Гроссмана в его удачливую — военную — пору был существовавший в советской литературе на обочине, на положении отверженного Андрей Платонов. Что их объединяло? "Оба, — пишет Липкин, — ненавидели и презирали лакейскую литературу и даже у писателей, считавшихся приличными, даже у тех, с кем приятельствовали, терпеть не могли полуправду, позерство, пустословие, выверты". Таковы черты, по которым невозможно не узнать советскую литературу.

Участник Сталинградской битвы, "с жадностью и отвагой художника" искавший на полях сражений "истину войны", человек беззаветной отваги, Гроссман на фронте не был даже ранен. "Его настигла не немецкая пуля, а другое страшное оружие". Механизм действия этого оружия описан в книге Липкина с исчерпывающей полнотой. И не в 60-м году, когда была закончена "Жизнь и судьба", началась эта история. Еще за десять лет до того Александр Твардовский, решив напечатать в "Новом мире" первую часть дилогии, "Сталинград", — так сначала называлось "За правое дело", — отправил рукопись члену редколлегии Шолохову. Он рассчитывал на его поддержку. Шолохов ответил кратко и выразительно: "Кому вы поручили писать о Сталинграде? В своем ли вы уме? Я против". Замечательный пример литературного холопства.

Автор справедливо замечает, что события вокруг дилогии Гроссмана очерчивают не только личную судьбу писателя, но "с необычной выпуклостью выявляют черты нашей литературы и — шире — нашей страны". Рассказ о жизни и гибели Гроссмана обрастает побочными, но имеющими самое непосредственное отношение к судьбе писателя историями предательства, больших и малых, которыми, как частоколом был окружен Гроссман. После выхода в свет первой книги, "За правое дело", его травили не только открытые враги и черносотенцы; били роман и калялись в собственных ошибках даже те, кто поддерживал его вначале, — Твардовский и Фадеев.

Размышляя о судьбе первой книги, Липкин на редкость точно и пронизательно определяет причины ее несовместимости с литературой соцреализма: "Социалистический реализм не боится декадентства, модернизма, преследует их, ибо должен преследовать, но не боится. Социалистический реализм боится реализма. Так Антихрист не боится неверия или язычества, он может их взять в соратники. Антихрист боится Христа".

Кончив "Жизнь и судьбу", Гроссман писал Липкину о том, что не испытывает радости, но лишь "смутное, тревожное, озабоченное" чувство. "Прав ли я? Это первое, главное. Прав ли перед людьми, а значит, и перед Богом? А дальше уже второе, писательское — справился ли? А дальше уже третье — ее судьба, дорога. Но вот сейчас я как-то очень чувствую, что это третье, судьба книги, от меня отделяется в эти дни. Она осуществит себя помимо меня, раздельно от меня, меня уже может не быть". Какие удивительные, пророческие слова.

Перечитывая "Жизнь и судьбу", я всякий раз поражаюсь, как можно было надеяться напечатать роман. Но ведь то был 1960 год, и буквально накануне произошли небыва-

лые, невероятные вещи: были произнесены слова о "культе личности", и вернулись многие из тех, кого уже никак не чаяли увидеть на этом свете. Люди невольно начинали верить в чудеса. И ловишь себя на мысли о том, что если бы роман был тогда напечатан, быть может, все развитие нашей литературы пошло бы по-другому и следом за "Жизнью и судьбой" могли бы появиться в печати другие вещи, которые теперь, после долгих скитаний, обрели свой дом в западных издательствах; и кто знает, может, и эти скромные заметки я писала бы сейчас не для зарубежного журнала, а для — ну, скажем, для того же "Знамени", редактор которого в 1960 году передал роман Василия Гроссмана в КГБ.

Внешне Липкин как будто ограничивает свою задачу рассказом о диалогии, однако подлинное пространство книги шире и глубже. Автор явно несправедлив к себе, когда сетует на неумение создать "портрет одного из самых крупных русских писателей нашего столетия", — на самом деле он его создает, быть может, не отдавая себе в этом отчета. Пусть для людей, знавших живого Гроссмана, этот портрет окажется неполным, пусть они обнаружат в нем недочеты или пробелы, — все это не отменяет главного: в книге возникает образ удивительно цельного, обладавшего огромной нравственной силой и подлинно интеллигентного человека, "сурово-прямого, непримиримо-требовательного, аскета-францисканца в литературе". Там и сям разбросаны в книге Липкина емкие наблюдения, выразительные штрихи к портрету. Вот писатель в годы войны, его очерк "Направление главного удара" вызвал похвалу самого Сталина: вождь, не любивший Гроссмана и когда-то самолично вычеркнувший его фамилию из списка представленных на соискание премии своего имени, приказал "Правде" перепечатать очерк из "Красной Звезды". Узнав об этом, Эренбург сказал Гроссману: "Вы теперь можете получить все, что попросите". Липкин добавляет: "Но Гроссман ни о чем не просил".

С образом Гроссмана связан еще один стереотип — мрачного нелюдима, хмурого мизантропа. Автор воспоминаний считает своим долгом разрушить и этот штамп. С горьким и каким-то усталым недоумением говорит он о "приятелях-писателях, год за годом терявших человеческое начало", забывавших телефон старого друга, едва над ним нависала беда, пишет о том, как немыслимо трудно жить честному и прямому человеку в наши дни, "когда простая житейская порядочность, вследствие своей редкости, воспринимается как нечто удивительное, сверхпрекрасное". Зарисовки приятелей-писателей, стереотипов их поведения убийственно точны и беспощадны. Вместе с тем перо Липкина не пышет злобой и негодованием. Для него все эти "малюты скуратовы пополам с тартюфами" хоть и презренны, но заслуживают жалости, даже снисхождения, он умеет разглядеть за их "гольдониевскими масками" человеческие лица. И все-таки: "Ошибка Гроссмана, по-моему, состояла в том, что он литераторов нового — советского — типа мерил старой меркой русской интеллигенции, принимая их всерьез".

Гроссман сказал о себе, что его "задушили в подворотне". Булгаков писал другу о том, как посреди бела дня на Фонтанке в него вонзились разбойничьи ножи. Замятин свое письмо к Сталину с просьбой разрешить поездку за границу начал словами: "Приговоренный к высшей мере наказания..." Этот перечень сходных судеб можно продолжать. Можно добавить к нему и судьбу самого Семена Липкина, которого Ахматова причисляла к лучшим поэтам современности и которому удалось напечатать в советских издательствах всего лишь одну книгу собственных стихов. В 1979 году, после разгрома "Метрополя", где были и его стихи, Липкин вышел из Союза писателей, обрекая себя — в свои 68 лет — на существование изгоя. Как не было внезапного зигзага между двумя частями эпопеи Гроссмана, а был логический процесс мучительного постижения советской действительности, так и здесь не было непоследовательности. И с мужественной простотой звучат слова из книги, написанной в опале и об опале: "Когда впоследствии я сделал решительный поворот в своей жизни, я мысленно спрашивал совета у Гроссмана, и мне казалось, что я слышу одобрение оттуда, где мы еще, может быть, встретимся". ●

Уважение к человеку! Уважение к человеку!... Вот пробный камень! Когда нацист уважает только того, кто с ним схож, он уважает лишь самого себя. Отклоняя созидательные противоречия, он уничтожает всякую надежду на преобразование человека и на тысячу лет вместо человека утверждает робота в муравейнике. Порядок ради порядка выхолащивает человека, лишая его основного дара — преобразовать мир и самого себя. Жизнь творит порядок, но порядок жизнь не творит.

Нам же, напротив, кажется, что наше преобразование еще не завершено, что завтрашняя истина питается вчерашними ошибками и что преодолеваемые противоречия служат почвой для нашего роста. Мы признаем свое родство и с теми, кто не похож на нас. Но какое это необычное родство! Оно основывается на будущем, а не на прошедшем. На цели, а не на истоках. Мы друг для друга — странники, разными путями устремляющиеся к одному и тому же свиданию.

И вот сегодня самое условие нашего преобразования, уважение к человеку, оказывается под угрозой. Потрясения современного мира погрузили нас во мрак. Все проблемы кажутся запутанными, все решения — противоречивы. Вчерашняя истина умерла, истину завтрашнюю еще предстоит создать. Никакого приемлемого синтеза пока не видно, и каждый из нас обладает лишь малой крупницей истины. За отсутствием очевидной правоты, которая могла бы импонировать всем, политические религии прибегают к насилию. И вот из-за несогласия в средствах мы рискуем забыть, что цель перед нами одна...

Каким бы важным ни казался нам иной поступок, чтобы он не был бесплодным, мы не смеем забывать, ради чего этот поступок совершается. Мы стремимся воспитать в людях уважение к человеку. Зачем же нам ненавидеть друг друга, если мы из одного лагеря? Никто из нас не может претендовать на монопольную чистоту намерений. Во имя своего пути я могу отвергать путь, избранный другим. Я могу критиковать послышки его интеллекта. Посылки интеллекта не безусловны. Но я обязан уважать этого человека, как носителя Духа, если он стремится к той же звезде.

Уважение к Человеку! Уважение к Человеку!... Если уважение к человеку заложено в сердцах людей, они в конце концов неизбежно придут к созданию такой социальной, политической или экономической системы, которая сделает это уважение непреложным законом. Всякая культура закладывается прежде всего в самой человеческой сущности. Сначала это слепое устремление человека к теплу. И лишь потом, идя от ошибки к ошибке, он находит путь, ведущий его к огню.

Антуан де Сент-Экзюпери,
"Письмо к заложнику", 1943 г.

СТЕНА ПОЗОРА —

В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ